

ОСА
ДАРССОН

ГРЕХИ НАШИХ
ОТЦОВ

НАЦИОНАЛЬНЫЙ БЕСТСЕЛЛЕР ШВЕЦИИ
ЛУЧШИЙ КРИМИНАЛЬНЫЙ РОМАН 2021 ГОДА

«ОНА ПРЕВОСХОДНО ПИШЕТ. ЧИТАТЬ ЕЕ РОМАНЫ – ОГРОМНОЕ
УДОВОЛЬСТВИЕ». – ЛЕЙФ Г.В. ПЕРССОН

Крафтовый детектив из Скандинавии. Только звезды

Оса Ларссон

Грехи наших отцов

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.113.6-312.4
ББК 84(4Шве)-44

Ларссон О.

Грехи наших отцов / О. Ларссон — «Эксмо»,
2021 — (Крафтовый детектив из Скандинавии. Только звезды)

ISBN 978-5-04-175636-9

Женщина по имени Рагнхильд Пеккари добралась до речного острова, на котором жил ее брат, алкоголик и бездельник Хенри. От него давно не было известий, и она решила проверить, в чем дело. Ее наихудшие подозрения подтвердились – Хенри умер. Но вот к остальному Рагнхильд была совершенно не готова... В морозильной камере она обнаружила труп какого-то мужчины. Экспертиза установила, что это тело отца знаменитого шведского боксера Бёрье Стрёма. Он бесследно пропал... еще в 1962 году. У убийства вышел срок давности, но прокурор Ребекка Мартинссон полна решимости докопаться до правды. В первую очередь потому, что семья Пеккари ей, мягко говоря, не чужая. Их связывает... ненависть, коренящаяся глубоко в прошлом. Так что для Ребекки это прежде всего семейное дело...

УДК 821.113.6-312.4
ББК 84(4Шве)-44

ISBN 978-5-04-175636-9

© Ларссон О., 2021
© Эксмо, 2021

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

73

Оса Ларссон

Грехи наших отцов

Åsa Larsson

FÄDERNAS MISSGÄRNINGAR

Copyright © Åsa Larsson 2021. Published by agreement with Ahlander Agency

© Боченкова О.Б., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Вторник, 26 апреля

С тех пор как Рагнхильд Пеккари решила умереть, жить ей стало намного легче.

У нее был план. Часа два пути на лыжах, если выдержит ночной наст. По прибытии на место, где над рекой каждый год образуется что-то вроде припорошенного снегом ледяного мостика, Рагнхильд разведет огонь и выпьет последнюю чашку кофе. Растопит снег и выльет воду в рюкзак, чтобы он стал тяжелым и в нем не осталось места для воздуха, оттолкнется и на лыжах выкатит на лед, который проломится, если все получится, как она задумала. Иначе придется оттолкнуться еще раз.

Все должно пройти быстро. Ни единого шанса изменить что-либо с рюкзаком на спине и лыжами на ногах. А потом все наконец закончится.

* * *

Рагнхильд хорошо подготовилась к встрече со смертью и действительно встретила ее именно в тот день – правда, не совсем так, как рассчитывала.

Так или иначе, ей заметно полегчало, как только решение было принято. Душа Рагнхильд распрямилась, словно березки в лесу. Тяжелый снег склонил к земле их серые ветви, выгнув арокными дугами. А теперь они расправились и из серых стали фиолетовыми – цвет искупления.

Рагнхильд вышла на пенсию в прошлом году в июне. Главврач произнес речь по этому случаю, но, как видно, плохо подготовился. Перепутал даже год начала работы Рагнхильд в клинике, что можно было просто уточнить. Тот еще проныра. Из тех, кого смущало, что Рагнхильд уж очень задержалась на своем месте. Элизабет – его правая рука – презентовала Рагнхильд открывашку в виде серебристого дельфина.

Элизабет больше двадцати лет на административной должности и плохо представляет себе, чем занимаются они, простые сестры. Поэтому вечно осложняет им жизнь неудобными графиками и лишней работой. И, конечно, всегда выступает на стороне руководства.

В довершении всего – этот дельфин. Рагнхильд выдавила из себя «спасибо», после чего страшно захотелось вымыть руки с мылом.

Во время прощального банкета ее чудом на стошнило на стол с дешевыми бумажными салфетками и покупным тортом. Врачи приходили и уходили. Рагнхильд обменялась взглядами с несколькими медсестрами. Странно все-таки, что коллеги, которых труднее всего поднять со стула, когда пациенту плохо, в мгновение ока слетаются на сладкое.

Кто-то из реанимации спросил: «Что празднуем?» – с набитым ртом. Вечеринка завершилась ритуальными объятиями. Рагнхильд постояла перед шкафчиком, который считала своим почти тридцать лет. Заперла его в последний раз и вышла из больницы с чувством нереальности происходящего и дурацким дельфином в сумке.

В остальном было лето как лето – что-то вроде затянувшегося отпуска. Осенью Рагнхильд решила разнообразить досуг и записалась на курсы вязания, вместе с некоторыми другими

бывшими коллегами на пенсии. Не забывала и о спорте, регулярно посещала тренажерный зал и гуляла в лесу. Ну и читала, конечно, – в среднем по книге в день.

Зима миновала почти наполовину. Рагнхильд знала, что в клинике не хватает рук, но ей никто не звонил. Элизабет не желала ее возвращения. Рождество Рагнхильд отмечала одна – странное чувство. До того она всегда предпочитала работать по большим праздникам.

А в начале марта, когда возвращалась из магазина с полными сумками, вдруг вспомнила детство. Тогда Рагнхильд было не больше шести лет, и она пошла на реку с дядей, братом отца. Дядя выпилил во льду прорубь и теперь хотел опустить в нее лодочный мотор. Там же тетя полоскала простыни, но иногда прорубь использовали, чтобы избавиться от ненужного хлама.

В те времена не считалось зазорным выносить на лед вышедшие из употребления холодильники и прочую рухлядь. Все это опускалось на дно по мере того, как лед таял. На этот раз была готовая прорубь, в которую было достаточно просто все побросать, пока она не смерзлась.

Рагнхильд стояла у самого края. Дядя даже не предостерег ее, чтобы держалась подальше. На ее глазах тяжелый мотор плюхнулся в воду, а потом медленно, словно зависая, стал погружаться, пока не коснулся дна с приглушенным стуком.

Рагнхильд до сих пор помнила это чувство, когда пытаешься заглянуть в глубину. Головокружение от близости смерти и медленный, гипнотический танец мотора в пронизанной солнечными лучами воде. Как будто Рагнхильд затягивало следом и она медленно кружила по нисходящей спирали. А потом со дна поднялось облако ила.

Рагнхильд вспомнила это, возвращаясь из магазина с недельным запасом продуктов, когда вдруг поняла, что ее мотор уже на дне. Девять месяцев миновало со дня выхода на пенсию, когда она сказала себе: «Ну всё, хватит». И это принесло невероятное облегчение. Рагнхильд решила пережить эту зиму, а потом еще «сезон вздохов» – ту пору, когда снег еще лежит толстым одеялом, но уже не держит человеческий вес и то и дело схлопывается с похожим на вздох звуком.

В марте и апреле ходила на лыжах в лес. Каждый день – мела ли метель или светило солнце, не имело никакого значения. В солнечные дни разводила огонь, садилась на подстилку из кожи, снятой с оленьего черепа, и пила кофе с бутербродами. Книг она больше не читала.

Заглядывая внутрь себя, удивлялась царившему там спокойствию. Тому, как сила принятого однажды решения раз и навсегда погасила ноющую душевную боль.

В конце апреля приступила к уборке дома. Все надлежало оставить в порядке, но не идеальном и окончательном. Порядок не должен свидетельствовать о самоубийстве. Все что угодно, только не вздохи соседей, сочувственно качающих головами, – «боже, как же все-таки она была одинока...»

Все должно выглядеть как несчастный случай. В холодильнике останутся свежие продукты. Рагнхильд отнесла в химчистку зимнюю куртку. Кто сдает вещи в чистку, когда собирается покончить с собой? Розовую квитанцию положила на видное место, рядом с кофейником.

За окном таяли сосульки на желобе, с каждым днем становилась все оживленнее монотонная капель. Снег падал с крыш и таял даже вдали от асфальтированных дорог, которые давно лежали сухими. Дни летели, отделяясь один от другого лишь несколькими часами сумерек. Но ночной наст все еще держал человеческий вес, что было главным условием.

Во время уборки они задумалась, как поступить с фотографиями дочери. Их нельзя было оставлять на прежнем месте, между страницами любимых романов Рагнхильд в книжном шкафу. Слишком велик риск, что рано или поздно книги окажутся в «Кюпане»¹, по пять крон за штуку. И когда снимки Паулы выпадут из них, это может дать повод нежелательным пересудам: «Зачем она хранила фотографии дочери в книгах? Странная все-таки была женщина...»

¹ «Кюпан» – магазин Красного Креста в Швеции, где продают вещи, бывшие в употреблении.

Ее станут жалеть – вот уж спасибо... Но что делать? Вложить фотографии в рамки и выставить на столе? Сжечь?

Рагнхильд пролистала стопку. Вот здесь Пауле два года, улыбка и мороженое по всему лицу, на голове корона – маленькая принцесса. А здесь Пауле уже пять, и она отправляется в свой первый поход. Они шли к озеру Тролльшён, было тепло, и склоны гор пестрели цветами. На Пауле – ничего, кроме трусов и панамки. Когда девочка уставала, Рагнхильд сажала ее себе на плечи.

«Я была крепкой, как горная березка, – подумала она. – Рюкзак за плечами, ребенок на плечах, дорога в гору – и хоть бы что».

Рагнхильд выбрала пляжную фотографию, где Паула обнимает бабушку. И школьные снимки, такие обычные, где та на тоскливо-голубоватом фоне – не улыбалась даже, а только растягивала рот, с затаившимся в глубине глаз страхом.

Она осторожно, легко дыша, перелистывала снимки. Оставалась спокойной, но чувствовала в душе опасного зверя, готового пробудиться. Зверь материнства – вот кого следовало остерегаться! – в любой момент мог выползти из норы, с выпученными глазами и вздыбившейся на затылке шерстью. Ослепленный обидой и злобой, он желал одного – прояснить ситуацию. Попросить прощения, указать на сообщников, объясниться – в общем, позвонить.

В конце концов фотографии Паулы легли в ящик письменного стола.

Окна давно пора мыть, но здесь особый случай. Рагнхильд требовалось навести порядок только в личных вещах. Не говоря о том, что идеальная чистота в доме выставила бы ее жертвой. В общем, окна лучше оставить как есть.

В последний день она сделала все как решила. Вечером собрала рюкзак с тяжелыми вещами, которые со стороны выглядели бы как самая естественная поклажа. Старая зимняя палатка, бутылка вина, спальный мешок, пуховик, оленья шкура, туристическая горелка «Трангия».

Последний раз полила цветы – они уж точно ни в чем не виноваты.

Достала с полки Библию.

– Если тебе есть что мне сказать, то сейчас самое время, – обратилась Рагнхильд к Господу.

Открыла наугад. Попала на страницу в Книге Судей, где женщина по имени Иаиль убивает военачальника Сисару. Когда тот спал, Иаиль пробралась к нему с молотком и колом от шатра и забила кол ему в висок, буквально пригвоздив к земле.

– Смешной ты все-таки, – строго заметила Рагнхильд Господу. – Как склочный старичок на скамье. Ничего толком сделать не можешь, зато на все имеешь собственное мнение.

С этими словами она захлопнула бесполезную книгу.

Около часа ночи, когда загрохотало на шахтах и по всему дому словно пробежала дрожь, Рагнхильд прилегла на кровать вздремнуть.

В половине третьего она в последний раз заперла дверь своей квартиры. Ничего особенного не почувствовала. Мысленно произнесла обычную фразу – «ничего не горит, ничего не течет» – и повернула ключ в замке.

Лыжи и поклажу отнесла в машину. Настоящее полуночное солнце² взойдет недели через три, но уже теперь Кируна дремала, погруженная в мягкий свет. Было тихо, кроме звуков с шахты, более отчетливых ночью, когда их не заглушает дневное уличное движение. Скрип вагонетки, доверху груженной рудой, лязг тормозов, монотонный гул шахтных вентиляторов. «Под этим городом мина замедленного действия, – подумала Рагнхильд. – Пройдет не так много времени, прежде чем он провалится в преисподнюю».

² Полуночное солнце – полярный день.

Никто не видел, как она выезжала из Кируны. Город выглядел заброшенным, обезлюдевшим, как будто жителей уже эвакуировали. Вскоре Рагнхильд вырулила на трассу Е10. Думала о том, сколько пройдет времени, прежде чем они вызовут слесаря и войдут в ее квартиру. У нее больше не осталось коллег, которые могли бы беспокоиться ее отсутствием, но были еженедельные занятия – тренажерный зал, йога, курсы вязания. Недели через две кто-нибудь должен ее хватиться.

Она повернула на восток, в сторону Виттанги. Дорога шла вдоль реки ее детства, Турнеэльвен. Рагнхильд думала о предстоящем ледоходе, распускающихся почках, птичьим щебете и полуденном солнце, но без тоски или желания пережить все это еще раз.

Она так и не включила радио и не встретила ни одной машины, кроме нескольких грузовиков с шахты. Высохший асфальт лежал в трещинах и выбоинах после зимних морозов.

* * *

Рагнхильд Пеккари припарковалась у старого карьера. Взяла лыжи под мышку и пошла вдоль дороги, высматривая, где можно было бы перебраться через покрытый ледяной коркой вал. Не хватало только сломать руку или ногу.

Выбрав подходящее место, где насыпь была ниже и не такая бугристая, Рагнхильд вышла в лес. Оглянулась, но машина и дорога были скрыты от глаз снежным валом и перестали существовать.

Вьюрки уже проснулись. В этом году их как никогда много, поэтому щебет стоит как в тропиках. И это только усиливает чувство, которое возникает у Рагнхильд каждый раз, когда она вступает под своды леса, – как будто переходишь из одного мира в другой.

И еще, она всегда ощущала лес как мать. Или женское божество, что-то вроде саамской Маттаракки, которая всегда рада видеть Рагнхильд. С детства убегала с не приветливого школьного двора в избушку Матери. И только там, за закрытой дверью, чувствовал себя в полной безопасности.

Теперь есть только она – и лес. Стволы сосен отсвечивают медью. Старые высокие ели в серых нижних юбках. Цвет неба меняется от розового до голубого, с бледным утренним солнцем на юго-востоке и полной белой луной на северо-западе. Они светят друг против друга, сплетая лучи наподобие саамской оловянной проволоки.

Рагнхильд становится на лыжи и, легко отталкиваясь палками, скользит по ночному насту. Он твердый и блестящий, и требуется немалая сноровка, чтобы удержаться на ногах, когда лыжи разъезжаются в разные стороны.

Под деревьями, куда падает с веток подтаявший снег, корка особенно твердая и похожа на толстое кусковое стекло. Если бы утром припекло как следует, наст мог бы не выдержать, что усложнило бы Рагнхильд задачу. Но он достаточно прочный и гладкий. Лыжи почти не оставляют следов. Рагнхильд слышит воронов. Издалека их карканье легко принять за собачий лай. Но вскоре из-за деревьев появляется пара черных разведчиков. Птицы кружат над головой Рагнхильд, перекликаются.

* * *

Ощущение времени исчезло, поэтому было удивительно вдруг услышать звук падающей воды. Неужели она на месте? Рагнхильд посмотрела на часы.

Половина шестого. Рагнхильд только что миновала заросли ив, на которых уже набухли мохнатые почки. Теперь она идет вниз по течению, к выбранному месту. Он все еще здесь – красивый мост из снега и льда над порогами.

Но сначала кофе.

На небольшом возвышении, метрах в двадцати от реки, – красивая карликовая сосна, коренастая и узловатая. Вокруг ствола достаточно оттаявшей земли, чтобы Рагнхильд было где сесть и развести огонь.

Она собирает сухостой – ровно столько, чтобы хватило на небольшой костерок: серые еловые веточки, кору, бородатый лишайник и можжевельник. Потом делает в насте дыру и наполняет снегом кофейник. Подойти к реке не решается – берега слишком обледенели. Свалиться в воду раньше времени – последнее, что ей нужно.

Недостаток логики в собственных рассуждениях заставляет Рагнхильд улыбнуться и покачать головой. Что ж, пусть все пройдет так, как она задумала. Рагнхильд поджигает сухостой при помощи зажигалки. Она умеет развести огонь где угодно и при любой погоде, не доставая без необходимости спички, и всегда гордилась этим. Странно только, что в последние минуты жизни мысль задерживается на таких мелочах.

В тот момент, когда кофе закипает, звонит ее телефон. И Рагнхильд умудряется не только не свалиться в сугроб от неожиданности, но и снять кофе с огня, одновременно выуживая мобильник из внутреннего кармана.

Времени шесть часов и три минуты, и звонят со стационарного телефона. Кто теперь ими пользуется? И номер начинается с 0981, а это, помимо прочего, код поселка, в котором прошло ее детство. Рагнхильд недоверчиво смотрит на дисплей. Давно ей не звонили оттуда. Но сигналы идут и идут, и в конце концов она решается ответить.

В трубке слышится мужской голос, и, похоже, молодой.

– Рагнхильд Пеккари? – спрашивает он. – Ну если это действительно вы... боюсь, у меня плохие новости.

Мужчина представляется владельцем магазина в Юносуандо.

– Речь пойдет о вашем брате Хенри Пеккари, – говорит он. – Вот уже три недели, как он не появляется в нашем магазине.

Рагнхильд понимает, что должна как-то отреагировать, но мысли цепляются друг за друга и спотыкаются, как накачанный диазепамом пациент. В результате с губ не срывается ни слова, между тем как владелец магазина продолжает:

– Собственно, совсем не обязательно что-то случилось. Просто Хенри появлялся у нас каждый четверг, если в выходные накануне мы получали товар из «Сюстембулагета»³... Эй, вы еще здесь? – окликает он ее по-фински.

– Да-да, я слушаю, – выдавливает из себя Рагнхильд.

– Ну, в общем, все это показалось мне подозрительным. То есть и раньше, конечно, бывало, что Хенри к нам не приходил. К примеру, когда лед становился ненадежным. Тогда он неделями мог отсиживаться на своем острове, но непременно предупреждал об этом по телефону. Он ведь живет там один, и поэтому, когда не может до нас добраться, звонит. Мы в магазине, наверное, единственные, с кем он видится и разговаривает. Я пробовал до него дозвониться – и вчера, и сегодня утром. Но никто не отвечает. И вот я подумал...

– Вот, значит, как... – произносит наконец Рагнхильд Пеккари. Тем тоном, который заставляет собеседника почувствовать себя свидетелем Иеговы, возвещающим о наступлении Царства Божия с лестничной площадки с красочным буклетом в руке. Этот тон Рагнхильд использовала не только против скандальных родственников пациентов, но и – гораздо чаще – против главврача и его подпевал.

Она смотрит на кофейник. Кофе, конечно, остыл. Можно подогреть, но тогда это точно будет кошачья моча.

«Вот так со мной всегда, – думает Рагнхильд. – Последняя в жизни чашка – и это будет что-то вроде кофе глясе».

³ Сеть алкогольных супермаркетов в Швеции.

– В общем, я подумал, – продолжает владелец магазина, – что вы могли что-нибудь о нем слышать.

– Вот уже тридцать один год, как я не общаюсь с Хенри, – обрывает его Рагнхильд Пеккари, – и вы не можете этого не знать, как и другие в Юнисе.

– И все-таки вы брат и сестра, – возражает мужчина, теперь уже виновато. – Вот я и подумал, что связаться с вами будет нелишне.

Рагнхильд уже заметила, как часто он повторяет «я подумал», хотя вряд ли способен думать о вещах дальше собственного носа.

– Извините, что побеспокоил, – продолжает голос в трубке. – Первым делом я, конечно, позвонил в полицию в Кируне. Но они сказали, что прислать на остров вертолет нет никакой возможности, пока снег как картофельное пюре.

Ну всё, теперь точно пора заканчивать. Она представляет себе, как владелец магазина поворачивается к коллегам и говорит, что у этой Пеккари, как видно, не всё в порядке с головой, если ее совсем не заботит происходящее вокруг.

И в этот момент Рагнхильд слышит собственный голос.

– Еще один вопрос, – говорит она. – Скажите, а Хенри не покупал у вас собачий корм?

– Не имею ни малейшего понятия, – отвечает владелец магазина. – Я редко сижу на кассе. Сейчас спрошу у жены, одну минуту...

Теперь его голос звучит оживленнее. Мужчина воспрянул духом, как только почувствовал в ней заинтересованного собеседника.

Рагнхильд тут же жалеет о своей несдержанности. Хотя ничего не потеряно. Просто отключить мобильник, сделать вид, что связь прервалась. Но тут голос владельца магазина возвращается в трубку. Да, подтверждает он, Хенри регулярно покупал собачий корм.

Она поднимает глаза к голубому небу, словно ища защиты. От памяти. И от собаки Виллы, чье имя означало «мех» на языке детства Рагнхильд.

У нее были добрые маленькие глазки и белая звезда на груди. Она осталась на острове, с Хенри. И было это – боже мой, Рагнхильд пришлось подсчитать – пятьдесят четыре года тому назад.

Тогда Хенри исполнилось восемнадцать, и он унаследовал дом на острове. А двенадцатилетняя Рагнхильд переехала в город с мамой, папой и сводной сестрой Вирпи. Как она ни плакала, как ни умоляла отдать ей Виллу, слезы ее ничего не значили. «Вилла не сможет жить в городской квартире», – сказал отец. Тогда он не понимал, что это относится не только к Вилле. Никто из них не был создан для города, как показало время.

...Она не успела защититься. К горлу комком подступили слезы – по собаке, которая давно мертва. А мужчина все говорил и говорил. Рагнхильд прохрипела «спасибо» – редкое слово в ее устах. И завершила разговор.

Опрокинула чашку на огонь. Кофейная гуща сделала погасший костер похожим на муравейник. Потом сорвала немного мха с оттаявшей земли под сосной и почистила чашку и горелку. Упаковала рюкзак и встала на лыжи.

Снежный мост подождет. Ночной наст будет держать человеческий вес еще с неделю. Рагнхильд вернется сюда, но не раньше, чем спасет собаку на острове. Она не может бросить ее на произвол судьбы.

Хенри, чертов пьяница, как ты мог так поступить с Виллой?

На обратном пути к машине Рагнхильд повстречалась с самкой глухаря. В сезон спаривания они совсем не боятся людей. Бедная птица бежала следом, наскакивая на лыжи. Возможно, ее возбуждали палки. Все, что мелькает и движется, напоминало петуха. Бывало, такие забежали на школьный двор и гонялись за детьми. Мама Рагнхильд говорила, что дети пробуждают в птицах материнский инстинкт, но Рагнхильд всегда считала это глупостью.

Птица преследовала ее почти два километра.

– Отвяжись, – фыркнула на нее Рагнхильд. – Здесь тебе точно ловить нечего. Зато сама она летела как на крыльях. Оставив позади смерть, как она думала.

Но смерть всегда впереди нас. И сейчас Рагнхильд приблизилась к ней как никогда раньше.

* * *

Рагнхильд Пеккари прибыла в поселок Курккио в девять утра. Припарковалась возле старого магазина Фредрикссона, взяла под мышки лыжи и палки и спустилась к воде. Дорога до бани на берегу была накатана. Рагнхильд повернулась в сторону острова, прищурилась. Сегодня тепло, точно плюсовая температура. Лед ненадежен, это она понимала. С метр толщиной, но рыхлый. Если корка треснет, можно утонуть в снежной жиже.

Но реку в направлении острова то там, то здесь пересекали старые следы снегохода. Они блестели, как стеклянные дорожки в солнечном свете. Вселяя надежду.

Иначе придется ждать до завтрашнего рассвета и идти по ночному льду. Но Рагнхильд ждать не хотела. Она думала о собаке. О Хенри, конечно, тоже, но Хенри мертв. В этом Рагнхильд не сомневалась.

Так или иначе, время поджимало. Там, в двухстах метрах, – дом ее детства. Отсюда он выглядит таким же, как и полвека назад. Разве крыша у сарая наполовину провалилась.

Рюкзак Рагнхильд оставила в машине. Теперь лишний вес ни к чему. Долго не решалась застегнуть крепления на ботинках. Если лед проломится, лыжи лучше будет сбросить. Рагнхильд сделала пробный толчок и заскользила по следу снегохода в сторону острова.

Лед был мокрым и скользким, и лыжи все время норовили разъехаться в разные стороны, а ботинки – вырваться из креплений. Идея нравилась Рагнхильд все меньше, но коль скоро взял черта в лодку, изволь посадить его на берег. Рагнхильд рвалась вперед, отталкиваясь палками. Старалась держать одну ногу чуть впереди другой, чтобы вес распределялся по возможности равномерно. Косилась на дачные дома на берегу, представляя себе их обитателей, прильнувших к окнам с биноклями. «Что это за сумасшедшая?» – наверное, недоумевали они.

Голова потела под шапкой; соленые струйки стекали по лбу, жгли глаза. Но Рагнхильд не решалась остановиться, чтобы вытереть лицо. Пока она в движении, нагрузка на лед меньше.

На середине пути ледяная корка на снегоходной трассе стала тоньше. Тень от леса и насыпи на берегу сюда не доходила, и солнце припекало целый день. Под лыжами затрещало, и решимости у Рагнхильд поубавилось. Подводное течение проходит где-то здесь, судя по тому, что лед истончился еще больше. Но возвращаться, так или иначе, поздно. А снять лыжи значит почти наверняка провалиться.

Рагнхильд отогнала мысли о черной холодной воде и снежном месиве, которое сомкнется над ее головой. Теперь только вперед.

Метрах в сорока от острова одна лыжа провалилась. Нога погрузилась в мокрое, и Рагнхильд упала на бок. Крик отчаяния вырвался из горла сам собой. Рагнхильд поползла, как насекомое, вытаскивая ногу из крепления. Ей казалось, ее затягивает, стремительно и безнадежно. Страх смерти заметался в груди, словно загнанный заяц.

Рагнхильд встала на четвереньки, не решаясь подняться в полный рост, поползла вперед, как раненое животное, прижав колено к единственной оставшейся лыже, бросив палки и извергая ругательства:

– Проклятье... черт... черт вас всех подери...

На берегу навалилась такая усталость, что Рагнхильд едва не уснула тут же, сидя на снегу. И снова удивилась собственному страху смерти, вот уже во второй раз за это утро. Черная холодная вода – разве не так она себе это представляла? Но когда дошло до дела, поползла к берегу, точно жук с подрезанными лапками...

– И все-таки ты трусиха, – сказала себе Рагнхильд голосом обвинителя в черной судейской мантии. – Безвольная наркоманка и алкоголичка.

И тут же другим голосом возразила внутреннему обвинителю:

– Нет... То есть... может, оно и так, но только не сегодня. Не когда я пробиралась к Хенри.

Рагнхильд рванулась к дому. Солнце слепило, как сварочное пламя, тысячекратно усиленное слепящей белизной снега и льда. Вода просачивалась сквозь прорезиненную одежду, плескалась в ботинках.

Рагнхильд огляделась вокруг с тяжелым сердцем. Тридцать один год назад она была здесь в последний раз. С известием о смерти матери, поскольку дозвониться до Хенри так и не получилось. Сосед подбросил ее на лодке до острова. Хенри всем своим видом взывал к жалости, но Рагнхильд осталась холодна. Объявила, что он может прийти на похороны, но только трезвый. Тут Хенри раскис еще больше, как это бывает с алкоголиками, но условие сестры пообещал соблюсти.

Слово свое он, конечно, не сдержал. Кто-то из деревенских видел его возле церкви в Юносуандо. Хенри едва держался на ногах; под пиджаком, знававшим лучшие дни, не было даже рубашки. Пастора уговорили повременить с церемонией. Кто-то сбегал домой и принес подходящую рубашку.

Гроб опустили в землю, и это там, у могилы матери, Рагнхильд оборвала с Хенри любые контакты, выплевывая беззвучное «никогда больше...» и «ты мне не брат».

Но тем самым Рагнхильд от него не избавилась. Не проходило и дня, чтобы она не думала о Хенри со злобой. В душе и мыслях Рагнхильд брату было отведено свое законное место, и над этим она не имела никакой власти.

Вирпи на похороны не пришла. Зато был Улле, весь выглаженный и начищенный. С тощей, как жердь, женой – главным секретарем коммуны. К слабостям Хенри Улле относился терпимее, но ведь он и не ездил сюда через выходные прибираться в доме и стирать его вонючие тряпки.

Тогда они с мамой навещали Хенри по очереди – выходные Рагнхильд, выходные мама. Рагнхильд отказалась от «дежурств», когда ей исполнилось двадцать лет. А мама продолжала ездить, пока болезнь не положила этому конец.

«Мое ожесточенное сердце, – думала Рагнхильд, – что делать мне с тобой теперь, когда *äiti* и *isä*⁴ мертвы? Вирпи тоже нет, а Улле разбогател до неприличия. Даже не подумаю звонить ему с известием о смерти Хенри. Хотя почему обязательно смерти? Что, если он лежит там, живой и невредимый? Только пьяный в стельку и весь перемазан собственным дерьмом...»

Теперь Рагнхильд стояла возле дома, все еще крашенного красно-бурой краской «фалу»⁵, от которой на солнечной стороне ничего не осталось. В прошлый раз дом перекрашивали за мамин счет. В тот год она умерла, но денег на ремонт дать успела. Крыша с северной стороны провалилась, как гамак. Из желоба торчали какие-то прутья, и Рагнхильд потребовалось время, чтобы понять, что это молодые березки пустили корни в жестяном русле, которое никогда не чистилось.

Амбары для сена на лугу всё еще стояли, заваленные снегом изнутри, поскольку дверцы отвалились. Издали они походили на косматых лесных троллей с разинутыми черными ртами. А ведь когда-то, в другой жизни, были чистенькими и аккуратными, полными сухого, душистого сена.

⁴ *äiti* – мать, *isä* – отец (фин.).

⁵ «Фалу», фалунская краска – натуральная красно-бурая краска, применяемая для построек из дерева. Названа по медному руднику Фалун в Швеции.

Они с Вирпи любили здесь играть. Сооружали из сена шалаши, читали девчачьи книжки в просачивающемся сквозь щели между бревнами свете. И прыгали вокруг по лугу, как кузнечики, хоть это и не разрешалось.

А теперь весь двор словно сжался. Свернулся калачиком, как пес, состарившийся раньше времени. Запаршивел.

«Лучше бы Хенри был мертв, – подумала Рагнхильд. – Иначе мне придется самой его убить».

Снег во дворе наезжен, хорошо вычищен снегоходом. Тут и там желтые пятна мочи. Собака? Или сам Хенри? Рагнхильд потопталась на крыльце, стряхивая снег. Дверь оказалась не заперта, но за ней в нос ударила такая вонь, что Рагнхильд отшатнулась.

Моча. Спирт. Нечистоты. Но Рагнхильд недаром всю жизнь проработала медсестрой. Зажала рукой нос, вдохнула через рот и переступила порог дома.

– Хенри! – позвала она.

Ответа не было. Небольшая прихожая переходила в кухню. Грязь как будто выросла в пол, не оставив ни малейшей возможности разглядеть его изначальный цвет. Гардины свисали грязными тряпками. Окна изгажены мухами. На подоконниках горки высохших насекомых.

Мойка завалена контейнерами с протухшими остатками готовой еды. И везде пустые стаканы и банки из-под пива. На столе, где когда-то предполагалось поместить посудомоечную машину, –дохлая крыса, тушка наполовину съедена. Сородичи? Или опять-таки собака?

На полу две пустые миски. «Бедное животное, – подумала Рагнхильд. – Должно быть, приспособилось добывать пропитание самостоятельно, не особенно рассчитывая на хозяина». Она засвистела, подзывая собаку, но та не спешила объявляться.

Следующей была гостиная, и там Рагнхильд увидела Хенри.

Он лежал на диване на спине. Неподвижный, лицо отвернуто к стенке. Такой маленький, сжавшийся, он напомнил Рагнхильд остатки быстроходной лодки, которые они как-то нашли в иле на реке: части киля, что-то от шпангоута – в общем, посудина свое отслужила.

Рагнхильд не видела признаков дыхания, а когда заглянула в лицо Хенри, сразу поняла, что он мертв. Она едва узнала его, с впалыми щеками и заросшего щетиной. Кожа цвета смерти и такая же ледяная на ощупь.

Рагнхильд чувствовала себя не менее холодной и безжизненной, хоть и дышала. Мокрая одежда высосала из тела тепло. Она присела за стол тут же, в гостиной. Рука сама соскользнула в карман за телефоном. Нужно звонить не в «Скорую», а в похоронное бюро – и не тратить понапрасну силы и время медиков, потому что он все равно мертв.

А вот Улле на этот раз обойти не получится. Их ведь двое осталось в городе, брат и сестра, хоть они и не общаются. Где-то внутри зашевелилась старая обида. Рагнхильд почувствовала ее, словно волну, поднимающуюся со дна ночного моря. Хенри и Улле прибрали к рукам наследство отца, когда тот умер, оставив ей оплачивать похороны матери.

«Я позвоню ему, – решила Рагнхильд, – но не прямо сейчас. Мне нужно некоторое время побыть в тишине. Наедине с домом и памятью о матери, отце, Хенри, Вирпи и Улле. О жизни, которая у меня была и которой больше нет. Никто не знает, где я, поэтому часом раньше или часом позже – не имеет значения. Ну и, конечно, собака. Я должна ее найти».

Рагнхильд поднялась. Для нее вдруг стало очень важно отыскать бедную собаку, если только та еще жива. Еще некоторое время она думала о кухне. О том, что скоро сюда придут чужие люди забрать тело и увидят, в каком состоянии родительский дом.

«Это Хенри виноват, – сказала себе Рагнхильд. – Его позор – не мой».

И все-таки решила проветрить комнаты. Открыла все окна. Искала собаку по всему дому, даже в шкафах. Комнаты наверху стояли пустые. На полу лежали три матраса, и это показалось Рагнхильд странным. Неужели это собутельники оставались на ночь? Собаки нигде не было.

Рагнхильд вышла на свежий воздух. Стояла на крыльце и глубоко дышала. Нужно найти какую-нибудь лопату, выбросить крысу. Большого она делать не собиралась.

Рагнхильд звала и свистела. Увидела на снегу следы, похожие на собачьи. Может, лиса? В солнечную погоду, когда снег подтаивает, следы становятся нечеткими и читаются с трудом.

Рагнхильд осмотрела хозяйственные постройки – старую будку для хранения инвентаря, дворовый туалет, дровяной сарай. Везде один хлам. Все, что имело хоть какую-то ценность, давно вывезено так называемыми «друзьями Хенри».

Перед домом стоял снегоход. Квадроцикл и лодку они тоже оставили, потому что иначе Хенри не смог бы ездить в магазин за алкоголем. Но трактор, бензопилы, комбайн – давно пропиты. К дворовому туалету прислонен отслуживший свое телевизор. На него капает с крыши.

Рагнхильд устала это видеть, жалеть, сокрушаться. Плюс яркое солнце, на котором невозможно долго держать глаза открытыми. «Мне нужно прилечь», – подумала она. Но где здесь можно прилечь? Рагнхильд подумала о матрасах наверху. Никакая смертельная усталость не заставила бы ее даже коснуться ложа грязных собутыльников Хенри. Уж лучше в сарае, где-нибудь на гряде тряпья...

«Сарай, да, – вспомнила Рагнхильд. – Там должна быть какая-нибудь лопата. Я обязательно позвоню Улле, но сначала крыса».

Открыть сарай не получилось – перед дверью с крыш нападало много снега, и он затвердел, как бетон. Рагнхильд прислонилась к стене, пнула сугроб и замерла на полудвижении. С той стороны что-то зашевелилось, заскреблось. Рагнхильд пнула ледяную кучу еще раз, – так, что на ноге заболели пальцы. Сменила ногу.

Это Улле, старший брат, уговорил родителей передать Хенри маленькое земельное хозяйство. Хенри попал в плохую компанию. Вечеринки каждый день – в Тарендё, Пайале, Кируне. Домой приходил только за деньгами и категорически отказывался помогать по хозяйству. «Я к вам в работники не нанимался», – повторял он, выставляя средний палец.

У Хенри ни к кому не было уважения. У него вообще ничего не было – ни школы, ни церкви с пастором, ни работы, ни собственности, ни родственников, – так откуда было взяться уважению? Он и отца стал называть непочтительно – *faari*, папаша.

– Хенри почувствует ответственность, когда у него будет хозяйство, – убеждал родителей старший брат Улле.

Родителей мучила совесть, как только речь заходила о Хенри. В детстве он переболел ушной инфекцией. В самый разгар сенокоса, поэтому к врачу обратились слишком поздно. С тех пор у Хенри нарушился слух, и он жаловался на непрекращающийся шум в голове. Школьный учитель оказался человеком черствым и нередко отвечивал Хенри оплеухи, когда тот не слушал.

У Улле все сложилось удачнее. В двадцать лет его назначили бригадиром на шахте в Кируне. Он и отца взялся туда устроить: «В веревочной мастерской нужны ловкие ребята, вроде тебя». И папа согласился. Он дошел до края с Хенри. Ни побои, ни угрозы – ничего не помогало. А выгнать Хенри не мог, потому что тому действительно некуда было идти. Время от времени и Хенри находили место, но он нигде не задерживался.

А у отца нога уже тогда давала о себе знать. Вот и он принял решение.

«Думал, так будет лучше, – вспоминала Рагнхильд. – Зарплата, отпуск, жилье...»

Вирпи исполнилось семь лет, и она грезилась игровой площадкой, какие бывают в городах возле многоэтажных домов. По ее словам выходило, это что-то вроде сказочного замка. Хотя сама Вирпи на такой площадке ни разу не играла. В общем, плакала и сопротивлялась одна Рагнхильд, и мать, наконец, тоже сдалась.

– Прекрати немедленно, – оборвала она хнычущую Рагнхильд. – Отец давно не мальчик и не справляется с хозяйством. В городе нам всем будет лучше. И у тебя, наконец, появятся друзья.

Как только позволил лед, они взяли лодку. Листочки на ветках торчали, как зеленые мышьиные ушки. Коров впервые выгнали на пастбище. В Кируне ждала готовая меблированная квартира.

– Подождите...

Рагнхильд убежала в лес с собакой Виллой.

Лес на острове небольшой. Рагнхильд слышала, как Вирпи плачет и зовет ее с лодки, но ей было все равно. Они с Виллой спрятались под большой елью. Но тут пришел отец, решительный и нетерпеливый. И когда он позвал Рагнхильд, Вилла радостно залаяла и выдала их укрытие.

Отец взял Рагнхильд за руку и потащил, как она ни плакала и ни упиралась. Вилла шла за ними до самого берега. Ей не разрешили прыгнуть в лодку – она осталась на мостике и долго смотрела вслед. Потом легла, выразив тем самым намерение дожидаться их возвращения...

Очнувшись от воспоминаний, Рагнхильд обнаружила, что разбросала весь лед перед сараем. Он лежал у ее ног, как битое стекло. Оставалось вставить грубый ключ в замочную скважину и отпереть дверь.

– Вилла, – тихо позвала Рагнхильд.

Она не знала, как зовут собаку Хенри, но какая разница.

* * *

Когда глаза привыкли к темноте, Рагнхильд увидела, что и здесь ничего не изменилось. Вон там большое стойло для лошади, а здесь пять поменьше для горных коров. Рагнхильд принюхалась. После стольких-то лет, как здесь мог сохраниться запахи животных? Но стоило втянуть в себя воздух, как они появились. С безрогими головами, умными карими глазами и кудрявыми хвостиками. Майрос, Пунакорва, Мансикка, Вирранкукка и Шёна. Последняя лошадь Люнникке ушла в заоблачные луга, когда Рагнхильд исполнилось девять лет. Но коровы оставались и после того, как семья переехала.

И вот теперь они почти вернулись, жуют свою жвачку. Струя молока, звеня, брызжет в ведро. Рагнхильд чувствует их теплое дыхание на коже, слышит, как стучит сепаратор.

Что-то задвигалось в углу, в телячьем загоне. Собака.

Сверкнули черные глаза. Она выглядела в точности как Вилла, как такое возможно? Местная разновидность, нечто с примесью етмландской лайки или норвежского элкхунда. Острые уши оторочены черной каймой. Белый нагрудник, переходящий внизу в звезду. Совсем как у Виллы.

– Тьё, тьё... – позвала Рагнхильд. Так окликали всех собак в ее детстве.

Но эта не подошла.

Рагнхильд сделала несколько шагов в ее сторону.

При ее приближении собака издала угрожающий гортанный звук и забила в угол. А затем зарычала – хвост поджат, уши прижаты к голове. Рагнхильд остановилась у входа в загон.

«Ее били, – поняла она. – Эта собака больше не доверяет людям».

Рагнхильд огляделась в поисках отверстия, через которое собака могла сюда проникнуть, ведь дверь была закрыта. Тут увидела старый люк для навоза, открытый, но заваленный снегом. И на снегу следы когтей. Похоже, через него она и пробралась в сарай. Снег, который собака потом безуспешно пыталась раскопать, обрушился с крыши и заблокировал выход. Может, это ее обычное убежище, когда Хенри бывал особенно пьян? Снег вместо воды, мыши полевки вместо корма.

– Послушай, – обратилась к собаке Рагнхильд, – я добрая, с животными точно. – Сняла перчатку, присела на корточки, протянула руку к блестящему носу и позвала еще ласковее: – Вилла...

Но собака вскочила и укусила Рагнхильд за руку, а потом выбежала во двор через открытую дверь.

Рагнхильд выругалась. Крови на руке не было, боли она тоже не чувствовала. Ей стало стыдно. Загнать собаку в угол – это какой же дурой надо быть...

«Но я тебя понимаю, – мысленно обратилась к собаке Рагнхильд. – Я ведь и сама такая».

Она вышла во двор и прищурилась на слепящее солнце. Собака исчезла. Нужно срочно раздобыть что-нибудь вкусненькое. Что-нибудь такое, перед чем Вилла не сможет устоять; не обычный сухой корм.

Рагнхильд вспомнились три морозильные камеры в гостиной. Как это похоже на Хенри... Они, конечно, забиты лесной дичью и лосятиной – плата «приятелей» за то, что они охотились на его земле. Сам Хенри питался полуфабрикатами из магазина, потому что некому было готовить.

Рагнхильд вернулась в дом, прошла в гостиную и невольно вздрогнула при виде Хенри на диване. Как могла она забыть, что он лежит здесь мертвый? «Все-таки я и в самом деле немного странная», – подумала она.

Нужно срочно звонить в похоронное бюро. Но как они заберут его, если лед не держит? И Улле, с ним тоже давно пора связаться... Но сначала все-таки собака. Что, если она попытается убежать с острова и утонет в реке? Или задохнется в сугробе? Она такая слабая, что запросто может стать добычей воронов или других хищных птиц. Нет, Виллу нужно срочно найти и поймать.

Рагнхильд открыла морозильник. Допотопная модель; удивительно, как она вообще еще работает. Внутриросло столько льда, что, кроме него, ничего не видно. Стенки покрывал толстый слой инея. Рагнхильд протянула руку, порылась и выудила пустую упаковку из-под рыбы в панировке, тоже очень старую. Далее пошли другие упаковки – из-под гамбургеров, фрикаделек, черничного пирога. Рагнхильд бросала их на пол. А когда вытащила бутылку из-под кетчупа, остановилась.

– Какого черта, Хенри?

Она повернулась к брату, как будто тот мог ответить. Похоже, Хенри использовал морозильную камеру как мусорное ведро. Рагнхильд заглянула вовнутрь. Тогда зачем он держал ее включенной?

Она сняла рукой иней и увидела клетчатую ткань, которая при ближайшем рассмотрении оказалась рукавом рубашки. Неужели Хенри и одежду хранил в морозилке? Может, был не в своем уме? Страдал под старость деменцией или белой горячкой?

Рука болела от холода, и Рагнхильд сунула ее под мышку, чтобы согреть. Потом положила пальцы в рот. Вспомнила о брошенной в сарае рукавице, пожалела.

Отошла в сторону, чтобы не загоразживать свет потолочной лампы. Но в следующий момент поняла, что рыться в морозилке и дальше ей не придется. Потому что в рукаве была рука. Которая заканчивалась кистью со скрюченными пальцами.

Рагнхильд не закричала, не рухнула в обморок. Вынула пальцы изо рта и стала ждать приступ тошноты, который так и не случился. Успела ли она дотронуться до этой руки, прежде чем сунула в рот пальцы? Рагнхильд сплюнула на пол, потом еще и еще...

Набрала 112. Объяснила ситуацию. Что находится в доме на острове посреди Турнеэльвен с двумя трупами в одной комнате. Да, они всё поняли верно. Один мертвец на диване, другой в морозильной камере.

Рагнхильд и самой казалось подозрительным, как спокойно она об этом говорила. Должно быть, это прозвучало совершенно безумно, раз ей не поверили. Поэтому под конец, чтобы доказать, что она в своем уме, Рагнхильд выпалила следующее:

– Если будете звонить в полицию Кируны, попросите позвать Ребекку Мартинссон. Потому что тот, который лежит на диване, Хенри Пеккари, – ее дядя по матери. А я – ее тетя.

Сказала и тут же пожалела.

– Простите, – ответил диспетчер службы спасения, – я не расслышал, кого нужно позвать?

– Нет, никого... – спешно поправилась Рагнхильд. – Забудьте об этом.

Девочку Вирпи, конечно, придется известить. Но Рагнхильд действительно не желает иметь ничего общего с Ребеккой Мартинссон.

* * *

Окружной прокурор Ребекка Мартинссон стояла за своим письменным столом с регулируемой высотой, когда инспектор Томми Рантакюрё заглянул к ней в кабинет.

– Боже, какой тяжкий вздох, – улыбнулся он.

Ребекка улыбнулась в ответ. Она и не заметила, как вздохнула.

– Это возраст. Я становлюсь как моя бабушка. Она все время вздыхала – «когда, наконец, явится Господь и освободит меня из этого мира?»

Томми Рантакюрё рассмеялся и поставил на стол бумажный пакет.

– Послеобеденный кофе, – провозгласил он. – Сырные шарики, булочки с лакрицей и корицей. Лучшее лекарство от вздохов.

– В самом деле? Тогда Господу лучше не торопиться с моим освобождением.

– Не раньше чем через час, во всяком случае.

Ребекка сунула нос в пакет и с наслаждением втянула вкусный запах – специально для Томми. Два месяца назад от Томми съехала его девушка, и вся его забота оказалась направленной на коллег. Томми вообще был добрый, и Ребекка старалась платить ему тем же.

В группе его по-прежнему держали за младшего. Было что-то грустное в том, что Томми никак не может повзрослеть. Но с тех пор как девушка съехала, а Свен-Эрик вышел на пенсию, Томми стал бывать в прокуратуре чаще и задерживаться дольше. Не раз Ребекке приходилось выпроваживать его под благовидным предлогом вроде срочной работы.

– Ну как баланс?

Томми кивнул на кипу бумаг на столе.

Ребекка издала еще один вздох и воздела руки, взывая к высшим силам. Томми вздохнул еще громче, и оба рассмеялись шутке, которую сами только что придумали.

Начальник Ребекки Альф Бьёрнфут взял заблаговременно сэкономленный отпуск, добавил два месяца за свой счет и уехал на Аляску с дочерью. Ловить лосося и выслеживать в лесу медведей – отпуск мечты. Теперь обязанности начальника временно исполнял коллега Ребекки Карл фон Пост. В последний день работы Бьёрнфут зашел к Ребекке в кабинет и прилепил желтую бумажку на стенку с объявлениями – «Не ругаться!» Если это была шутка, то она имела под собой самые серьезные основания.

– Живите с Калле дружно, – напутствовал Ребекку Бьёрнфут. – Знаю, что ты его недолюбливаешь, но у Калле больше опыта, поэтому я вынужден оставить заместителем его, а не тебя. И я не хочу, чтобы мне звонили на Аляску и портили отпуск жалобами.

– Мне никогда не придет в голову звонить тебе и жаловаться, – возразила Ребекка. – А эту бумажку ты бы лучше повесил у него в кабинете.

– Знаю, – ответил Бьёрнфут. – Но Калле бумажками не убедишь, скорее раздразишь. Поэтому я и прошу: если он придет ругаться с тобой, не поддавайся на провокации. Иначе он тут же кинется искать меня, а я буду в лесах, на Диком Западе. Так что давайте не доводить до этого, ладно?

С этими словами Бьёрнфут сжал одну руку в другой в знак того, что нужно держаться, и покинул здание.

Не успела входная дверь захлопнуться за его спиной, как фон Пост как исполняющий обязанности главного прокурора тут же завалил Ребекку работой. А именно – выложил на ее стол кипу всех завершенных предварительных расследований. Больше ста пятидесяти дел, большинство которых связаны с мошенничеством, кражами в магазинах и вождением в нетрезвом состоянии. Ребекке предоставлялось решать, кого из этих людей стоит преследовать в судебном порядке. «Подвести баланс» – так это называлось. Убийственно тоскливая и однообразная работа.

– Ну так что там с балансом? – Томми кивнул на кипу.

Ребекка сжала губы. Вот уже три недели как она прикована к этому столу, не готовая к такому одиночеству. Фон Пост не только возложил на нее баланс готовых полицейских расследований, но и забрал текущие дела. Якобы чтобы дать Ребекке возможность «сосредоточиться на балансе». И она не протестовала. Желтая бумажка Бьёрнфута, как божья заповедь, освещала ей путь.

И поскольку собственных расследований у Ребекки теперь не было, никто из полицейских не стучался к ней в кабинет обсудить дальнейшие шаги в рамках текущих следственных действий. И у нее тоже не было повода беспокоить полицейских своими прокурорскими директивами. Телефон молчал.

«Я должна быть благодарна Томми, – подумала Ребекка. – Ему одному есть до меня хоть какое-то дело. Почему мы всегда недооцениваем тех, кто действительно о нас заботится?»

– Скоро я буду плакать, – ответила она на вопрос Томми. – Начну с понедельника. Можете считать это мелким хулиганством.

– Хорошо для статистики. – Томми Рантакюрё кивнул.

«Для статистики фон Поста», – мысленно поправила она.

И не успела подумать о новом начальнике, как услышала его шаги по коридору. В следующую секунду в дверях возникла фигура фон Поста. Взъерошенная мальчишеская шевелюра, тщательно выглаженная рубашка и ни намек на живот.

– Привет, Томми. – Фон Пост по-приятельски похлопал инспектора по спине. – Как дела, Мартинссон?

Ребекка застыла на месте. В этом заключалось различие между ней и фон Постом, или людьми так называемого «высшего света». Он был как ведущий эстрадной программы, – одинаково приветлив со всеми, без различия врагов и союзников. Ей же с трудом давалось скрывать свои истинные чувства. Вот и сейчас мышцы шеи затвердели от напряжения, губы сжались. Ребекка не могла смотреть в глаза тем, кого недолюбливала, и ненавидела себя за это. Похоже, она неудачница от природы.

Карл фон Пост одарил ее самой великосветской из своих улыбок. Знал, что Ребекка терпеть его не может, и ничего не имел против этого. Его как будто даже позабавило, что она проигнорировала его вопрос.

– Что там с замороженными продуктами? – обратился он к Рантакюрё.

– Это ты про труп в морозильнике? Мы вызвали вертолет, который наконец смог приземлиться. Забрали и заморозку, и мертвого старика, который был в доме.

– Что? – насторожился фон Пост. – Так их двое? Убийство?

– Пока неизвестно. Оба в прозекторской. Думаю, Похьянен позвонит, как только ему будет что сообщить.

– Отлично, отлично... Все, что будет нового на этом фронте, мы берем на себя. Мартинссон занята...

– Да, я знаю, – раздраженно перебил его Томми Рантакюрё. – Я принес сладостей, чтобы хоть как-то ее взбодрить. При одном взгляде на эту кучу...

Улыбка фон Поста стала еще шире.

– Ммм... Думаю, эта работа пойдет ей на пользу. Она шла к прокурорской должности не совсем обычным путем. Вот я, к примеру, девять месяцев проработал стажером и два года помощником прокурора. А Мартинссон явно не хватает основ...

Ребекка стиснула зубы и уставилась на фон Поста. Уже одно то, что он в ее присутствии говорил о ней в третьем лице, было неслыханно. Но фон Пост выставлял ее менее квалифицированным специалистом, чем он сам. На самом же деле все обстояло с точностью до наоборот, и он это знал. Это она оставила работу его мечты – должность адвоката в компании «Мейер и Дитцингер» – ради прокурорского места в Кируне. И это, насколько понимала Ребекка, до сих пор не давало фон Посту спать ночами.

«И он думает, – мысленно добавила она, – что они всё еще готовы принять меня обратно с распростертыми объятиями. В чем я лично очень сомневаюсь».

– Ну всё, не буду мешать, – сказал фон Пост и со значением посмотрел на Рантакюрё.

Но Томми, похоже, не собирался уходить. Ребекка откинулась на спинку стула и вытащила из пакета сырный шарик.

– Попробуем?

– Мне во-о-н тот...

Фон Пост исчез в коридоре. Ребекка нахмурилась. «Не хнычь», – уговаривала она себя.

В самом начале отпуска Бьёрнфута Ребекка не переставала жаловаться коллегам на фон Поста, которого за глаза нередко называла «фон Пест»⁶. Да и полицейские заходили взглянуть на желтую бумажку, быстро ставшую чем-то вроде местной достопримечательности. «Время Чумы» – она придумала и такую шутку. Но в конце концов Ребекке наскучило пережевывать одно и то же. И теперь она отвечала «хорошо», когда кто-то интересовался ее делами, или переводила разговор в более приятное русло.

Нескольких фраз оказалось достаточно, чтобы тема Чумы всплыла снова. Как видно, она и не успела особенно глубоко погрузиться. Ребекка чувствовала себя униженной. Полицейские шли к фон Посту по разным делам мимо ее кабинета, а Ребекка представляла себе, как они говорят между собой, что с этой Мартинссон, похоже, действительно не просто иметь дело. Посмотреть только, как она обошлась с коллегой Кристером Эрикссоном.

То, что полтора года продолжалось между ней и Эрикссоном, в пристойном обществе принято называть «отношениями». «Мы не пара», – повторяла Ребекка. Но Кристер с ней не соглашался. А потом целовал в лоб и тащил за собой – в лес, на рыбалку, в постель. Он хотел большего, она – меньшего. Наконец, это она потом все разрушила.

Она была стервой, это знали все.

Когда Кристер хлопнул дверью, Ребекка вернулась к Монсу Веннгрену, который тоже хотел меньшего. Поэтому они оставались друзьями, а секс прилагался в качестве бонуса. Монс больше не ныл, что ей пора возвращаться домой, в Стокгольм. И все равно не понимал, что держит ее в Кируне. «Когда ты, наконец, уйдешь с этой работы? – спрашивал он. – Когда фон Пост скажет, что уборка туалетов входит в твои должностные обязанности?»

Ребекка очнулась от воспоминаний и попыталась улыбнуться Томми Рантакюрё.

– Черт с ним, с фон Постом, – сказала она. – Какие вкусные шарики, давай возьмем еще по одному... Так что за труп вы нашли в морозилке?

– Пока не знаю, но, похоже, он пролежал там долго.

– Расчлененка?

– Ничего не известно. Я все думаю, почему у тебя с ним так, с этим фон Постом?

– Давай лучше про морозильную камеру, – перебила его Ребекка.

– Все-таки ты замечательная, – заметил Томми с искренним восхищением в голосе. – Это все видят.

⁶ Pest – по-шведски «чума».

– Все, кроме... – Ребекка сделала паузу. – Но знаешь, меня это совсем не заботит. И снова переключилась на пакет с угощением.

– Это она переживет, – вздохнул Томми. – Ты ведь знаешь Меллу.

Ребекка тут же забыла и про пакет, и про сырные шарики.

– Меллу? – переспросила она.

– Хотя... ты, наверное, имела в виду фон Поста. – Томми оборвал фразу и повернулся к стене, высматривая желтую бумажку.

– Мелла! – повторила Ребекка. – Разве Анна-Мария злится на меня? За что?

– Забудь, – взмолился Томми. – Я думал, она была здесь и жаловалась. Пожалуйста, забудь, что я только что говорил.

– Но что я такого ей сделала? – возмутилась Ребекка. – Я ведь даже не взглянула на... – она опустила пакет на стол и пошла к двери. – Хотя тебе совсем не обязательно отвечать на мой вопрос. Проще выяснить у самой Меллы.

И выскользнула в коридор.

Томми Рантакюрё хотел было пойти следом, но передумал.

– Поеду-ка я лучше домой, – решил он. – Здесь становится жарко.

* * *

Инспектор Анна-Мария Мелла нажала кнопку на кофейной машине, и та затарахтела, как бензопила. Когда чашка наполнилась, на дисплее загорелось слово «Наслаждайтесь», и Анна-Мария с недоумением уставилась на красные буквы.

– Вам это тоже кажется странным? – спросила она коллег. – Я наслаждаюсь, когда я наслаждаюсь. Не нужно меня к этому призывать.

Инспектор Фред Ульссон и двое новых полицейских, уже сидевших за столиками в комнате отдыха каждый со своей чашкой, одобритительно хмыкнули.

– Это как с одним моим парнем, – оживилась Анна-Мария. – Когда у нас было это... ну, в общем, интим... он меня все время подбадривал: «Наслаждайся... наслаждайся». А я думала про себя, что если бы он лучше делал свое дело, то, конечно, не оставил бы мне выбора, ведь так?

Анна-Мария коротко рассмеялась – и осеклась от невыносимого ощущения фальши.

Она сказала чистую правду, но это прозвучало так, будто парень был один из многих и сама она была в то время зрелой женщиной. На самом же деле Мелла только раз в жизни спала не с Робертом. В семнадцать лет, сразу после того, как они расстались. Анна-Мария была несчастна и пьяна, а Ялле просто пьян. Он учился на водителя и снимал в Кируне комнату с отдельным входом. Недели спустя они с Робертом снова сошлись, потому что, похоже, обречены быть вместе. Зачем же теперь понадобилось вытаскивать на свет божий этого Ялле... фамилию она, к счастью, забыла.

– Разве оно не так с любой другой аппаратурой? – спросил один из «новеньких», Карзан Тигрис.

Он полтора месяца проработал помощником полицейского и вел популярный блог в «Инстаграме»⁷, где писал о том, как любит свою профессию. Постил фотографии, на которых пил «крепкий полицейский кофе» или стоял на руках в полном вооружении. Анне-Марии подумалось, что Карзана запросто можно принять за школьника старшей ступени. Такое не редкость в наше время. Врачей, преподавателей, священников бывает трудно воспринимать всерьез. Вроде солидные люди, а выглядят как разносчики пиццы. Странно.

⁷ 21 марта 2022 г. деятельность социальных сетей Instagram и Facebook, принадлежащих компании Meta Platforms Inc., была признана Тверским судом г. Москвы экстремистской и запрещена на территории России.

Между тем Карзан продолжал:

– Каждая штукавина пищит и сигнализирует. Стиральная машина, к примеру, когда можно вынимать белье. И она не замолчит, пока вы не сделаете этого. Поэтому не стоит затевать стирку, когда собираешься лечь спать.

– Но иногда техники устанавливают разные пищалки только потому, что умеют это делать, – подхватила другая «новенькая», Магда Видарсдоттер.

Она родилась во Флене. Детей не имела, зато купила лошадь в Юккасярви. Магда тоже помощник полицейского, но не такая зеленая, как Карзан. Начинала в Эшилдстуне, потом перевелась в Кируну из-за красивой природы. Иногда они с Ребеккой так увлеченно беседовали о лошадях или собаках, что человек со стороны запросто мог бы задаться вопросом, не работают ли обе на одной ферме.

Анна-Мария мысленно возносила молитвы саамским божествам, чтобы Видарсдоттер и Тигрис остались в Кируне.

– И что, вы думаете, ждет нас всех, когда искусственный интеллект подешевеет? – продолжала Магда. – Только представьте себе: «Привет, Анна-Мария. Твой уровень кортизола несколько выше нормы. Глубоко вдохни и выдохни три раза. Так ли уж тебе нужен этот кофе?»

Все это было произнесено деланным механическим голосом. Монотонно и со странной интонацией, придававшей фразе, как слышалось Анне-Марии, оттенок не терпящей возражений уверенности.

Мелла расхохоталась – чуть громче, чем шутка того заслуживала. Магда Видарсдоттер была застенчива и обычно не говорила так много. Поэтому ее стоило поддержать.

Коллеги подхватили – словно залились дружным лаем сбившиеся в стаю собаки. И Анна-Мария почувствовала себя толковой альфа-самкой. Они составят хорошую команду. Но Свена-Эрика Стольнаке нет, и этой потери ничем не восполнить.

Анна-Мария никак не могла привыкнуть, что теперь она старшая в группе. При Свене-Эрике все время чувствовала себя двадцатилетней.

– Что ж, нас воспитывают если не собственные дети, то хотя бы машины, – согласилась она с наигранной покорностью. – И все-таки хотелось бы...

Но коллеги так и не узнали, чего хотелось бы Анне-Марии Мелле, потому что в этот момент в дверях возникла Ребекка Мартинссон. И ее бесстрастное лицо не предвещало ничего хорошего. Теперь Анна-Мария и без подсказки кофейного автомата знала, что уровень кортизола у нее в крови выше нормы.

– Привет, Мартинссон, – радостно помахал Ребекке Фред Ульссон, совершенно не чувствительный к переменам общественного настроения.

Ребекка коротко кивнула и сразу перешла к делу.

– Что-то случилось? – спросила она Анну-Марию. – Томми говорил...

Щеки Анны-Марии загорелись. Чертов Томми, кто тянул тебя за язык? Она чувствовала направленные ей в спину взгляды коллег.

– Да, – ответила она. – Но, может, лучше у меня в кабинете?

– Здесь и сейчас, – твердо возразила Ребекка. – Похоже, ты уже обсудила это со всеми, кроме меня.

– Это не так. Вчера я немного перенервничала, вот и сказала Томми... – Анна-Мария замолчала и закончила, собравшись с духом: – В общем, речь пойдет об Эйворе Симме.

Ребекка вопросительно подняла брови.

– Возмутительная кража в магазине, – продолжала Анна-Мария. – Одно из моих расследований, которое оказалось на твоём столе. Женщине восемьдесят один год, и ее ограбили в «Купе»⁸ на Тредгордсгатан. Парень спросил ее, годится ли этот рис для каши, и, пока бабушка

⁸ Сеть супермаркетов в Швеции.

отвечала, его подельница вытащила бумажник из сумочки, которая лежала в тележке для покупок. Эйвор позвонила мне вчера и сказала, что судебного преследования по этому делу не будет. И об этом ее уведомили письмом за твоей подписью.

– Правда?

– Выглядит странно, что и говорить. Камера наблюдения в магазине показала, что Хюмле и Дюмле⁹...

– Вроблевски и Харьюла, – сухо поправила Ребекка. – Я хорошо помню это дело.

– ...Отснятый материал ясно показывает, что эти двое покинули магазин, когда Эйвор Симма все еще была там, – продолжала Мелла. – И она опознала Харьюлу по фотографии.

– В фотографии все и дело, – перебила Ребекка. – Десять лиц. Эйвор Симма указала на Харьюлу, но это единственный нечеткий снимок. Изображение размыто, на ее месте я бы тоже указала на него. Любой сделал бы так. Следственный эксперимент не дает оснований для судебного преследования, Мелла.

– Ну... все равно, я полагаю, должно быть возбуждено уголовное дело.

– Ты же знаешь, что фотография преступника ничем не должна выделяться среди остальных, – продолжала Ребекка тоном, который заставил Анну-Мария почувствовать себя ученицей начальной школы. – Любой адвокат уцепился бы за это. Ни малейшего шанса добиться обвинительного приговора.

Мелла заскрежетала зубами. Это она сняла Харьюлу на мобильник, и да, наверное, все произошло слишком быстро. Фотография вышла размытой, а пробовать еще раз она не стала. Но, черт возьми, все и без того предельно ясно. И в результате Мелле пришлось выслушать целую лекцию в присутствии новых коллег.

– Знаешь, как это было, – глухо ответила Мелла Ребекке, – когда Эйвор Симма позвонила ко мне домой, и мне пришлось объяснять ей, что мы не собираемся преследовать этих ублюдков? Хотя на сто процентов уверены в их виновности. Теперь она боится ходить в магазины. Все это не в лучшем свете выставляет нас, полицейских. Такие слухи распространяются со скоростью лесного пожара. Ты ведь слышала об этом опросе – «Мы, жители Кируны, имеем право на собственное мнение». Нам, полицейским, досталось больше всех. Неудивительно, что люди плюют нам вслед и царапают наши машины. Что толку в наших расследованиях, если вы потом все сворачиваете?

– То есть теперь уже «вы» и «мы», – возмутилась Ребекка. – И «мы» только и делаем, что сворачиваем. А известно ли тебе, что это единственное из ста пятидесяти двух дел, которое я не передала в суд? Я не хочу попусту тратить деньги налогоплательщиков и требовать для кого-то смертного приговора только ради того, чтобы тебе легчало.

– Я не это имела в виду, – возразила Анна-Мария, отметив про себя, что ей удастся сохранять спокойный тон. – Дело не в том, чтобы мне легчало. Просто мы одна команда, и тебе не мешало бы почаще с нами общаться.

Тут Ребекка посмотрела на Меллу так, будто та зачитывала ей вслух из книги по популярной психологии.

– Конечно, – ответила она. – И на сегодня я достаточно попрактиковалась в общении с тобой. А тебе не помешало бы почаще общаться с камерой в мобильнике.

С этими словами Ребекка развернулась на каблуках и вышла в коридор.

Фред Ульссон и «новенькие» тут же вскочили с мест. Всем немедленно приспичило отлавливать нарушителей на дорогах.

Анна-Мария осталась одна в комнате отдыха. Кофе-машина отключилась сама с обиженным бульканьем. На дисплее высветилось «Хорошего дня», прежде чем он погас.

Ребекка захлопнула за собой дверь и выругалась в пустое пространство кабинета:

⁹ Хюмле и Дюмле – персонажи детской программы, популярной в 1970-е годы на шведском телевидении.

– Черт бы подрал их всех...

Она-то думала, что они с Меллой сближаются, и не только по работе. Хотя за все «время Чумы» они почти не виделись. Анна-Мария вся в заботах о семье и новых полицейских. А Ребекке заботиться не о ком. Ну что могло помешать Мелле обсудить этот вопрос с ней напрямую? Вместо этого она принялась распускать сплетни. Некрасиво. Такие вот инспекторы и делают прокуроров врагами полицейских.

Ребекка пнула что-то под столом. Оказалось – мусорную корзину. Это мало чем помогло, скорее наоборот. Пришлось собирать с пола бумаги.

Все, что теперь ей оставалось, – отправиться домой смотреть сериалы. Но сначала нужно закончить с бумагами. Каким бы невыносимо тоскливым ни казался этот одинокий кабинет.

Она инстинктивно вытащила мобильник, набрала Марию Тоб – и пожалела об этом в ту же секунду, когда та ответила. Ребекка была не в том состоянии, чтобы звонить подруге. А вымещать недовольство на ком-то, кто не имеет к нему ни малейшего отношения, – последнее дело.

– Мартинссон! – воскликнула Мария Тоб. – Я уж думала, ты меня забыла. Когда мы с тобой перезванивались в последний раз?

Ребекка неожиданно для себя рассмеялась:

– Вчера, – ответила она. – И позавчера тоже. И это я всегда звоню тебе первая и отвлекаю от важных дел.

– У меня, похоже, совсем память отшибло, – пожаловалась Мария Тоб. – Чувствую себя всеми оставленной... Как вообще жизнь?

Ребекка из последних сил сопротивлялась желанию поплакаться ей в жилетку. Мария, конечно, выслушает. И скажет, что Анна-Мария не права. А фон Пост вообще ноль, как и вся их семья. Кому-кому, а уж Марии Тоб это известно. И она может подтвердить, что для Кируны Ребекка просто суперквалифицированный специалист. Уму непостижимо, что она вообще возится с налоговыми делами в какой-то заштатной прокуратуре.

При этом в голосе Марии слишком отчетливо слышалось бы, что она не отрывает глаз от монитора. Утешает Ребекку, продолжая при этом работать. А потом на середине фразы Мария вдруг вспомнила бы, что ей пора убегать на встречу или сейчас самое время ответить на сотню другую писем с красными флажками. В общем, она обязательно перезвонит, но позже.

И Ребекка снова осталась бы одна, с гнетущим чувством отверженности и стыда за несдержанность, навязчивость и несамостоятельность. Раньше Мария непременно добавила бы еще, что Ребекке давно пора возвращаться в Стокгольм, в адвокатское бюро. Но с некоторые пор она перестала поднимать эту тему. Как видно, в «Мейер и Дитцингер» для Ребекки больше не было места. Это поезд ушел для нее навсегда.

«Ну-ка не раскисать», – подбодрила себя Ребекка и попыталась вложить в голос всю непринужденность, какую только могла найти в себе на тот момент.

– Дела своим чередом, – ответила она на вопрос Марии. – Администрация Курраваары приобрела новый дефибриллятор, и теперь им предстоит обсудить, где его разместить. И еще они озабочены строительством новой ратуши.

– Это же безумие, – подхватила Мария. – Они хотят переместить весь город, подумать только! Но тема настолько интересная, что нам с тобой стоит как-нибудь ее обсудить.

– Нет, – мрачно выдохнула Ребекка. – На самом деле все это очень тоскливо.

Еще бы. Новую Кируну планируется построить на старом болоте. Зимой там в среднем на десять градусов холоднее, чем на Хаукиваара, где город стоит сейчас.

– А знаешь, – перебила Мария, – я хотела тебе звонить, честное слово. В середине мая собираемся в Риксгренсен с коллегами. Там в это время еще много снега. Думаю, прибудем уже в четверг. И первую ночь проведем в Кируне, дикарями. Тебя в Курравааре тоже можем

навестить. Разве это не здорово? И тебе совсем ничего не придется готовить. Всё привезем с собой – и еду, и спиртное. Только баню затопи.

Ребекка почувствовала себя в ловушке. Ей очень нравилась Мария Тоб, но коллеги с Юрхольмена...

– Хорошо, а что за коллеги? – спросила Ребекка со смехом в голосе. – Надеюсь, не из тех, кто озабочен детоксикацией организма и выведением шлаков?

– Нет-нет, они не такие, – заверила Мария. – Все очень милые, ты обязательно их полюбишь.

– Очень милые? – переспросила Ребекка. – Звучит подозрительно. Это не они постят в «Инстаграме» картинки «Не позволяй друзьям пропускать йогу»?

– Нет, – решительно выдохнула Мария Тоб. – Уверяю тебя, это серьезные, в меру упитанные юристы и экономисты, и никаких тренажерных залов. На йогу у них тоже нет времени.

– То есть они едят и красное мясо тоже? – продолжала допытываться Ребекка. – А как насчет углеводов? Не из тех, кто считает, что дать ребенку немного белого сахара равносильно введению дозы героина?

– Нет же! – Мария рассмеялась. – Мы едим всё, включая рафинированный сахар.

– А, ну тогда добро пожаловать, – облегченно выдохнула Ребекка. – Приезжайте, парьтесь в бане. Это действительно будет здорово. Я угощу вас пивом и еще чем-нибудь не слишком полезным. Но тем, кто предпочитает пророщенную пшеницу, придется захватить ее с собой... Все, Мария, – поспешила добавить Ребекка. – Теперь прощаемся. Я перезвоню.

– Пока-пока, – проворковала Мария Тоб.

Теперь Ребекка точно не могла обвинить себя в том, что добивается чьего-то внимания. Она завершила разговор первой и осталась собой довольна. «Во всяком случае, я не ныла, – сказала она себе. – И это я завершила разговор первой. Но как меня угораздило пригласить компанию из высшего общества в Курраваару?»

В этот момент внизу на парковке залаяла собака. Ребекка выглянула в окно. Щенок Снуррис, совсем маленький, в клетке в багажнике ее машины. Крышка багажника открыта. Погода идеальная, не слишком холодно, но и не жарко. Полицейские останавливаются, толпятся возле клетки, улыбаются. Куда веселее, чем сидеть под столом хозяйки.

Но вот Снуррис поднялся на задние лапы и залаял. На парковку сворачивал внедорожник Кристера Эрикссона. Не так часто Кристера видели в отделении. Единственный кинолог на весь Норрботтен, он все время пропадал на каком-нибудь задании. Щенок заметался в клетке. Кристер брал его с собой на тренировки, когда они с Ребеккой жили вместе.

Снуррис любил Кристера и был безотчетно ему предан. Ребекка видела, как Кристер вышел из машины и приласкал малыша сквозь прутья. А потом поднял глаза к ее окну. Ребекка помахала ему. Он чуть заметно кивнул и опустил глаза. Из машины вышла его девушка. Как ни тянуло Ребекку отойти от окна, она осталась.

Марит Тёрме предпочитала спортивный стиль, но на свой манер. Анорак – модель семидесятых годов прошлого века, выцветший оттенок красного. Брюки из оленьей кожи ручной выделки. Светлые волосы высоко забраны в «хвост». Улыбчивая. И симпатичная. У полицейских вошло в привычку обсуждать ее костюмы, с тех пор как Марит стала встречаться с Кристером. Ребекка и сама не прочь принарядиться, но это...

Когда-то Марит Тёрме взяла золото в чемпионате по биатлону среди юниоров. К тому же заядлая альпинистка. Уже первый совместный отпуск они с Кристером провели в горах.

«Все правильно, – подумала Ребекка. – Конечно, они скоро пожениятся. Кристер заслуживает кого-то вроде нее».

Но тут Марит подняла голову, широко улыбнулась и помахала рукой:

– Эй, Ребекка!

Ребекка растянула губы так, что они заболели, и помахала в ответ. Проследила, как они с Кристером вошли в подъезд. «Прекрати, – сказала себе. – Не будь душой».

Тут зазвонил телефон. Это был судмедэксперт Ларс Похьянен.

– Добрый день, Мартинссон, – прохрипел он. – Я слышал, тебе сейчас не сладко?

– Кто тебе это сказал?

Похьянен несколько раз вздохнул и выдохнул с ужасным свистом, прежде чем ответить:

– Ходят такие слухи. Будто фон Пост завалил тебя бумагами и ты обливаешься слезами...

Но мне есть чем тебя утешить. Я имею в виду новый труп. Если тебе это все еще интересно, конечно.

– Это который из морозилки? Рантакюрё что-то такое говорил... Да, Похьянен, ты знаешь, чем утешить девушку.

Зловещий хрип в трубке означал смех Похьянена.

– Тогда давай ко мне.

– Да, но разве не фон Пост...

– Именно он, – сердито перебил ее Похьянен. – Я направлю ему протокол, когда закончу. А тебя жду прямо сейчас. Давай, Мартинссон, пока я не передумал.

Ребекка согласилась с Похьяненом, что на сегодня бумаг с нее довольно, и упаковала ноутбук. И все время думала о Кристере. Он все-таки поднял глаза к ее окну, что бы это значило?

Продолжались изматывающие метания между хоть чем-то и ничем.

Марит Тёрме здоровалась с коллегами Кристера в отделении полиции.

Кристер заехал занести рапорт, потом они с Марит собирались в лес. Но он успел обсудить тренировки с Карзаном и спросил Магдалену, как поживает ее лошадь. Фред Ульссон заслуживал большего внимания. Ребекка знала, что он забил весь гараж серверами и даже где-то раздобыл биткойны. Можно спросить, конечно. Но понять, что он ответит, – ни малейшего шанса. Сейчас Фред с «новенькими» собирается патрулировать улицы. И как только Ребекка умудряется все время мозолить глаза Марит? Словно завернувшаяся ресница. Кристеру так и не представилось случая поздороваться с ней как следует. Выражение его лица напомнило Ребекке щенка, которого полицейские ласкали сквозь прутья клетки. Жалостливое, печальное, оно вдруг начинало сиять, как начищенная монета, стоило только Кристеру встретиться глазами с Марит.

В комнате отдыха они наткнулись на Анну-Марию. Марит спросила, как дети, и Мелла представила ей обстоятельный отчет о последних распродажах в «Блокете».

Ну почему Кристер не может так просто отпустить Ребекку? Конечно, у него есть все основания на нее злиться, но миновало два года, какие могут быть между ними счеты? У него теперь Марит. У Ребекки имелась возможность выбора и ни малейшего повода для ревности. Поэтому это чувство, будто она хочет освободить его из собачьей клетки, было для нее чем-то новым и труднопостижимым.

* * *

Ребекка шагала по пустым больничным коридорам. Местные политики из тинга¹⁰ свернули хирургию при травмпункте, но против судмедэксперта Похьянена оказались бессильны. «Оставьте прозекторскую в покое, дайте мне доработать». Ничто не угрожает судмедэкспертизе, пока Ларс Похьянен все так же безраздельно правит в своем подземном королевстве.

Ребекке открыла Анна Гранлунд – ассистентка Похьянена. Улыбнулась тепло и понимающе – как родственнице, с которой в скором времени предстоит разделить горечь неизбежной

¹⁰ Тинг – законодательное собрание.

утраты. Похьянен доживал последние месяцы и работал только потому, что ему так хотелось. Благодаря Анне, которая делала это возможным.

Это она раздевала его мертвецов. Делала надрезы – прямые и аккуратные, как это ему нравилось. Взвешивала органы, вырезала и выкладывала ровными рядами на стальном столе – печень, сердце, почки, легкие. Вскрывала кишки, желудки, изучала их содержимое. Распиливала черепа, вынимая мозг, меняла батарейки в диктофоне Похьянена. Наливала ему яблочного сока, а под конец писала протоколы и зашивала мертвецов перед отправкой в последнее путешествие.

– Привет, – тихо поздоровалась Анна. – Он спит, но просил разбудить, как только ты придешь.

Похьянен лежал на диване в комнате отдыха; дышал неровно, поверхностно, как будто даже озлобленно. Он проснулся, стоило Анне Гранлунд коснуться его руки. При виде Ребекки лицо его смягчилось.

– А, Мартинссон... – довольно протянул Похьянен, поднимаясь на слабые ноги. Кашлянул. – Что с тобой? Выглядишь как семь тощих лет, предсказанных фараону Иосифом¹¹.

Ребекка переглянулась с Анной Гранлунд. Похьянен мог подтрунивать над ними сколько угодно, только бы не умирал. Он действовал исходя из принципа «нападение – лучшая защита». Потому что если кто и выглядел, как семь тощих лет, то это сам Похьянен. Кожа его имела желтый оттенок, как дешевая бумага. Под глазами темнели круги. Впалые щеки и прислоненная к дивану трость довершали образ. Похьянен посмотрел на трость, как на старую сплетницу, и поковылял в прозекторскую без нее.

– Меня не будет в суде раньше следующей недели, – оправдывалась Ребекка. – Вот тогда и приму душ, надену жакет... Может, даже зубы почищу.

В прозекторской на стальном столе лежал труп. «Похоже, из тех, что археологи находят на болотах», – подумала она.

На скамье у стены лежала груда тряпья, очевидно, принадлежавшего покойнику. Похьянен опустился на стальной табурет на колесиках, натянул латексные перчатки. Ребекка сунула руки в карманы – урок, усвоенный за долгие годы работы с Похьяненом: «Держи руки в карманах. Сожми кулаки, вот так... И продолжай сжимать дальше».

– Не первой свежести, как видишь, – Похьянен кивнул на труп. – Видно, долго пролежал в морозилке. Лиофилизирован¹², можно сказать.

– Застрелен. – Ребекка посмотрела на отверстие в груди покойника.

Там была татуировка – девушка с боксерскими перчатками на шнурке, которые закрывали ей грудь. Пуля угодила девушке в шею.

– Переходим к причине смерти, – продолжал Похьянен. – Бога ради, не ругай меня. Я кое-что понимаю в татуировках, как мне кажется, поэтому чуть процарапал эпидермис, чтобы уяснить, что она собой представляет. Татуировка проникла в дермис, то есть появилась, скажем так, не вчера. А теперь вопрос на тысячу крон: что первое приходит тебе в голову, когда ты на нее смотришь?

– Ничего.

– Совсем ничего? Девушка с боксерскими перчатками, вытатуированная на груди? Матросские татуировки на руках? Белый медведь с оскаленными зубами? Точки бродяг на пальце?.. Ну да, для этого ты слишком молода. У парня такие же татуировки, как у Бёрье Стрёма.

– Боксера?

¹¹ История Иосифа Прекрасного из Ветхого Завета. Иосиф предсказывал фараону семь тучных (урожайных) и семь тощих (голодных) лет, которые увидел во сне в виде семи тучных и семи тощих коров.

¹² Лиофилизация – способ мягкой сушки, при которой высушиваемый препарат замораживается, а потом помещается в вакуумную камеру, где происходит возгонка (сублимация) растворителя.

– Именно. Интересно, правда? Стрём жив и здоровствует. Я звонил ему. Вообще-то, мы с ним родственники. Его мать кузина моему отцу, вот так.

– Звонил? Разве ты не знаешь, что это дело полиции...

– Его папаша, Раймо Коскела, пропал в шестьдесят втором году, когда Стрёму было одиннадцать лет. И тот подтвердил, что у отца были в точности такие же татуировки, как и у него. Ни в одном интервью, насколько мне известно, он не признавался ни в чем подобном. И вообще, не помню, чтобы в нашей семье об этом когда-нибудь говорили. Притом что их с отцом дела нас, конечно, мало занимали.

Похьянен дернул шеей, как будто только что вынул голову из ведра с ледяной водой. И Ребекка задалась вопросом: от каких мыслей или воспоминаний он отмахнулся?

– Я осмотрел морозильник, в котором он сюда прибыл. – Похьянен снял латексные перчатки и на удивление метким броском отправил в мусорное ведро. – Этому агрегату самое место в антикварном шоу, какие сейчас идут по телевизору. Сделал снимки, отправил хорошей знакомой-криминалисту. И она подтвердила, что да, вполне вероятно, конец пятидесятых – начало шестидесятых годов... И тут мы приближаемся... хррр... хррр... к самому интересному.

Ребекка терпеливо ждала, когда Похьянен прокашляется. Анна Гранлунд у раковины вскинула голову, как почуявший опасность олень.

– Проклятье! – выругался Похьянен и выплюнул мокроту в матерчатый платок, который сунул в карман.

– К самому интересному... – напомнила Ребекка равнодушным тоном, как будто в зале суда помогала свидетелю сформулировать показания.

– Да. – Похьянен вытер лоб тыльной стороной ладони. – Как ты совершенно правильно заметила, ему прострелили грудь. Проблема в том, что это преступление имеет срок давности, и он вышел.

– Какое разочарование для фон Поста. – Ребекка покачала головой. – Он так любит расчлененки в морозильниках... Захватывающее зрелище, что и говорить.

– Зато какая удача для тебя, – подхватил Похьянен. – В кои веки представилась возможность разобраться с убийством без начальства. Просто так, для очистки совести.

– Что? – не поняла Ребекка. – С какой стати мне расследовать преступление пятидесятилетней давности «для очистки совести»? Я не детектив-любитель.

– Ради Стрёма, – объяснил Похьянен. – Он с одиннадцати лет жил без отца. И вдруг тот нашелся – в морозильнике. Каково это, как ты думаешь?

– Ужасно, наверное. – Ребекка переключилась на вежливо-бесстрастный рабочий тон, означавший, что скорее снегопад обрушится на геенну огненную, чем собеседник получит то, о чем просит. – Я не веду частные расследования только ради того, чтобы доставить кому-то душевный покой. Это ты понимаешь?

Чуть заметная улыбка, руки скрещены на груди, голова склонена набок. Со стороны посмотреть – сама доброжелательность. Но с железобетонной начинкой.

Похьянен нахмурился. Он не любил, когда с ним так разговаривают.

– Нет, не понимаю, – ответил он. – Все, что я прошу, это чтобы ты посвятила этому немного свободного времени.

– Свободного времени! – Ребекка холодно рассмеялась. – А что это такое?

– Ну я не знаю. Время, когда детей забирают из детского сада, готовят ужин для семьи...

Глаза Ребекки сделались черными, как торфяные болотца поздней осенью. Губы слегка приоткрылись, когда она втягивала в себя воздух.

Похьянен тут же пожалел о сказанном, но извиняться было не в его правилах. Вместо этого он всего лишь несколько смягчил тон.

– Ты могла бы побеседовать с сестрой владельца морозильной камеры. Сам он здесь, но, боюсь, уже ничего нам не скажет.

Похьянен усмехнулся и кивнул в сторону холодной комнаты, а затем заговорил быстро, словно хотел дистанцироваться от нетактичного намека на ее семейное положение:

– Умер две недели назад, по вполне естественным для старого алкоголика причинам. Аритмия – и под конец остановка сердца. Оно весило полкило, и то, что он дожил до семидесяти двух лет, можно считать маленьким чудом. Сестра пришла на остров на лыжах навестить брата, а тот лежит мертвый. Она же нашла в морозильнике отца Стрёма. Позвонила в полицию, и они на вертолете переправили морозильную камеру со всем содержимым на большую землю. Ну а потом привезли сюда. Сестру зовут Рагнхильд Пеккари, и скоро она опять собирается вернуться на остров. Там как будто осталась какая-то собака, о которой нужно позаботиться. Телефон сестры...

Похьянен смолк, потому что Ребекка уставилась на него как на привидение.

– Рагнхильд Пеккари? – медленно переспросила она. – И как называется остров?

– Ну этого я тебе так сразу не скажу...

– Палосаари? В Курккио? И владельца морозилки, старого алкоголика, зовут Хенри Пеккари?

– Именно. – Похьянен кивнул. – Вы знакомы? Он здесь, у меня. – Он показал через плечо большим пальцем. – Хочешь взглянуть?

Щеки Ребекки вспыхнули.

– Нет. Но Хенри Пеккари – мой дядя. А Рагнхильд – тетя. Почти, потому что мама была в их семье приемным ребенком.

– Что ты такое говоришь? – Похьянен недоверчиво поджал губы. – Тогда у тебя тем более есть все причины...

– Ни малейшего шанса, – отрезала Ребекка. – В аду я видала все семейство Пеккари.

* * *

Похьянен опустился на диван. Ребекка спешно попрощалась и ушла. Он попытался было расспросить о тете, но это было все равно что встать на пути груженной рудой вагонетки.

Странное все-таки совпадение. Хотя... что он знает о родственниках Ребекки по материнской линии? Ничего ровным счетом. Мать погибла – не то несчастный случай, не то самоубийство, – когда Ребекке было двенадцать лет. Вышла на дорогу и встала перед несущимся на нее грузовиком. Получается, есть еще тетя. Но, поскольку мать Ребекки была приемным ребенком, тетя получается не родная, а... как это может называться... приемная? Звучит глупо. А теперь еще вот приемный дядя. Плюс еще один труп в морозильнике.

– Эта жизнь никогда не переставала меня удивлять, – прохрипел Похьянен Анне Гранлунд, разгружавшей посудомоечную машину. – Можете высечь эти слова на моем надгробии.

– Кто здесь заговорил о надгробии? – беспокойно отозвалась Анна.

Но Похьянен уже уснул, свесив подбородок на ключицу. Анна Гранлунд сунула подушку между его плечом и ухом.

Разбудило его чье-то осторожное прикосновение. И это была не Гранлунд, а незнакомая медсестра. Настроение Похьянена сразу упало. Он не любил, когда чужие люди видели его спящим. Хотя ей, конечно, на него наплевать. Женщина была одета в розовые медицинские брюки и рубашку.

«Как жевательная резинка с фруктовым вкусом, – подумал Похьянен. – И все-таки, что случилось?» Он взглянул на часы – четверть восьмого. Жена давно ждет с ужином.

– Вас спрашивали, – заговорила женщина в костюме жевательной резинки. – Я объяснила, что сейчас не лучшее время, но... в общем, Бёрье Стрём интересовался вами на ресепшене. Приехал из самого Эльвбю.

В дверях за ее спиной возникла мужская фигура. Квадратная как шкаф, с длинными руками и кулаками, каждый с хороший березовый трутовик. Волосы светлые, слегка волнистые. Глаза голубые, как лед весной, внешние уголки чуть опущены, отчего лицо выглядит немного печальным. Нос, конечно, сломан – боксер.

Похьянен поднялся на ноги. Провел ладонью по волосам, губам, на случай если в уголках рта выступила слюна, поправил зеленый халат, быстро оглядел его на предмет коньячных пятен.

– Бёрье Стрём, вот как... – Тяжело дыша, протянул гостю руку.

«Жевательная резинка» воспользовалась возможностью и улизнула в коридор.

Осторожно, словно боясь раздавить, Бёрье Стрём пожал ладонь судмедэксперта. Они были ровесниками. Стрёму шестьдесят пять. Похьянен всего на два года старше. Но на вид – на все двадцать.

Он не хотел поднимать тему родства, это вырвалось само собой. То, что они ведь почти кузены.

– Кажется, я уже упоминал об этом по телефону, – виновато добавил Похьянен. – Хотя не один я такой, наверное. Теперь многие спешат записаться к вам в кузены.

– Это так. Время от времени у меня объявляются новые родственники, – признался Бёрье Стрём. – Ну, в общем, после вашего звонка я решил приехать. Взглянуть на него...

– Должен предупредить, это зрелище не из приятных.

– Понимаю. – Боксер кивнул.

– То, что от него осталось, – это не он, можно сказать и так, – пояснил Похьянен.

И тут же мысленно выругался на собственную болтливость.

16 июня 1962 года

День, когда пропал отец Бёрье, в остальных отношениях был самый обычный. Но каждая мелочь намертво врезалась Бёрье в память. Исчезновение отца, словно сигнальная ракета, осветило даже самые незначительные события.

Бёрье проснулся рано, в самом начале восьмого, несмотря на воскресенье. Прощмыгнул на кухню, намазал, как смог, два бутерброда. Масло из холодильника было твердым и крошилось. Мама еще спала.

Сегодня его заберет папа, и они проведут вместе неделю. Весь день Бёрье просидел дома. Смотрел на часы, но стрелки почти не двигались. Друзья звонили в дверь и спрашивали, выйдет ли он, но Бёрье к ним не хотелось.

Мать разгадывала кроссворд за столом на кухне. Она вымыла волосы и накрутила их на бигуди. Закурив, спросила, не поднимая головы от газеты:

– Почему бы тебе не побегать с ними? Он не придет раньше вечера. – И добавила, как будто для себя самой: – Или не придет вообще. Он ведь должен мне денег.

Но ему ничего не хотелось, кроме как дожидаться отца. Бёрье сидел на своей кровати, обложившись детскими журналами – «Скружд Макдак», «Фантомас» и иллюстрированная классика. Но сосредоточиться на чтении не получалось. Бёрье думал об отце и предстоящей неделе. Старался не забывать переворачивать страницы, потому что мама могла наблюдать за ним краем глаза.

В обычный день Бёрье просто встал бы и закрыл дверь. Тем более что мама никак не хотела понять, что ему давно уже не пять лет, когда «пойти побегать» было всем, что нужно в жизни. Но злить ее сейчас – плохая идея. Поэтому сидеть и не умничать – единственное, что оставалось Бёрье.

– Представляю, как вы повеселитесь вдвоем, – сказала мама, выставляя на обед остатки роскошного субботнего ужина – запеканку и прочее.

Бёрье не смог ответить с набитым едой ртом. Пожал плечами – мол, не знаю. Что будет, то будет.

Они делают вид, что вполне справляются одни, Бёрье и мать. Что отец ничего не значит. Поэтому для Бёрье так важно не показывать радости, разве что совсем ненадолго. Иначе мать может вдруг загасить сигарету, положить руку на лоб Бёрье и объявить, что у него жар. А когда придет отец, встанет в дверях со скрещенными на груди руками, и тогда ничего не будет.

Но мать покупается на его уловку. Вдруг становится веселой, включает радио «Норд» и моет посуду, подпевая. Потом уходит к соседке, и, пока ее нет, Бёрье успевает тысячу раз выглянуть во двор.

День идет своим чередом. Мать возвращается и моет жалюзи, не переодеваясь в рабочее платье. А Бёрье получает на ужин мороженое и взбитые сливки с сухофруктами. Наконец, без двенадцати минут семь, в дверь звонят.

На пороге стоит отец.

Бёрье не смеет поднять на него глаз, забывает, что надо дышать. Отец такой большой, высокий и широкоплечий. Тонкий в талии. Ткань рубашки натянута на мускулистых руках. Ему едва хватает места в прихожей между зеркалом и вешалкой.

Он ждет, и лишь после приглашающего кивка матери на полшага продвигается вглубь дома. Отец загорелый, хотя сейчас только начало лета. Волосы светлые, почти белые, и очень коротко стрижены. Ровные белые зубы и голубые глаза. Нос кривой, потому что отец – боксер. Одно ухо немного оттопырено, но нисколько не портит общего впечатления.

«Типичный финн, – так мама говорила об отце подругам. – Где были мои глаза? Моргнуть не успела, как забеременела».

Но Бёрье видит, как вспыхнули ее щеки. Мать цепляет его рюкзак большим и указательным пальцами. Протягивает отцу.

– И это тоже? – Он кивает на бумажные пакеты из «Консума» с восьмеркой на боку в руках Бёрье. – Я на мотоцикле. – И озадаченно гладит подбородок.

Мать закатывает глаза так, что голова описывает полукруг по направлению к потолку. Но локоны остаются неподвижными. Покрытая лаком прическа – что-то вроде шлема.

– Значит, я все перепаковываю. – Мать подхватывает пакеты. – Думаешь, он не будет переодеваться всю неделю?

– Всё в порядке, мама, – вмешивается Бёрье в разговор родителей. – Мне не нужно так много. Лето все-таки.

Мать исчезает на кухне. Отец и сын слышат, как она расстегивает «молнию» на рюкзаке, сердито шелестит пакетами и кричит:

– Ты должен мне денег. Когда думаешь расплатиться?

Она злится. Бёрье становится не по себе, но отец улыбается и подмигивает ему. И Бёрье улыбается в ответ так, что кожа на лице натягивается, а в ладонях покалывает, как будто он держит холодную бутылку с лимонадом.

* * *

Во дворе мальчишки собрались вокруг отцовского мотоцикла. Бёрье чувствует на себе завистливые взгляды. Надевает кожаную куртку и шлем, которые отец привез специально для него. Но мальчишкам уже не до Бёрье, – разинув рты, слушают про отцовский BSA Golden Flash 650, модель 1956 года.

Бёрье живет один с матерью. Обычно это он с завистью в груди наблюдает, как чужие отцы пакуют машины для поездки куда-нибудь в Турнедален всей семьей. Или на снегоходе

чистят снег перед воротами, или смазывают сыновьям лыжи. Но сейчас тот редкий момент, когда на всей улице нет ни одного мальчишки, который не пожелал бы оказаться на месте Бёрье. И все отец!

– Покажите свои татуировки, – просит один из самых маленьких.

Отец смеется и спрашивает, какую именно из них он хотел бы видеть.

– Тетю, – отвечает малыш.

Отец распахивает рубаху и показывает обнаженную девушку посреди ринга с огромными боксерскими перчатками, которые висят у нее на шее, закрывая грудь.

Дальше вопросы сыплются как из мешка. Было ли ему больно? В каком возрасте отец сделал первую татуировку? Сколько их у него? Самые смелые трогают пальцем, как будто хотят убедиться, что рисунок не сотрется.

– Больно, – серьезно отвечает отец. – Татуировки носят только моряки и бродяги. Если хотите работать на шахте, даже не вздумайте травить себя этой дрянью.

Но они не хотят работать на шахте, как их отцы. Они будут носить татуировки, боксировать и разъезжать на мотоциклах.

* * *

И вот Бёрье с отцом летят по проселочной дороге, так что ветер свистит в ушах. Бёрье, с рюкзаком за спиной, обнимает отца за талию. Отцовский рюкзак висит на животе. Мимо проносятся хутора, леса и луга с серебристо-серыми амбарами. Отец останавливается, чтобы пропустить коров, возвращающихся домой из леса. Коровы запрудили всю дорогу, объехать их невозможно. Бёрье навсегда запомнит беззвучные колокольчики на их шеях, нетерпеливое мычание в предвкушении вечерней дойки, тяжелые потрескавшиеся вымена – как мешки на животах.

Отныне он обречен помнить ласточек, добывающих в воздухе корм для своих птенцов. И горящие в закатном солнце телефонные провода. И реку, ту самую, что все время течет вдоль дороги.

В Юносуандо они переезжают мост и сворачивают в Курккио. За спиной столбом стоит пыль. Последний отрезок пути под колесами – лесная дорога. Открытая песчаная почва, будто едешь по опилкам. Вот, наконец, и дом с жестяной крышей. Ключ в консервной банке за дворовым туалетом.

– Нужно сделать новую лестницу перед дверью и покрасить дровяной сарай, – говорит отец. – У меня одного это заняло бы целую неделю, но вдвоем мы управимся в два счета, верно?

Бёрье кивает.

– Есть хочешь?

Бёрье трясет головой, потому что не осмеливается заговорить. Все это настолько странно, что, кажется, он вот-вот заплачет. Не потому, что плохо, а от огромного чувства, которое не в силах объяснить.

Бёрье внимательно оглядывается. Солнце вот-вот скроется в тихой реке. На берегу возле леса лежит перевернутая вверх дном лодка. Причальный мостик поднят – знак того, что лето только началось.

– Пойдем рыбачить, – предлагает отец и показывает на воду: – Смотри, как играет.

Бёрье видит на воде расходящиеся круги, как от брошенного камня.

В лодку набралось немного воды, но это не опасно. Рыбачат в тишине. Все, что слышно, – осторожные, приглушенные звуки. Свист лески, плеск поплавка, приглушенное жужжание спиннинга, когда крутишь ручку. Вон нырнул какой-то зверек – похоже, полевка. Пронзительно закричала птица.

– Канюк, – говорит отец.

Весь улов – два окуня и форель. У отца в рюкзаке соль и упаковка простокваши. Они разводят костер на берегу. Жарят рыбу и едят руками. Простоквашу разливают в пластиковые стаканы. Отец топит баню. Пока она разогревается, можно подремать у костра.

Потом они парятся. Бёрье сидит на нижнем ярусе, отец наверху. Охлаждаются в реке. Бёрье хорошо ныряет и может долго плавать под водой.

– *Ninku saukko*, – говорит отец и переводит на шведский: – Как выдра.

* * *

Потом они боксируют на берегу. Бёрье давно пора спать, но это не имеет никакого значения. Ночи светлые, и отец сказал, что на этой неделе они будут спать, только когда устанут.

Отец – хороший боксер, но удар в глаз поставил крест на его спортивной карьере.

– Правый хук, – учит он Бёрье, – ты должен быть к нему готов. Иначе у тебя нет шансов. И выставляет большие ладони, чтобы Бёрье в них бил.

– Джеб в голову, – говорит отец. – Противник выходит из гарда¹³, и ты наносишь удар прямо ему по корпусу. Второй удар всегда опаснее, потому что застает врасплох. Дыши. Если не будешь дышать как следует, быстро устанешь. В кровь должен поступать кислород... И гард, помни про гард... Постой, что ты делаешь?.. Джеб – и удар в нижнее ребро. Вот... Молодец... Отлично!

– Давай еще! – кричит Бёрье, когда отец спрашивает, не устал ли он и не пора ли в самом деле идти спать.

Они отрабатывают уходы от ударов. Быстрый поворот головы – вправо-влево.

– Гард! – кричит отец.

И вдруг хватает Бёрье за руку – несильно, только чтобы остановить.

– Слышишь? – спрашивает он и показывает в сторону леса.

Там как будто тарахтит мотор. Звук быстро приближается.

Бёрье смотрит отцу в лицо и чувствует поднимающуюся откуда-то изнутри волну страха.

Отец переворачивает лодку.

– Сюда, – шепотом приказывает он. – Лезь – быстро. Лежи, и чтоб ни звука, слышишь? Даже двинуться не смей, пока я не приду и не скажу, что пора. Кивни, чтобы я знал, что ты меня понял.

Бёрье кивает и делает, как ему велели. Отец куда-то уходит.

Бёрье прислушивается. К дому как будто подъехала машина. Она остановилась, но мотор работает. Еще голоса – но слов Бёрье не разбирает. Только шаги. Как будто кто-то обходит вокруг дома, поднимается на крыльцо и спускается через некоторое время. Идет к реке. Останавливается возле лодки, под которой лежит Бёрье. Ботинки – чужие, не отцовские. Так близко, что Бёрье мог бы коснуться их, протянув руку.

Он лежит на спине. Беззвучно просовывает ноги под скамью, где уключины для весел. Руками цепляется за внутреннюю поверхность носовой части. Приподнимается, упираясь руками. Выпрямляет спину. Дрожит от напряжения.

Большие ладони касаются земли, и мужчина заглядывает под лодку. Бёрье дышит короткими, беззвучными толчками. Мужчина встает и уходит. Шаги стихают в направлении дома. Бёрье опускается на землю, но удар получается таким мягким, что почти ничего не слышно, – кроме разве сердца.

Машина уезжает. Бёрье хочется немедленно вылезти, потому что, похоже, все комары в округе отыскали его убежище. И будто специально кусают в те места, где сильнее всего чешется, – вокруг лодыжек, в ступни и на внешней поверхности рук.

¹³ Гард в боевых искусствах и боксе – техника удержания противника на безопасном расстоянии.

Отец не велел вылезать из-под лодки без его разрешения, но уж очень задерживается. Бёрье ждет. Отец, конечно, скоро придет, и перед тем как уснуть, Бёрье будет лежать на его руке. Они зажгут камин, и отец расскажет о поединке Инго и Флойда¹⁴ на чемпионате мира. Откомментирует по памяти, как будто все происходит у него перед глазами.

Но где же он? Почему так долго? Может, варит кофе на кухне? Забыл, что Бёрье не смеет шевельнуться под лодкой без его приказа?

Наконец мальчик вылезает. Вслушивается – в воздухе висит тонкий комариный звук да тихо плещет река. Отца нигде не видно – ни в избе, ни в бане, ни в туалете.

Бёрье бежит по двору. Наконец решается позвать:

– Папа!

По-шведски и по-фински.

Нет ответа в белой ночи. Где-то у воды хлопает крыльями птица. Много лет спустя он поймет, что в этой точке жизнь разделилась на два русла. И какая-то часть Бёрье так и осталась там, на берегу, звать отца.

* * *

Судмедэксперт Ларс Похьянен первым вошел в прозекторскую и опустился на свой табурет с колесиками, оставив Бёрье Стрёма стоять у стола, на котором лежали останки его отца. Бёрье внимательно рассматривал татуировки. Отступил на шаг. Задышал в рукав куртки.

– Боже... – Сглотнул. – Вы здесь, наверное, и не к такому привыкли?

Похьянен прокашлялся.

– Да, я здесь всего и посмотрелся, и нанюхался.

– Грудь прострелена, – тихо заметил Бёрье Стрём. – Но чем он занимался? Что говорит полиция?

– Полиция? – переспросил Похьянен. – Ничего не говорит. Убийство имеет срок давности.

Бёрье Стрём почесал кулаком голову – как медведь.

– Срок давности? Я туговато соображаю... неудивительно после стольких ударов по голове... но я не знал, что для убийств предусмотрены сроки давности.

Лицо Похьянена сжалось, так что он стал похож на лемминга.

– Вы правы, но только в отношении убийств, совершенных после тысяча девятьсот восемьдесят пятого года. Закон вышел шесть лет назад, в две тысячи десятом году, чтобы отменить срок давности для убийства Пальме. В отношении преступлений, совершенных до тысяча девятьсот восемьдесят пятого года, все осталось по-старому.

– Понимаю. – Стрём криво улыбнулся. – Жаль, что отец не был премьер-министром.

Похьянен подкатил к скамье с одеждой покойного, взял из кучи рубаху.

– Узнаёте?

Несколько секунд Бёрье Стрём смотрел на рубаху в сине-белую клетку.

– Да, это его.

Голос сорвался. В лице что-то дрогнуло.

Похьянен ждал. Неужели все-таки разрыдается? Сам он был не из тех, у кого глаза на мокром месте. Разве что когда смотрел по телевизору передачи о прошлых спортивных достижениях или об американцах, искавших в Швеции свои корни.

Он хотел было похлопать Бёрье Стрёма по плечу, но вовремя сунул руки в карманы. Сжал кулаки и продолжал сжимать, как учил Ребекку. Похьянен видел, как Бёрье Стрём сопротив-

¹⁴ Боксеры Ингемар Юханссон (Швеция) и Флойд Паттерсон (США) в 1959–1961 гг. трижды встречались на ринге. Эти поединки вошли в историю бокса.

ляется самому себе. Как приподнимает сжатые кулаки, словно чтобы защитить голову, торс. Ну или сердце, если уж на то пошло.

Гард бессилен против такого рода ударов, потому что противник внутри.

– Не спешите. – Похьянен сделал движение встать. – Я буду там, – показал на дверь комнаты отдыха.

Но Бёрье поднялся и покачал головой.

– Я в порядке. Просто нужно время привыкнуть к этому. Что ломать голову бесполезно и я все равно ничего не узнаю.

Похьянен открыл было рот, но снова захлопнул. Профессиональный опыт научил его не давать пустых обещаний.

– Вернетесь в Эльвбю? – спросил он. – Прямо сейчас?

– Задержусь здесь на некоторое время. Думаю, нужно все-таки организовать похороны.

Он поблагодарил Похьянена за уделенное время и вышел. Похьянен остался один на один с мертвецом.

Судмедэксперты не сентиментальны. Жаль людей, конечно, но человек человеку волк. И те, кто попадал Похьянену на стол, были тому самыми красноречивыми свидетелями. Расчлененные женщины и дети. Юные самоубийцы. Жертвы дорожных происшествий. Убийства, увечья, несчастные случаи – Похьянен уже не помнил, как она ощущается, скорбь. Сумел выработать к ней стойкий профессиональный иммунитет, который его жена принимала за цинизм. Только это и позволяло работать.

– Иначе как бы я все это выдержал? – оправдывался Похьянен перед трупом на стальном столе. – Если хочешь делать свое дело, нужно уметь держать дистанцию.

В то же время он знал, что какую-то частичку его покойник заберет с собой в могилу. И что выбери он, Похьянен, в жизни другую стезю, наверняка стал бы лучшим отцом и супругом.

– Самым обыкновенным хирургом. – Он прокашлялся. – Ну или не знаю... отоларингологом, что штампуют кохлеарные имплантаты на конвейере... Почему бы и нет?

Похьянен не имел привычки разговаривать с мертвецами, но здесь был особый случай. Он чувствовал злобу, с которой не мог совладать. На Швецию за то, что так обошлась с Бёрье после поединка в Катскилл-Маунтинс. И на собственных родственников за их отношение к Бёрье Стрёму, когда тот был самым обыкновенным парнем и еще не успел сделать блестящую боксерскую карьеру.

– Все, включая моего отца, – жаловался Похьянен покойнику. – Да и сам я, если уж на то пошло. Так что мешает мне, в таком случае, наплевать на срок давности? Помочь человеку – один раз, в виде исключения? Ничто не мешает. Мне ведь и самому недолго осталось.

* * *

Ребекка Мартинссон остановила машину возле своего дома. Выключила мотор, но продолжала сидеть, как будто не находила в себе сил подняться с места.

«Как я могла так устать? – спросила она себя. – Мне нужно провериться у врача. Зима, слава богу, закончилась. Некоторое время можно отдохнуть от уборки снега».

Снуррис в клетке поднялся на лапы. Захотел наружу – покружить по двору, ткнувшись носом в собственный зад. Ребекка подняла равнодушные глаза на дом, и он ответил ей таким же взглядом. Надо бы позвонить кому-нибудь насчет крыши, но не сегодня.

Итак, тетя Рагнхильд, мамина сводная сестра. И тетин брат Хенри, который умер на острове. И труп отца Бёрье Стрёма в морозильнике Хенри. Есть еще один брат, Улле Пеккари. Давно на пенсии, но активно управляет семейным бизнесом. Вместе с сыном.

Маму удочерили, когда ей было три года. Ребекка ничего не знала о своей биологической бабушке. На ее вопросы мать отвечала: «Я тоже о ней ничего не знаю».

Бабушка и сама была почти ребенком, когда родила маму. Оставила ее на попечение Пеккари и укатила обратно в Сондакюля. Пеккари стали ее единственной семьей, но и с ними она не нашла контакт. Бросила Ребекку на отца, когда той было семь лет. Через год папа умер. Ребекку воспитывала бабушка по отцу. А еще через четыре года маму переехал грузовик.

С тех пор осталась одна бабушка и еще Сиввинг – вот и вся семья Ребекки.

А теперь снова Пеккари... Ребекка смутно помнила, как Сиввинг говорил бабушке, что Пеккари должны больше помогать ей с Ребеккой. Брать ее на лыжные прогулки, к примеру. Или купить новый велосипед.

– Ни за что, – отвечала бабушка. – Не нужна мне их помощь. Они вышвырнули Вирпи, когда той было всего четырнадцать.

С другой стороны, бабушка ни разу не говорила о маме. Запретная тема – Ребекка рано это усвоила. Вопросы о маме или папе как будто смущали бабушку, и она отворачивала лицо. Любила ли мама кровяную запеканку? Какие цветы ей нравились? Ничего этого Ребекка до сих пор не знала.

– Где они познакомились, тебя интересует? На танцах... да, как будто на танцах.

Когда же Ребекка собралась на юридический, одна из деревенских кумушек съязвила, что давно заметила, что Ребекка – вылитая Вирпи. Большого она не сказала, но Ребекка поняла мысль. Вирпи считалась женщиной со странностями, и Ребекка якобы пошла в нее.

Кое-кому в деревне не верилось, что дочь Микко станет адвокатом. Для этого у семьи был слишком низкий статус. Микко со своей «фирмой» еле сводил концы с концами. Он и слова не мог сказать поперек, когда Ребекку дразнили другие деревенские дети. Почему – это она поняла позже. Родители этих детей дразнили Микко, и теперь все шло по второму кругу. Как на карусели, которой положено крутиться.

И вот много лет спустя она вернулась сюда в своем дорогом пальто и сапогах... Ох уж это пальто от «Тайгер», напрочь разрушило их представление о мироустройстве!

Стокгольмская жизнь стала для нее чем-то вроде тюрьмы. Ребекка работала, работала и работала – пока почти полностью в этом не потерялась. И каждое лето навещала сюда. И на Рождество на несколько дней, теперь уже в пальто от «Прада».

Наконец, на похороны бабушки.

Она могла бы до сих пор жить там. Топтаться по дорогим коврам адвокатского бюро в еще более дорогой обуви. Клевать носом перед безмозглыми сериалами во все более дорогих квартирах. Но когда переехала из Стокгольма в опустевший бабушкин дом, это ощущалось как освобождение. Адвокатская карьера – что-то вроде капкана на лис. Вечные переработки. Клиенты, для которых деньги – и мораль, и жизненные принципы. Ребекке удалось вырваться – пусть израненной, зато живой. Найти дорогу к своему очагу на южном склоне холма, со старыми вещами, напоминавшими о жизни здесь с бабушкой, домоткаными гардинами, крашеной мебелью и комнатными цветами, о которых соседи вспоминали, что и сами когда-то получили от бабушки черенок.

И вот сейчас, похоже, Ребекка снова угодила в капкан. Работает как сумасшедшая, и за что? За жалкую часть своей стокгольмской зарплаты.

А теперь еще этот фон Пост...

– Черт с ним! – выругалась Ребекка вслух, не особенно задумываясь, к кому обращена эта реплика.

И в этот момент в боковое стекло постучали.

Сиввинг.

– Все мечтаешь? – спросил он, когда Ребекка открыла дверцу.

Солнце почти зашло. Щебетали птицы. С крыш капало.

– Весенний упадок сил, – объяснила Ребекка.

– Понятно... Разомлела, значит, на солнышке.

Ребекка выпустила Снурриса, который тут же принялся задира́ть Беллу, собаку Сиввинга. Малыш прыгал вокруг нее, поднимал зад и так ожесточенно мотал хвостом, что Сиввинг расхохотался.

«Ну, давай же!» – говорили веселые щенячьи глаза.

Но Белла на него даже не смотрела. В пасти она держала лувиковую варежку¹⁵.

– Она сводит меня с ума. – Влюбленные глаза Сиввинга не давали усомниться в правильности выбора слов. – Сначала вообразила, что беременна, а теперь вот усыновила эту варежку. Всю ночь с ней возится – скулит, укладывает спать... Я глаз не могу сомкнуть вот уже неделю. Не возьмешь ее себе на пару дней? Хочешь укропного мяса? – Сиввинг приглашающее помахал пластиковой банкой. – Все, что нам нужно, – сварить картошки... Слушай, ты уже прошла техосмотр?

– Пройду обязательно, – пообещала Ребекка и поняла, что уснула бы на месте, имея она возможность упасть на кровать.

– Что с тобой? – забеспокоился Сиввинг.

– У меня был необычный день на работе.

– Видела Кристера?

– Что? Нет... в любом случае с Кристером это никак не связано.

Но Ребекке вдруг вспомнилось, как смотрел Кристер в ее окно.

– Ну хорошо, расскажешь за обедом. У тебя есть картошка или мне своей захватить?

* * *

Они разогрели укропное мясо и сварили картошку. Окна на кухне запотели. А потом Ребекка рассказала Сиввингу о Хенри Пеккари, который умер на острове Палосаари, и об останках отца Бёрье Стрёма, обнаруженных в морозильнике.

Довольные, наигравшиеся собаки растянулись под столом. Они тоже получили укропного мяса в качестве добавки к сухому корму. Белла подтолкнула варежку к животу и зарычала на щенка, чтобы держался подальше.

– С шестьдесят второго года... – задумчиво повторил Сиввинг, ковыряя в зубах ногтем. – Ты уже говорила с Рагнхильд Пеккари и Улле?

– У этого убийства истек срок давности. И потом, они ведь мне никто, если по-настоящему... Ты ведь знаешь, что мы с Пеккари никогда...

Ребекка пожала плечами, не закончив фразы. Вдруг собаки вскочили и залаяли. Во двор въехала машина.

– Кто это? – удивился Сиввинг, и Ребекка посмотрела в окно.

К дому приближался только что вышедший из такси судмедэксперт Ларс Похьянен.

– Похьянен, – простонала Ребекка. – Приехал меня уговаривать.

* * *

Похьянен с благодарностью принял приглашение поужинать и перемешал мясо с картошкой в своей тарелке в однородное пюре.

– Я никогда ни о чем не просил тебя, Мартинссон, – начал он и с удовольствием положил ноги на щенка, который улегся как раз под его стулом, – но ты должна оказать мне эту услугу... В этом доме совсем нечего выпить?

Ребекка достала водку, и они выпили по две рюмки.

¹⁵ Лувиковые варежки, варежки лувика – шведский сувенир; варежки с характерным орнаментом.

– Мне рано вставать, – сказал Ребекка. – Много изменилось с тех пор, как Бьёрнфут уехал.

Она посмотрела на часы, но мужчины ее как будто не слышали. Им было хорошо здесь, на кухне, и они никуда не торопились. Знай наполняли рюмки друг друга. Когда бутылка опустела, Сиввинг, никого ни о чем не спрашивая, достал новую. Откинулся на спинку, так что плетеный стул затрещал.

– Бёрье Стрём, – начал он. – Его золото на чемпионате шестьдесят восьмого года вошло в историю. Это было больше, чем просто золото, вот что я вам скажу.

– Согласен. – Похьянен кивнул. – Противники падали, как кегли. А ведь Бёрье был еще юниор.

– Но после чемпионата в Катскилл-Маунтинс...

Сиввинг покачал головой; Похьянен тоже – и прищелкнул языком.

Но что случилось после чемпионата в Катскилл-Маунтинс, Ребекка так и не узнала. Честно говоря, она не слишком к этому стремилась, потому что страшно хотела спать.

– Бёрье Стрём заслуживал и заслуживает лучшего, – подхватил Сиввинг. – По крайней мере, мы можем попытаться выяснить, что случилось с его отцом.

«Мы? – повторила про себя Ребекка. – Кто это «мы»?

– Ребекка, – продолжал Сиввинг, теперь уже почти умоляющим тоном. – Ты не хочешь нам в этом помочь?

– Ты, кажется, хотел оставить на меня собаку? – напомнила Ребекка. – И то, и другое я не потяну.

– Уфф... – Сиввинг широким жестом призвал Ребекку забыть о собаке, после чего в очередной раз наполнил рюмки, свою и Похьянена. – Собак я беру на себя. А ты возмешь труп из морозильника.

– Тебе лучше найти кого-нибудь другого, – обратилась Ребекка к Похьянену. – Я ведь даже не полицейский.

Эксперт издал смешок. И это прозвучало, как будто встряхнули пакет с пустыми консервными банками.

– Кого я могу найти?

– Ну... я не знаю.

Ребекка уже убирала со стола. Она не понаслышке знала истинное положение вещей. Похьянен пользовался авторитетом среди полицейских, но особенно любим не был. Его раздражало их поведение на месте преступления. Слава богу, отпечатки пальцев полицейских и образцы их ДНК есть в базах. Эту мысль Похьянен часто повторял в зале суда. Уму непостижимо стремление коллег в форме замарать всех и вся на месте преступления, включая жертву.

Полицейские мстили Похьянену, отпуская за его спиной шутки вроде той, что судмедэксперта бывает трудно отличить от мертвецов, которые попадают к нему на стол. Что, если в один прекрасный день Анна Гранлунд по ошибке распилит его череп? Между собой они называли Похьянена Горлумом. «Горлум считает, что смерть наступила мгновенно», – примерно так это могло звучать.

– Прокурор ведет частное расследование в свободное от работы время. Представляешь себе, как это выглядит со стороны?

– Плевать я хотел на то, как это выглядит. – Голос Похьянена дрогнул. – Я прошу тебя, Мартинссон, потому что сам я этого не потяну. Ты должна мне помочь, это последняя просьба умирающего.

Похьянен постучал указательным пальцем по столу, как будто его желание лежало здесь, перед ее глазами. В голосе совершенно не чувствовалось обычной ворчливости.

Щенок поднялся и положил голову на колени Похьянену.

– Давай начистоту, – сказала Ребекка. – Почему это для тебя так важно?

Похьянен медленно вдохнул, как будто взял разбег. Похоже, ответ залегал глубоко внутри.

– Грехи отцов. Ты ведь читала об этом в Писании, верно? Я должен этому человеку, понимаешь? И надеюсь расплатиться с ним, хотя бы отчасти, если хоть чем-то попытаюсь помочь. – Он откашлялся. – Облегчи мою ношу. Ты можешь, Мартинссон. Сделай это, перед тем как я отправлюсь в последний путь.

– Ну вот, ты меня уже обязываешь. – Ребекка чуть заметно улыбнулась.

– Неужели? – прошептал Похьянен. – Буду рад, если мне это удастся.

Он исчез под столом, чтобы почесать за ухом у Снурриса, который принялся колотить по полу лапой в отчаянной попытке сделать почесывание еще более приятным.

Сиввинг посмотрел на Ребекку через стол. «Хватит уже его мучить», – говорил его взгляд.

– Мне пора. – Похьянен поднялся на нетвердые ноги. – Такси вызовешь?

– Договорились, – отозвалась Ребекка. – А завтра позвоню Свену-Эрику Стольнаке. Он, как я слышала, заскучал без работы.

– Сделай это ради меня, – повторил Похьянен, не прерывая утомительной процедуры одевания – руки должны попасть в рукава, шарф – обмотаться вокруг шеи. – Буду тебе благодарен. Но приготовься к тому, что господина Стольнаке придется уговаривать. Он, говорят, не очень-то любит ездить в город. Не выдерживает всей этой суматохи с перемещением.

– Они уже полгорода перекопали, – подхватил Сиввинг. – Как будто совет коммуны зарыл клад и не помнит где. Возьми с собой Бёрье Стрёма, Ребекка, и вместе поезжайте к Свемпе¹⁶. Кто посмеет отказать Стрёммену?

Оставшись наконец одна на кухне, Ребекка опять вспомнила о Кристере. Они часто ужинали втроем – Сиввинг, она и Кристер. Налила себе водки и, пока разбиралась с посудой, незаметно прикончила всю бутылку.

Она вспомнила и об Анне-Марии тоже, о том, что они почти сдружились. Но Мелле следовало бы осознать, что это ее никуда не годное фото сделало невозможным судебное преследование мошенников. «Вместо этого она принялась говорить гадости коллегам за моей спиной», – подумала Ребекка.

Хотя у Меллы ведь на уме только семья и работа, на большее ее не хватает. И как только Ребекка представила себе большую семью Меллы и ее захлавленную кухню, мысли тотчас же обратились к Маркусу, приемному сыну Кристера.

Ребекка наконец закончила с посудой и ушла в спальню.

Щенок уже развалился на ее кровати и, похоже, преследовал во сне все мировое зло. Глухо зарычал, когда Ребекка осторожно придвинула его к себе.

* * *

Рагнхильд Пеккари заперла за собой дверь и вошла в прихожую. Вчера утром она думала, что запирает квартиру в последний раз в жизни, – и вот вернулась... Но хорошо знакомые вещи стали чужими. Сколько раз Рагнхильд переступала этот порог, оглядывала из прихожей гостиную, спинку дивана, цветы на подоконниках, дверь на балкон? Сколько раз разувалась на этом самом коврике, держась за дверной косяк?

Все это ей больше не принадлежало. Нити, связывавшие ее с этой квартирой, оказались перерезаны. Теперь они чужие друг другу. Здесь все умерло, как это бывает в домах, где подолгу никто не живет.

¹⁶ Свемпа – прозвище полицейского Свена-Эрика Стольнаке.

Рагнхильд посмотрелась в зеркало в прихожей. Этот странный день завершился беседой с полицейским по имени Фред Ульссон. Ей удалось с трудом изложить ход событий.

– То есть вы не стали звонить ни в полицию, ни в «Скорую», ни в похоронное бюро? – переспросил Фред Ульссон. – Вместо этого вы бросились искать собаку? А когда открыли морозильник, чтобы достать для нее еды, нашли труп?

Он поинтересовался, не нужна ли ей помощь психолога. Рагнхильд отказалась.

Ее принимают за сумасшедшую, и это понятно. Рагнхильд скинула ботинки и повесила куртку. Но что, если она и вправду не в себе? Ведь люди с нарушенной психикой обычно не осознают свою болезнь...

Она чувствовала себя взломщицей, когда в туалете чистила зубы чьей-то голубой щеткой. Потом стояла в дверях спальни и смотрела на кровать, уснуть на которой казалось невыносимым. И все-таки легла на одеяло. Накрылась пледом и уставилась в потолок.

В мыслях вернулась на остров. В дом, к собаке по кличке Вилла, которая была ее, а потом пропала. Рагнхильд не хотела препятствовать своим мыслям. Пусть летят куда хотят, какая разница?

А потом вспомнила настоящую Виллу, из детства.

Еще совсем маленькой Рагнхильд любила лежать в санях, зарывшись в сено, которое мать привозила лошадям из амбара. С какой-нибудь потрепанной книжкой и пакетом изюма, если уж совсем повезет. Там она читала, прислушиваясь к звукам в хлеву. Коровы гремели цепями, когда двигались. Откуда ни возьмись появлялась Вилла и ложилась рядом. Там они и дремали вместе на солнышке.

А потом, незаметно для себя, Рагнхильд уснула.

Среда, 27 апреля

С утра Ребекка успела отправить в судопроизводство двадцать три дела, а после обеда поехала в отель «Феррум» забрать Бёрье Стрёма.

Они почти не разговаривали. Пожали друг другу руки, что совсем не обязательно, когда встречаются два уроженца Норрботтена. Но Бёрье, конечно, привык к рукопожатиям за долгую боксерскую карьеру. Как и Ребекка – за годы работы в адвокатском бюро. Поцелуи в щеку тоже не прижились – так легко ткнуться не туда, толкнуть человека, притом что никогда не знаешь, сколько раз чмокнуть – один, два или три.

Но в детстве Ребекки рук не пожимали. Приветствовали друг друга кивком, финским *terve*, шведским *hej*; наконец, лестадианским *jumalan terve*¹⁷ – пожеланием божьего мира.

Все это Ребекка когда-то пыталась донести до Монса.

– Рукопожатия – это не наше, – как-то сказала ему она. – Это шведы нас к ним приучили.

– Бедные вы, бедные... – Монс сочувственно покачал головой.

Тут Ребекка замолчала, и он, заметив ее неловкость, пустился в воспоминания о своем детстве и том, как его тогда учили вежливости. Холодный отцовский взгляд поверх фамильного серебра и льняных салфеток. Не поклонился гостям – получи по затылку. Поставил локти на стол – отец незаметно подойдет сзади и ударит так, что локоть впечатается в столешницу. Так оно было тогда... И все-таки хоть какие-то нормы приличия общению не помеха – в качестве социальной смазки.

– Я ни на что не намекаю, – подвел итог Монс, – но есть разница между культурной самобытностью и недостатком воспитания.

– То есть мне не хватает воспитания, ты хочешь сказать?

¹⁷ Лестадианство – направление в лютеранстве, названо по имени его основателя, шведского проповедника Ларса Леви Лестадиуса (1800–1861), чья деятельность по большей части была связана с Северной Швецией.

В тот раз они поругались. Ребекка убеждала Монса, что в доме ее бабушки в Курравааре были приняты вполне определенные нормы поведения.

«С Монсом пора расстаться», – подумала она. И вовсе не потому, что вдруг назрела такая необходимость. Просто они все реже общались. И почти ничего не говорили друг другу при встрече. Похоже, у него и без нее было с кем отвести душу...

Бёрье восхищенно хмыкнул, прервав ее тягостные воспоминания. Они выехали на Ник-калоуктавеген, к сверкающим вершинам Кебнекайсе на фоне безоблачного голубого неба. И Ребекка притормозила, пропуская северных оленей, которые, конечно, никуда не спешили.

Бёрье достал мобильник и сделал несколько снимков.

– Ничего не поделаешь, – сказал он, – мы приближаемся к красивейшему месту на планете.

«Это так», – молча согласилась Ребекка. Сердце дрогнуло от внезапной тоски. Последний раз она ездила в горы с Кристером. Они жили в зимних палатках, вместе с собаками.

Ребекка покосилась на руку Бёрье, державшую телефон. Три зелено-голубые точки – татуировка бродяги. Он тут же заметил ее внимание. Боксер – приноровился ловить взгляды противников.

– Моя первая, – объяснил Бёрье. – Приятель сделал, простой иголкой и чернилами из шариковой ручки. Мать была вне себя.

Июль 1962 года

Вот уже две недели прошло с тех пор, как пропал отец и Бёрье звал его на острове.

Вернувшись домой, он застал мать на кухне с полицейским.

– Ты? – спросила она.

Голос деланный – не ее. Мать обращается к Бёрье, но имеет в виду другого. У нее совсем другой тон, когда они наедине.

Полицейский задает Бёрье вопросы об отце, но все время смотрит на мать. И Бёрье рассказывает. Собственно, история выходит короткая. Папа велел ему спрятаться. Подъехала машина. Кто-то подошел к перевернутой лодке, под которой лежал Бёрье. А потом этот человек тоже исчез. Машина уехала. Когда Бёрье вылез из укрытия, папы не было. Он искал, звал. Дошел до ближайшего хутора, постучался. Позвонил маме.

– Ты слышал голоса?

– Нет, или да, но только издаleка и не очень отчетливо.

– То есть слов не разобрал... А сколько их было, не знаешь?

Бёрье трясет головой.

– Я могу идти?

Он может.

Бёрье берет руку полицейского и чуть склоняет голову, потому что так нравится маме, особенно когда она использует этот голос. Потом он сидит на кровати в своей комнате с «Утиными историями». Забавно, но фамилия полицейского Фьедер¹⁸, почти как диснеевский персонаж. Через закрытую дверь Бёрье слышит, как мать предлагает Фьедеру кофе. У того очень мало времени, но да, чашечку, пожалуй, можно.

Мать понижает голос, и Бёрье встает с кровати, прижимает ухо к замочной скважине.

– Он выгораживает отца, – говорит она. – Вот, пожалуйста... с сахаром... Отец – финн, этим все сказано. Вечные пьянки. Приехали приятели и увезли его с острова. Ну а потом... свалился в озеро или уехал домой, в Финляндию. Вот увидите, еще объявится по осени. Конечно, мне не следовало отпускать с ним мальчика. Но что я могла поделать? Ребенку нужен отец.

¹⁸ Фьедер (шв. Fjäder) – «перо»; так зовут одного из героев диснеевских «Утиных историй» в шведском переводе.

Чтобы было, так сказать, с кого брать пример. Хотя какой уж тут пример... Татуировки по всему телу. Ни нормальной работы, ничего.

Когда полицейский уже ушел, Бёрье выходит в прихожую и обувается.

– Ты куда? – спрашивает мать.

– На улицу.

– Это я вижу, – говорит она теперь уже своим обычным голосом. – Куда на улицу?

– Отец не уехал с друзьями, – отвечает Бёрье.

– Ты-то откуда знаешь?

– Тогда зачем он велел мне спрятаться, если это были его приятели? Он не бросил бы меня там одного.

– Прекрати его выгораживать, – приказывает мать. – Ты не знаешь своего отца. Да и откуда, если я одна тебя растила.

– Ты соврала полицейскому. Сказала, что папа уехал с друзьями. Но ты ведь не была там. Тогда откуда ты знаешь...

Пощечина заставляет Бёрье замолчать на полуслове.

– Ну всё, хватит. Прекрати немедленно, говорю!

Бёрье хватается за щеку, открывает дверь и опрометью выскакивает на улицу. Слышит, как мать зовет его домой, но ему наплевать.

Он выбегает на детскую площадку. Матти раскачивает качели, на которых сидит его младшая сестра. Она визжит и смеется. Пахнет летом. В воздухе висит солнечная пыль. Все, кто имел на это средства, отбыли в отпуск – кто в Турнедален, кто в Финляндию. А один из их класса уехал в Стокгольм.

Бёрье подходит к Матти.

– Так и будешь возиться с девчонкой весь день? Пошли, дело есть.

– Что за дело?

Матти делает вид, что ему все равно. Но отходит от качелей, не обращая внимания на протесты сестры.

– Сначала сделай мне татуировку, – говорит Бёрье.

– Какую татуировку? – недоумевает Матти.

– Ты сделаешь мне татуировку, – строго повторяет Бёрье. – Или только и умеешь, что девчонок развлекать?

Он возвращается домой спустя несколько часов. Рука горит от боли. Смотрит на себя в зеркало и ужасается – даже губы белые. Но он сделал это – три точки, как у бродяги. Как у отца.

Он еще раз поднимает глаза к зеркалу. Видит лицо мужчины с бледными губами. Это Матти своей штопальной иглой сорвал мальчишескую кожу с его скул.

– И где ты был? – спрашивает мать с кухни. – Ужин остыл.

Бёрье пытается проскользнуть мимо нее, прячет руку, отвечает, что не голоден. Но мать не настолько глупа. Молниеносно – как кобра – хватает его за руку. Разжимает пальцы – думает, там сигареты или что-нибудь такое... А когда понимает, в чем дело, кричит – как будто ее подпалили заживо. Вцепляется Бёрье в волосы, так что летят клочья. Швыряет Бёрье о стену, потом о стол. «Ты в своем уме?» – вопит она. Одной рукой держит Бёрье за вихор. Другой нащупывает подходящий инструмент в ящике кухонного стола. Им оказывается большая скалка. Мать срывает с Бёрье рубаху, хватая за волосы теперь уже левой рукой, прижимает к столу. И колотит скалкой по чему ни попадя – спине, заду, шее, затылку.

Бёрье кричит, хотя и далеко не сразу:

– Папа! *Isä!*

И тогда мать заталкивает его в комнату и запирает снаружи.

Бёрье бросается на кровать и воет в подушку. А когда поднимает голову набрать воздуха, слышит, как на кухне заливается слезами мать. Бёрье думает, что она сошла с ума. Почему она плачет? Это ведь не ее, а его только что избili?

«Чертова баба», – думает Бёрье и сам себе удивляется. Он никогда так не называл собственную мать, – ни в мыслях, ни тем более вслух. Это все новый Бёрье, тот, которого вызвала к жизни игла.

Посреди ночи он просыпается. Рука горячая, раздулась почти вдвое прежнего. Снаружи светло. В квартире тихо. Язык прилип к нёбу. Бёрье хочет пить, но когда он пытается подняться, в голове вспыхивает молния, а тело не слушается. И Бёрье снова падает на подушку, в темноту.

Когда он просыпается в следующий раз, возле кровати стоит мать. Она что-то говорит, но Бёрье не слышит. Уши словно забиты ватой. Цветы на шторах в его комнате то сжимаются, то расправляются снова. Бёрье отворачивает лицо от света, бьющего из окна, и чувствует, что подушка взмокла от пота. А потом проваливается в сон.

Его будит мать. Теперь шторы задернуты. На Бёрье пижама, хотя он и не помнит, как переодевался. Он мерзнет, стучит зубами. Мать прикладывает к его лицу мокрое полотенце. Надевает ему куртку поверх пижамы, обувает.

– Такси ждет, – говорит она. – Едем в больницу.

* * *

Что дальше? Доктор сидит возле его постели – в тот же день или неделю спустя, этого Бёрье не помнит. На больной руке – повязка.

– Разбойник. – Доктор треплет ему волосы. – Теперь ты, надеюсь, понимаешь, что такие вещи опасны. Тебе еще повезло, что нет заражения крови. Ну теперь будешь принимать пенициллин всю неделю.

Бёрье молчит. Косится на руку в повязке.

– А вот точки, боюсь, останутся на всю жизнь.

Бёрье облегченно вздыхает. Когда он в первый раз увидел повязку, сразу подумал, что татуировку каким-то образом убрали; может, срезали.

За спиной доктора появляется медсестра. Она выглядит строгой – уголки губ опущены, нос острый. Но ее прикосновения приятны. Медсестра задирает на спине Бёрье больничную пижаму. Доктор надевает на нос очки, разглядывает продольные и поперечные красные полосы. Медсестра молча стрижет Бёрье машинкой. Теперь у него болят раны на голове – оставленные машинкой залысины, из которых сочится кровь.

Доктор поворачивается к матери. Незаданный вопрос заполняет собой все пространство комнаты. Воспитывать детей не возбраняется, но без членовредительства.

– Он был с отцом, – объясняет мать. – Мы в разводе уже много лет. Отец хотел забрать его на неделю этим летом.

Она прикрывает рот рукой, плачет.

Бёрье молчит. Вот уже несколько недель прошло с тех пор, как он был с отцом. В тот день отец пропал, но доктор об этом не знает.

Когда его выписывают из больницы, мать покупает мороженое. Бёрье ест, хотя совсем не хочется. И вздрагивает, заслышав звук мотоцикла. Но это не отец, каждый раз не он.

* * *

Ребекка Мартинссон позвонила в дверь виллы Свена-Эрика Стольнаке. Бёрье Стрём встал рядом, и Ребекка в очередной раз удивилась, какой же он большой.

– Входи, входи, – слышался изнутри голос Свена-Эрика. – Оставь свои полицейские привычки.

«Он все такой же», – подумала Ребекка, переступая порог прихожей. Свен-Эрик махал им из-за кухонного стола – усы щеткой, клетчатая фланелевая рубашка, широкие брюки на подтяжках. Кепка на газете с кроссвордом завершала образ сельского норрботтенского пенсионера.

Тоска налетела как порыв ветра. Ребекка скучала по Свену-Эрику на работе. Анна-Мария, конечно, тоже. Еще бы, столько лет в одной упряжке!

Они устроились на кухне. Свен-Эрик опустил на пол со стола двух котов, которые тут же запрыгнули обратно.

– А все потому, что кое-кто подкармливает их сыром из своих бутербродов, – подала голос Айри, гражданская жена Свена-Эрика.

Она поставила кофе и разогрела в микроволновке булочки. Извинилась, что они из морозильника, а не прямо из печи.

– Помню ваше золото на чемпионате шестьдесят второго года, боже мой... Вам тогда еще и семнадцати не исполнилось. Вы только держали удары. А он бил и бил, до изнеможения. И ваши незабываемые контратаки – бамс-бамс-бамс...

– Что было, то было. – Бёрье Стрём кивнул. – Финны меня научили, мы ведь перед этим ездили в Финляндию на соревнования. У них специфическая набивка перчаток, и молотят они от души. Зато потом, когда встречаешься со шведом на ринге, стоишь и думаешь: «Господи, когда же он, наконец, начнет?»

Один из котов, продефилировав через весь стол, прыгнул на колени Бёрье Стрёму, прежде чем Свен-Эрик успел его поймать. Серый, тигрового окраса, один глаз обведен черным кругом. Потоптавшись на коленях Бёрье, кот улегся и замурлыкал.

– Как подвесной лодочный мотор, – заметил Свен-Эрик. – На самом деле его зовут Боксёр. Из-за глаза. Это благодаря ему мы с Айри сошлись. Старичок, хотя по нему не скажешь. Совсем как моя Айри.

Свен-Эрик похлопал жену по заду, воспользовавшись тем, что она поднялась со стула за перколятором, который перестал, наконец, булькать.

– Свен-Эрик... – Ребекка покачала головой. – На дворе третье тысячелетие, кто же сейчас хватается женщин за задницы?

– Правда? – удивился Свен-Эрик. – Что, и жену нельзя? Даже у себя дома?

– Я тебе не жена, – поправила Айри. – Мы не расписаны. – И повернулась к Ребекке: – На самом деле всё в порядке. Свену-Эрику разрешается хлопать меня по заднице. И еще моему шефу. И одному очень важному для фирмы клиенту.

Несколько секунд Айри оставалась серьезна, как на похоронах, а потом рассмеялась:

– Шутка!

Бёрье Стрём выставил перед собой ладони в знак того, что он никого не трогает, даже кота.

– Надежнее всего сесть на руки. Тогда точно никто ни в чем не обвинит.

– А как же кофе? – закричала Айри. – А ну, подставляйте чашки!

Все подставили чашки. Айри отыскала даже немного кофейного сыра.

Бёрье Стрём изложил суть дела. Свен-Эрик выслушал внимательно, дергая себя за усы.

Ребекка огляделась. Здесь всё было по-домашнему, как в бабушкином доме. Медные формы для выпечки, как панно на стенах. Тщательно выглаженное праздничное полотенце поверх кухонных с вышитой крестом каймой. Лошадка из Даларны¹⁹, шкатулочки, шведский флаг на деревянном флагштоке, разрисованные жестяные банки сороковых-пятидесятых годов

¹⁹ Лошадка из Даларны, или далекарлийская лошадка – шведский сувенир.

в кухонном шкафчике, подсвечники, вязанные скатерти, деревянные горшочки и берестяные короба, саамская резьба по дереву.

На подоконниках стояли контейнеры из-под яиц с половинками яичной скорлупы, заполненными землей, из которой пробивались ростки. На щитках, сделанных из стикеров и зубочисток, были написаны названия. Бархатцы, душистый горошек, мак и даже такие редкости, как три сорта помидоров, кабачки, салат и мангольд.

– Разумеется, это не бесплатно, – закончил Бёрье Стрём.

– В жизни не брал денег за свою работу, кроме зарплаты, – отозвался Свен-Эрик, почесывая усы, словно зверька, которого нужно приласкать. – Но убийство пятидесятилетней давности... Думаю, в Стокгольме есть частные детективы, которые берутся и за такое.

– Возможно, я туговато соображаю, – Бёрье поступал пальцем себе в висок, – после стольких-то ударов по черепу это неудивительно. Но если стокгольмец приедет сюда и станет расспрашивать об этом местных... думаю, с тем же успехом я мог бы выбросить деньги в озеро.

– Вы правы, – кивнула Ребекка. – Ты ведь здесь всех знаешь, Свен-Эрик.

– Помолчи, – отмахнулся от нее Стольнаке, явно польщенный предложением Стрёма.

Свен-Эрик смотрел на Ребекку. Если Стрёму отказать было трудно, то ей – невозможно. Когда-то давно Ларс-Гуннар Винса застрелил своего сына, а потом застрелился сам²⁰. Тогда Ребекка не утонула в реке только благодаря Свену-Эрику, и это их сблизило. И вот теперь Свен-Эрик живет возле той самой реки. Зимой ходит по ней на лыжах, летом рыбачит.

– Нужно не меньше получаса, чтобы проехать в городе десять метров в одной машине со Свен-Эриком, – продолжала Ребекка, обращаясь к Стрёму. – У него там полгорода – родственники да знакомые, и каждому хочется поговорить.

Свен-Эрик махнул рукой.

– К сожалению, вынужден вам отказать, – ответил он Бёрье Стрёму. – Я больше не работаю. Не говоря о том, что вряд ли есть шансы что-нибудь найти, если полиция не справилась.

Он выудил кофейный сыр из чашки и по справедливости разделил между котами, которые тут же забегали вокруг его стула. Айри молча помешивала в своей чашке. Ребекка заметила, что обычно она бывала более разговорчивой. Может, ее смутило присутствие за столом звезды мирового бокса?

– Видите ли, Свен-Эрик, – сказал Бёрье Стрём, – полиция не особенно и пыталась навести ясность в этом деле. По сути, это никому не было нужно. В конце концов его объявили мертвым. В тот год я выиграл мировой чемпионат. Получил какое-то письмо об «отсутствии у покойного имущества»...

– Но в любом случае... – перебил его Свен-Эрик, и на несколько секунд за столом стало тихо. – В любом случае я нужен Айри здесь, дома.

Айри открыла рот, как будто собиралась что-то сказать, но потом снова закрыла. Бёрье Стрём протянул Свену-Эрику руку через стол. Как боксер, он привык благодарить противника вне зависимости от исхода поединка.

– Тем не менее спасибо за то, что выслушали, – доброжелательно сказал он. – А вам, Айри, – за самые вкусные булочки, какие я только ел в своей жизни. Я ведь и сам пеку иногда, но никогда не получалось так вкусно. Вам повезло, Свен-Эрик.

– Я вообще везучий, – отозвался Стольнаке.

– Настоящее масло, – выдала свой секрет Айри. – И больше, чем обычно пишут в рецептах.

²⁰ История Ларса-Гуннара Винсы и его сына Винни описана в романе О. Ларссон «Кровь среди лета».

* * *

Из окна на кухне Свен-Эрик наблюдал, как Ребекка выруливает со двора. Он помахал рукой на прощание, но она давала задний ход и смотрела на дорогу. При этом не выглядела недовольной.

– Бёрье Стрём не мог не взять это золото в шестьдесят восьмом, – сказал Стольнаке. – Или в семьдесят втором, когда выиграл чемпионат. Но то, что случилось в Катскилл-Маунтинс, иначе как возмутительным скандалом не назовешь. Что там за чертовщина с его отцом? Его нашла родственница Ребекки? В холодильнике?

Айри за его спиной так громко вздохнула, что Стольнаке обернулся. Она сняла передник и села, положив руки на стол. Как будто ждала Свена-Эрика для серьезного разговора. Он отодвинул чашку. Что теперь будет?

– Послушай меня, дорогой, – начала Айри. – Я никогда не учила тебя жить. Не указывала тебе, как вести себя за столом, как одеваться. Мне все равно, как часто ты меняешь носки и бегаешь ли по утрам. Ты – взрослый мужчина, и нужен мне только таким.

– Намекаешь, что менять носки надо бы все-таки почаще? – попытался пошутить Свен-Эрик.

– Нет, хотя тебе и не мешало бы хоть изредка ходить со мной в бассейн. *No niin*²¹. Ты делаешь то, что тебе нравится. Мы не должны ни в чем ограничивать свободу друг друга. Но сейчас я все-таки хочу тебя кое о чем попросить, единственный раз, в виде исключения. Помоги Бёрье Стрёму выяснить, что случилось с его отцом.

– Думаю, они там и без меня справятся. Ребекка Мартинссон – опытный...

– Не ради него, ради меня.

Свен-Эрик удивленно посмотрел на Айри.

– Что ты имеешь в виду?

– Я имею в виду, – Айри показала на лампочку в люстре над столом, – что на каждой лампочке в этом доме ты надписал дату, когда ее вкрутил.

– Все верно, – подтвердил Свен-Эрик. – Дабы убедиться, что они прослужат не меньше, чем указано на коробке. Уму непостижимо, сколько сейчас стоят лампочки. Между тем как продолжительность их жизни...

– Продолжительность жизни меня не интересует, – перебила его Айри. – И потом, это время по солнцу...

– Зачем же мне придерживаться общешведского времени, когда я, наконец, вышел на пенсию и могу жить в ритме естественного движения солнца?

– Я не об этом. – Айри снова замотала головой. – Ты каждый день тратишь по часу времени на пересчеты...

– У меня уходит на это меньше часа.

– Да, но, видишь ли, когда я прошу забрать меня в два часа дня, я должна быть уверена, что ты сделаешь это в два, следуя системе, принятой у всех нормальных людей.

Айри замолчала и задержала дыхание. Она не хотела ругаться, но видела, что Свен-Эрик распалается, словно перегревшийся старый мотор.

– Ты следишь за соседями, как часто они выносят мусор, – продолжала Айри. – Хорошо ли чистят снег у себя во дворах. Раздражаешься, когда кто-нибудь ездит по деревне с превышением допустимой скорости. И ты на пенсии всего год...

²¹ Ну хорошо (*фин.*)

– О чем ты? – Свен-Эрик не мог скрыть обиды. – Я тебе надоел? Ты больше не хочешь меня видеть? Если это так, я уеду в город. Теперь, когда твой дом, наконец, хорошо утеплен, ты вполне справишься без меня.

– Не изображай из себя жертву, – строго оборвала его Айри. – Ты никогда не ходил в батраках в этом доме.

Она встала и положила руки на плечи Свену-Эрику, чтобы тот не вскочил с места.

– Я рада, что мы вместе. Я люблю тебя и хочу, чтобы ты был здесь, со мной. Но не круглые сутки. Пусть коты крутятся под ногами, когда я готовлю, мою посуду или бегаю по дому с тряпкой. Но я не хочу постоянно натекать на тебя. Не сердись, дорогой, но, когда я возвращаюсь с работы, тебе совсем не обязательно ждать меня дома целый день.

Челюсти Свена-Эрика окаменели. Ее слова проникли глубоко.

Айри сжала его руку, в которой тоже был страх – превратиться в никому не нужного старика. Она видела, как тяжело даются Свену-Эрику поездки в Кируну. Город, который он знал как свои пять пальцев, пядь за пядью уходил под землю. А в том новом, что строился на болотах, места Свену-Эрику не было. «Скоро я перестану узнавать тебя», – говорил он, обращаясь к Кируне в тех редких случаях, когда выезжал из поселка.

– Почему бы тебе не попробовать? – робко спросила Айри. – Ради меня. Мне всегда было так интересно, когда ты приходил домой с работы и рассказывал, как прошел день. Стрём обратился именно к тебе, потому что ты лучший. Но если эта работа чем-то тебе не понравится, я не стану больше поднимать эту тему.

Свен-Эрик боролся с собой. Он чувствовал обиду и жалость к себе. Стоило в это погрузиться, и ничего больше не оставалось бы, кроме как собрать вещи и завести машину. Первое время он мог бы жить у дочери Лены в гостевой комнате. Но Свен-Эрик сопротивлялся. Сжал зубы, чтобы изо рта не вырвались слова оправдания. Много лет он проработал с Анной-Марией Меллой, а она была не самым тактичным полицейским. Свен-Эрик приучил себя принимать замечания женщин. Прятать уязвленное самолюбие куда подальше.

– Что ж, – сказал он Айри. – Пожалуй, присмотрюсь к этому делу повнимательнее. Если только ты не против.

– Я не против, – ответила Айри, возблагодарив Небо за труп в морозильнике на острове посреди реки Турнеэльвен.

Четверг, 28 апреля

В половине пятого утра Бёрье Стрём и Свен-Эрик забрали Ребекку из полицейского участка. На крыше машины была закреплена резиновая лодка.

– Рагнхильд Пеккари уверяет, что лед держит, но я решил подстраховаться, – объяснил Ребекке Свен-Эрик. – Потащим лодку за собой, как это испокон веков делали наши деды. Если лед не выдержит, нам будет куда запрыгнуть.

– Боже мой, – ужаснулась Ребекка. – Может, составить завещание, пока не поздно?

Не успели они выехать из города, как Бёрье Стрём уснул на заднем сиденье. Свен-Эрик посмотрел на Ребекку.

– Странная все-таки история, – сказал он. – То есть получается, твоя тетя нашла отца Бёрье Стрёма в морозильнике твоего дяди?

– Я уже говорила, что она мне не родная тетя, – ответила Ребекка. – И Хенри Пеккари мне не совсем дядя. Мама была в их семье приемным ребенком. Думаю, ей было лет шесть или семь, когда они уехали с острова. Мама выросла в Кируне, в «трёшке» на Треарбетарегатан. А Хенри унаследовал небольшое лесо-земельное хозяйство. Но когда я была маленькой, мы не общались с Пеккари. Они ведь выгнали маму, когда ей было всего четырнадцать.

«Хотя что мне об этом известно? – мысленно добавила Ребекка. – Мама оставила меня, и я справлялась без нее. Как и без Пеккари».

– Я их совсем не знаю, – добавила она. – Никогда с ними не встречалась.

– Но ведь в семье, кажется, был еще один брат? – спросил Свен-Эрик.

– Улле Пеккари, старший. Он другой. У него своя фирма – укрепление крыш или что-то вроде того. Хотя сейчас этим, наверное, больше занимается его сын.

– Нам обязательно нужно поговорить с Улле Пеккари, – сказал Свен-Эрик. – Они с Хенри не общались, не знаешь?

– Откуда мне знать? Или ты не сидел здесь, в машине, когда я только что говорила, что Пеккари мне не родственники и у меня нет с ними никаких дел.

– Спросим Рагнхильд, – решил Свен-Эрик, не обращая внимания на ее ворчливый тон. – Она может знать, с кем общался ее брат в шестьдесят втором году, хотя сама как будто моложе него.

– Она... там будет?

– Да, конечно. Разве я не говорил? Надеюсь, это не так важно. Или вы друг друга терпеть не можете?

– Ну... – Ребекка пожала плечами, подумав: «Только бы она не завела разговор о маме».

* * *

«Только бы Ребекка не заговорила о своей матери», – думала Рагнхильд Пеккари.

Она проснулась в полчетвертого утра и выехала в Кируну – два часа пути. Потом в машине на берегу реки пила кофе из термоса и ждала Бёрье Стрёма, Ребекку Мартинссон и какого-то полицейского на пенсии, фамилию которого забыла.

Зимне-весеннее солнце цвета незрелой морошки тяжело нависало над горизонтом. Времени было почти семь утра.

Сам Ларс Похьянен соизволил позвонить ей. Рагнхильд не встречалась с ним за все годы работы медсестрой «Скорой помощи», только несколько раз видела на парковке. Но она, конечно, знала, кто он.

О Похьянене говорили как о ворчливом старике, но голос в трубке звучал вполне доброжелательно, разве что немного грустно. Похьянен попросил разрешения маленькой следственной группе приехать на остров. Объяснил, что речь идет не о полицейском расследовании в обычном смысле. Мужчина в морозильнике – отец боксера Бёрье Стрёма, и срок давности этого убийства истек. Но якобы некий полицейский на пенсии согласился взглянуть на это дело одним глазком.

Как там его зовут... Она забыла – Рагнхильд, помнившая по именам всех пациентов... Как будто двойное имя... Что будет, если он осмотрит дом? Рагнхильд надеялась, что он найдет не так много – после стольких-то лет. И все-таки... С ним будет прокурор, Ребекка Мартинссон. Похьянен знает, что они родственницы.

«Хотя и не совсем», – поправила она сама себя. И снова ощутила эту тяжесть внутри. Не скорбь, не печаль, именно тяжесть – как будто отслуживший свое лодочный мотор, погрузившись в воду, коснулся наконец дна.

С ними будет дочь Вирпи. Трудно подобрать название тому, что ощутила Рагнхильд, но точно не страх и не злобу. Похоже, она выбросила на помойку все свои чувства, когда убиралась в последний раз в квартире. Рагнхильд не стала выезжать на снежный мост. Вернулась и поехала на остров. Теперь будь что будет. И все-таки она надеялась, что Ребекка не станет спрашивать о Вирпи.

«Потому что у меня нет для нее ответов, – подумала она. – Ни одного. И я не обязана перед ней отчитываться. *Ei se kannatte*²². Что это даст?»

²² Мне этого не вынести (*фин.*).

На холм выехала машина. В ней трое, и на крыше надувная лодка. Рагнхильд поняла, что это они.

* * *

Бёрье Стрём вздрогнул от неожиданности, когда Рагнхильд вышла из машины. Он оказался не готов к тому, что увидел. Рагнхильд была высокой, верные метр восемьдесят или даже чуть больше. И при этом не угловатой, как это бывает с крупными женщинами. Как боксер он не мог не оценить ее руки. Но отвел глаза от мускулистого зада.

Открыв багажник на крыше машины, Рагнхильд на удивление легким движением достала лыжи и палки. В ней чувствовалось что-то медвежье. Бёрье приходилось встречаться с медведем в лесу. Зверь спал метрах в пятидесяти от него, на заболоченной лужайке вдоль берега Раутасэльвен. И вскочил, как только увидел Бёрье, – с легкостью, поразительной для такого массивного тела. Это все равно как если бы вода потекла вверх.

Нет, этой женщине не потребуется помощь, чтобы снять багаж с верхней полки.

Приблизившись к ней, чтобы поздороваться, Бёрье вздрогнул еще раз. Он привык смотреть на женщин сверху вниз, но с Рагнхильд они были одного роста. Он видел ее глаза совсем близко – серые, как небо в дождливый день. Бёрье всегда любил ненастную погоду. Пробежка под дождем в обычное шведское летнее утро – лучшее, что он испытал в жизни. Бёрье понял это в США, где бегать приходилось под палящим солнцем по пыльному асфальту – так что потом из носа сочилась кровь.

У Рагнхильд Пеккари были широкие светло-русые брови. Из-под шапки выглядывала такого же цвета коса. На загорелом лице выделялась белая полоса в области глаз, от лыжных очков. Рагнхильд протянула руку, сухую и шершавую, как кора. Бёрье Стрём вспомнил, что слышал в детстве: трудягу выдают мозоли, бездельника – волдыри.

Она что-то сказала, но мысли Бёрье все еще крутились вокруг ее руки. Рука трудяги – что она ею, собственно, делает? Рубит дрова? Чистит рыбу? Ремонтирует дома? Управляет собачьей упряжкой?

Бёрье глубоко вздохнул, пытаясь восстановить ритм дыхания. От Рагнхильд пахло костром и еще чем-то знакомым, что Бёрье тем не менее так и не удалось определить. Может, взбитыми сливками? Или наждачной древесиной? Он ощутил в себе желание ткнуть носом в ее кожу и втянуть этот запах. Бёрье как будто получил непредвиденный удар. Он был ошарашен. Наконец отпустил ее руку. Рагнхильд повернулась к Ребекке и Свену-Эрику.

Бёрье понял, что она представилась, а он в ответ не назвал свое имя. Ну теперь пора.

* * *

Рагнхильд Пеккари начала с Бёрье Стрёма. Его рука была такой же шершавой, как и у нее.

Бёрье быстро отпустил ее ладонь, словно ожегся. Рагнхильд почувствовала, как вспыхнули ее щеки. «Что он себе возомнил, в самом деле? – мысленно возмутилась она. – Что мы убили его отца и запихнули в морозилку?» Она быстро справилась с этой неприязнью. Бёрье Стрём был красавец. Из тех, вокруг кого женщины увиваются всю жизнь. И морщины, как у Клинта Иствуда.

«Наверное, я должна была упасть на месте от одного его взгляда, – подумала Рагнхильд. – Он ведь даже не назвался – зачем? Но и я не из тех, кто падает; пусть знает это».

– Лучше бы вы взяли с собой лыжи. – Рагнхильд мрачно кивнула на лодку на крыше машины. – Лед держит. Можно пройти и без лыж по следу снегохода. Утром – точно, пока держится минусовая температура.

– Мне еще есть для кого жить. – Свен-Эрик улыбнулся. – Но вы можете идти на лыжах, если хотите.

Ребекка Мартинссон поздоровалась с Рагнхильд так, будто впервые услышала ее имя. Рагнхильд помогла спустить с крыши лодку, все боясь, что Ребекка Мартинссон скажет что-нибудь вроде: «Вы ведь росли вместе с моей мамой». Но та ничего такого не говорила. Выглядела спокойной и доброжелательной. Все понятно, если учесть, что она прокурор. Научилась не давать воли чувствам. Или нет у нее никаких чувств к Вирпи? Так сразу не разглядишь...

Рагнхильд достала из машины термос с кофе. Отмахнулась от эмоций шершавой рукой. Как-то раз она видела Ребекку в магазине «Иса». Та была похожа на привидение. Тогда еще тот полицейский застрелил мальчика-инвалида, а потом покончил с собой. Ребекка, конечно, не узнала Рагнхильд. А та мучилась – подойти или не подойти? Может, представиться, спросить, как дела, не нужна ли помощь? Но ничего этого Рагнхильд так и не сделала. Они ведь никогда не общались.

Зато Рагнхильд помнила, как однажды навестила Вирпи в родильном отделении. В тот день у Рагнхильд было дежурство, и она могла бы прийти к Вирпи в халате. Та дала ей подержать ребенка. Женщины говорили о новорожденных, необходимости в других темах просто не возникло.

– Почему бы тебе не зайти к Исааку и Хельми? – сухо спросила Вирпи. Она называла приемных родителей по именам.

Рагнхильд вдруг пришла в голову странная мысль, что младенец, которого она держала тогда на руках, и есть эта самая женщина перед ней. «Жизнь не ждет нас, – подумала она. – Идет своим чередом, и ей нет никакого дела до того, успели ли мы завязать с кем-то контакт».

Она предложила им кофе и рассказала о собаке, которую видела на острове.

– Я сварила мяса и положила на крыльце, перед тем как прилетел вертолет. Надеюсь, вороны и сороки растащили не всё.

Ребекка повернула лицо к бледному солнцу, которое стояло теперь над верхушками деревьев и будто нюхало по-собачьи воздух.

– Ну тогда, может, пойдем? – спросила она. – Нужно успеть обратно, пока лед держит.

В этот момент Ребекка была особенно похожа на мать. Прищурила глаза – совсем как Вирпи, когда прикидывала, получится ли у нее покорить дерево, взобравшись на самую его верхушку. Или когда дралась с мальчишками в Кируне. *Tuiskusapara* – вертихвостка, так называл ее отец Вирпи. Это пока они жили на острове. А когда уехали, в ход пошло другое прозвище. В тех редких случаях, когда о Вирпи вспоминали вообще. Это слово не приходило в голову Рагнхильд больше пятидесяти лет.

«Ты тоже не такая спокойная, какой хочешь казаться», – подумала она, глядя на Ребекку Мартинссон. После чего, закрепив крюк от своих саамских саней на поясном ремне, оттолкнулась палками и понеслась по льду.

Рагнхильд прогоняла мысли о Ребекке Мартинссон и боксере, пытаясь сосредоточиться на собаке. Не уплыла ли та с острова и дал ли ей Хенри какую-нибудь кличку?

Остальным предоставлялось поспевать за ней, по мере сил и возможностей, и тащить по льду чертову лодку. Рагнхильд не было до них никакого дела. Она отталкивалась палками. С санями, конечно, тяжело, но Рагнхильд ничего не имела против физической усталости, приятной слабости в мышцах груди, живота и спины.

Она спросила себя, смотрит ли Бёрье Стрём ей в спину. Рагнхильд показалось, что она чувствует на себе его взгляд. Но оглянуться и проверить, насколько верны эти ощущения, так и не решилась. Рагнхильд надеялась, что на таком расстоянии Бёрье не слышит, как она пыхтит.

Остров все приближался. Развалившиеся амбары смотрели на Рагнхильд черными проемами, в которых не было дверей. «Опять ты...» – говорили они. На душе снова сделалось тоскливо.

* * *

– Я остаюсь здесь, – сказала Ребекка Мартинссон, провожая глазами стремительно удаляющуюся фигуру Рагнхильд. – Кто-то должен вызвать службу спасения, когда вы пойдете ко дну.

Она слабо улыбнулась Свену-Эрику.

– Ммм... – промычал тот, мысли которого взяли какое-то совсем другое направление.

«Зачем вообще кому-то могло понадобиться запихивать тело в холодильник?» – думал он, ступив с Бёрье Стрёмом на лед в старый след снегохода. Свен-Эрик хотел было поставить этот вопрос вслух, как привык обсуждать текущие дела с Анной-Марией Меллой. Но в морозильнике лежал отец Бёрье Стрёма, что могло помешать обсуждению в чисто профессиональном ключе.

Между тем день обещал быть хорошим. Тонкий солнечный диск поднимался все выше, небо голубело. Стрём шел первым по следу снегохода и тащил лодку, которую Свен-Эрик толкал сзади.

Свен-Эрик быстро вспотел под шапкой, хотя как будто не особенно напрягался. Почти весь вес приходился на долю Бёрье Стрёма. «Что ж, – подумал Стольнаке, – он, похоже, из тех, кто способен пробежать по лесу много миль, волоча за собой на тресе тракторную покрывку».

На полпути Бёрье остановился и взгляделся в берег.

– Дом, который арендовали мы с отцом, стоял чуть выше по течению, – сказал он. – Его отсюда не видно.

Свен-Эрик продолжал рассуждать: «Итак, зачем помещать тело в морозильник? С учетом того, что отец Стрёма пропал в середине лета шестьдесят второго года. То есть было светло – круглые сутки. Преступник – поскольку я не могу утверждать наверняка, что это был Хенри Пеккари – не стал бросать труп в реку из опасения попасться кому-нибудь на глаза. Почему же в таком случае он его не зарыл? Что, если такая работа была ему – или ей, если уж быть совсем корректным, – просто не под силу? Копать ведь тяжело, а для тела нужна большая яма. И тогда он (или она) сунул труп в морозильник, с тем чтобы достать ближе к осени, когда ночи станут темнее, упаковать во что-нибудь, утяжелить и утопить в реке. Но не случилось. С большой долей вероятности жертву застрелили здесь же, на хуторе. Возможно, в доме».

И, как ни петляли мысли Стольнаке, они все время возвращались к одному непреложному факту. Все эти годы Хенри Пеккари хранил тело в морозильнике. Зачем ему это, если убийцей был не он? В противном случае что связывало его с Раймо Коскелой и за что он его убил?

* * *

Рагнхильд сидела на крыльце, когда двое мужчин, тяжело дыша, входили во двор. «Ребекка не пошла с ними, – подумала она. – Что ж, тем лучше. *Yhta hyva*²³».

Свен-Эрик стянул с себя куртку и шапку, бросил на причальный мостик. От напряжения его лицо покраснелось, как помидор.

– Да, мне уже не восемнадцать... – Он улыбался, задыхаясь. – Так что с собакой?

Рагнхильд кивнула на пустые миски.

– Может, вороны. Или лисы. Я не вижу следы на снегу, так что сказать трудно.

Бёрье Стрём оглядел дом. Уголки его рта разочарованно опустились.

²³ Тем лучше (фин.).

«Наверное, он считает меня бессердечной, потому что я говорила о собаке, когда в морозильнике в доме столько лет пролежал труп его отца», – подумала она.

Свен-Эрик спросил разрешения войти.

– Входите, – ответила Рагнхильд. – Я хорошо проветрила помещение, поэтому вы не задохнетесь. Но я так и не решилась там убратся, когда была здесь последний раз. Я ведь не знала, что у убийства истек срок давности. Думала, сюда приедут полицейские и будут искать отпечатки. Поэтому старалась ничего особенно не трогать.

Рагнхильд прикусила губу. «Прекрати болтать!» – сказала она себе.

– Это вы правильно решили, – одобрил Свен-Эрик. – Но я хотел задать вам несколько вопросов о Хенри Пеккари. Вы как?

– Задавайте. Вы, конечно, считаете его убийцей. Простите, – Рагнхильд повернулась к Бёрье Стрёму, – как звали вашего отца?

– Раймо, – ответил тот. – Раймо Коскела.

– Мне трудно в это поверить, – продолжала развивать мысль Рагнхильд Пеккари. – Хенри был пьяница и бездельник и вообще довольно злобный тип. Но чтобы он убил кого-нибудь... Хотя, так, наверное, говорят все родственники.

– Они были знакомы? – спросил Свен-Эрик.

– Не могу сказать точно. Но такое возможно, притом что ваш отец был старше. В шестьдесят втором году у Хенри еще были приятели. Любители выпить на природе. По большей части, *ryökälhet* – алкоголики, лоботрясы, если мне будет позволено выразиться словами моей матери. Для этого он и стал здесь хозяином. Мать с отцом думали, Хенри образумится, как только почувствует ответственность. Но вы видите, как все повернулось. После лета шестьдесят седьмого отец был вынужден забить всех коров в срочном порядке.

– Мой отец не был ни пьяницей, ни лоботрясом, – мрачно заметил Бёрье Стрём.

«Тебе-то откуда знать? – мысленно возразила Рагнхильд. – Ты был ребенком, когда он пропал. Люди либо идеализируют, либо демонизируют друг друга. Они не выносят внутренние противоречия».

На какую-то долю секунды она задумалась о своем собственном образе Хенри. И мужчин в целом.

– А ваш старший брат, Улле? – спросил Свен-Эрик.

– В то время уже работал на шахте. В двадцать лет стал бригадиром. А потом открыл свою фирму, которая быстро пошла в гору. Сейчас там больше заправляет его сын.

Свен-Эрик вошел в дом. Бёрье Стрём и Рагнхильд остались на крыльце.

* * *

Рагнхильд вытащила из саней рулон черных пакетов для мусора и несколько мисок для собачьего корма. Наблюдая за ней, Бёрье Стрём думал, что совершенно не представляет себе, что ему делать наедине с этой женщиной. Внезапно в голову пришло, что тело сможет позаботиться о себе само, без его сознательного участия. Бёрье мог бы подскочить к ней и схватить – как пьяница в кабаке, когда объявили последний танец.

Ему и раньше не раз приходилось иметь дело со спортивными женщинами. В тренажерном зале в Эльвбю некоторые дамы начинали боксировать только потому, что это хорошая тренировка для мышц. Особенно недавно разведенные.

Иногда они изъявляли желание жить с ним. И тут Бёрье давал задний ход. Потому что это могло продолжаться лишь до тех пор, пока некий третий – более надежный или подходящий на роль отца для детей – не переходил ему дорогу. Или же сама дама уставала от «отношений, которые никуда не ведут».

Но что может быть нужно этой медведице? Ее, похоже, вполне устраивает одинокая жизнь в лесу. Бёрье задался вопросом, есть ли у нее кто-нибудь и кто это может быть. Когда Рагнхильд пошла к дому, он отступил на шаг, чтобы не стоять у нее на пути.

* * *

Он сторонился ее, как заразную больную. Рагнхильд сама не понимала, почему это причиняет ей боль. Она все еще не могла привыкнуть, что мужчины ее избегают – особенно невысокие и с высшим образованием. За время работы в клинике Рагнхильд время от времени замечала такое за врачами.

«С какой стати это меня заботит? – возмутилась она. – Пусть думает обо мне что хочет».

* * *

Свен-Эрик Стольнаке внутренне поежился. Дом Хенри Пеккари был худшим из тех, что он видел в жизни, а повидал он их немало. Грязь намертво въелась в перила лестницы и дверные коробки и выглядела как их естественный цвет. Более темные оттенки отмечали места, к которым Хенри прикасался чаще. Взяться за дверную ручку или щелкнуть выключателем давалось ценой немалого внутреннего усилия. Свен-Эрик был благодарен Рагнхильд за то, что в свое время та открыла окна и двери, избавив его от худшего.

Он прошел в большую комнату и огляделся. Во всяком случае, сразу стало понятно, где стоял морозильник. В этом месте сосновый пол имел более яркий оттенок – четкий прямоугольник, не пожелтевший и не покрытый слоем грязи. Между морозильником и стеной выросла плотная пылевая прокладка. Теперь она обрушилась и окаймляла место с одной стороны.

Свен-Эрик поморщился и подумал, что кое-кому все же повезло родиться с жизнестойкостью в генах, и образ жизни не имеет здесь большого значения. То, что Хенри пережил свое семидесятилетие, можно считать маленьким чудом.

Краем глаза Стольнаке видел, как на кухню вошла Рагнхильд. Один за другим она наполняла черные пластиковые мешки – пустыми бутылками, остатками еды и прочим мусором, разрушая десятилетиями складывавшийся интерьер.

Свен-Эрик пригляделся к обстановке. На диване – одеяла в несколько слоев; тем не менее видно, что он разбит и просижен. Здесь лежал мертвый Хенри. Так и уснул перед телевизором.

Над диваном – картина в золоченой раме. Краски поблекли, теперь она вся в зелено-ватого-голубых тонах. Пастух у каменной стены режет мясо. У его ног собака, выпрашивает кусочек. И все это на фоне южноевропейского пейзажа, с кипарисами и поросшими зеленью холмами.

Но картина висит слишком низко. Если сидящий на диване захочет откинуться на спинку, то упрется в нее затылком. Свен-Эрик присмотрелся внимательнее. Над рамой был след от гвоздя. «Неужели все так просто?» – удивился Стольнаке и осторожно снял картину.

Все оказалось проще некуда. В стене темнело пулевое отверстие.

* * *

«Так ли уж обязательно было мне с ними идти?» – спрашивала себя Ребекка Мартинссон.

Солнце поднялось высоко над вершинами деревьев, но было холодно. Ребекка застегнула молнию на куртке и откинулась на спинку автомобильного сиденья. Неплохо бы вздремнуть на

полчасика. «Им лучше поторопиться, – думала она. – Скоро припечет солнце, и тогда перейти реку не получится. Надеюсь, они не останутся там ночевать».

Уснуть так и не удалось – ни на полчаса, ни на двадцать минут. Между тем предстояло работать до позднего вечера. Иначе она не успеет подготовить столько дел до понедельника.

«Как я могла так быстро устать? – удивлялась Ребекка. – Мне непременно нужно показаться врачу. Или съездить в магазин здоровой еды. Пить напитки из зелени и заниматься в тренажерном зале».

– Эй!

Ребекка открыла глаза. К ней приближалась маленькая старушка. Она катила перед собой сани и почти полулежала на поручнях. Дорога почти оттаяла, и на просохших местах ей приходилось непросто с санями. На старушке была ярко-оранжевая куртка; из массивных ботинок торчали неправдоподобно тонкие ножки.

Дама изо всей силы махала рукой, как будто увидела спасательную шлюпку в открытом море. Ребекка открыла дверцу и вышла из машины. Прощай, сон!

– Эй! – снова позвала старушка.

Но тут ее силы, похоже, иссякли. Она остановилась, обошла вокруг саней и села на них.

– Кто она? – услышала Ребекка громкий вопрос. – Я ее знаю?

Ребекка коротко рассмеялась.

– Мне подойти, чтобы вы могли разглядеть?

Старушка ответила широким приглашающим жестом:

– *Tule nyt!* Иди сюда.

Ребекка приблизилась.

– Ну и чья ты будешь, девочка? – повторила старушка, теперь уже напрямую обращаясь к ней. – Я видела, кто-то переправлялся к Пеккари. Кто они?

Ребекка рассказала, с кем приехала и что у них за дело в Курравааре.

– А я-то жалуюсь соседям, что у нас ничего не происходит... – Странная дама покачала головой. – Меня зовут Мерви Юханссон. То есть Рагнхильд сейчас на острове?

– Да, как будто собралась прибраться у Хенри. Там еще осталась какая-то собака...

– Собака, да, – подхватила Мерви Юханссон. – Я ведь живу здесь и все вижу. Собаки Хенри забегали ко мне. Когда ему приходилось особенно плохо, он забывал впускать их в дом, а на дворе двадцать пять градусов мороза! И, конечно, не кормил. Вот они и перебивались у меня. Здесь ведь постоянных жителей было – я да Хенри. Он приходил за своими собаками, как только становился на ноги. Я предупреждала, чтобы он не сажал их на цепь, пусть ходят на свободе...

Ребекка подумала было спросить, не знал ли Хенри Пеккари отца Бёрье Стрёма, но Мерви Юханссон ударила в воспоминания, как много народу проживало в поселке постоянно, когда она была молода и только вышла замуж в пятидесятые годы. Имена, фрагменты человеческих судеб – Ребекка понятия не имела, кто все эти люди. Но терпеливо слушала.

– Вот я сижу здесь и вспоминаю старые времена, – опомнилась наконец Мерви. – А у тебя, наверное, какие-то свои дела?

– Нет-нет, – успокоила ее Ребекка. – Вы не знаете, общался ли Хенри Пеккари с отцом Бёрье Стрёма Раймо Коскелой?

Старушка посмотрела в сторону острова и как ни в чем не бывало продолжила о своем:

– Я чуть не плакала, когда мать Рагнхильд переехала в Кируну. Так, говоришь, ты Мартинссон? Откуда ты?

– Родственники отца жили в Курровааре. Вы не знаете, был ли Хенри знаком...

– Ты не дочь Виолы Мартинссон?

– Нет, я дочь сына Терезии Мартинссон, – поправила Ребекка. – Виола – тетя моего отца.

Мерви Юханссон поднялась с саней и схватила Ребекку за руку, словно чтобы убедиться, что она настоящая.

– Так ты дочь Вирпи! Она тоже жила здесь, у Пеккари. Ты, конечно, знаешь об этом. Они с Рагнхильд часто бывали у меня маленькими. Одно время у меня жил ягненок, которого они кормили из бутылочки. А Рагнхильд еще девочкой сидела на веслах и прекрасно управлялась с лодкой.

Выцветшие глаза Мерви остановились на Ребекке.

– А ты похожа на мать, – заметила она и вдруг добавила: – Она и вправду вылитая Вирпи.

К кому обращена последняя реплика, Ребекка так и не поняла. Бывало, она и сама разговаривала со щенком, но говорить с людьми, которых нет, через голову живого, присутствующего собеседника – это уже совсем другая стадия.

«Скоро и я буду такой», – промелькнуло в голове Ребекки.

Мерви молчала несколько секунд, постепенно отпуская руку Ребекки. Наверное, вспомнила, что Вирпи мертва.

– Нет, – ответила она наконец, и ее сморщенное лицо сделалось похоже на гнилую грушу. – Нет, – повторила она, – я не знаю, был ли Хенри знаком с Раймо Коскелой. Он ведь водился с одними алкашами. Извини, что вот так, прямо... С годами все более отпетыми. Под конец остался на острове один, все собутыльники умерли. Но вот недели три назад, это была ночь на пятницу, я точно видела там снегоход. Наст еще держал, это потом у нас разразилась тропическая жара. Он еще забуксовал за старой телегой на задворках моего дома... тем, что от нее осталось... и разбудил меня. «Значит, к Хенри еще кто-то ездит», – подумала я.

– И кто это мог быть? – спросила Ребекка. – Я хотела бы встретиться с приятелями Хенри. Он ведь мог общаться с Раймо, и нам было бы интересно узнать, каким образом.

Мерви Юханссон затрясла головой, как будто у нее в черепе были кусочки пазла, которые от этого могли встать на свои места. Из капюшона выпал розовый локон. Ребекка выпучила глаза. Розовые волосы? Мерви Юханссон, заметив ее взгляд, рассмеялась:

– Это все правнучка. Гостила у меня на прошлой неделе. Сначала покрасила свои волосы, потом мои. Хорошо, что я больше не хожу на молитвенные собрания. Что сказал бы на это лестадианский священник?

– «И путь ваш – путь беспечности», – голосом ангела Судного дня провозгласила Ребекка.

Мерви Юханссон рассмеялась и подхватила писклявым голосом:

– «...и прости наши прегрешения».

А потом вдруг сразу посерьезнела:

– Нет, я не знаю, кто приезжал к Хенри на снегоходе. Мы ведь совсем не общались, я и Хенри.

Она снова опустилась на сани. А Ребекка прикинула, что для них, пожалуй, хватит места в машине. Надо бы подбросить Мерви Юханссон до дома. Иначе не выдержит обратного пути и свалится, чего доброго, замертво прямо на дороге.

– Но я помню то лето, когда пропал Раймо Коскела, – продолжала Мерви. – Люди рассказывали, он бросил своего сына, уехал пьянствовать с друзьями и не вернулся. Бедный мальчик пешком пришел в поселок посреди ночи. Постучался в дом к Поромаа, там, где начинается лесная дорога.

Мерви Юханссон махнула в направлении дома Поромаа. Поселок Курраваара вытянулся вдоль реки.

– У Раймо Коскелы были родственники в поселке? – спросила Ребекка.

– Нет, его приютила Ольга Пала. Хотя «приютила», наверное, не то слово. Она ведь была вдова, каждый эре на счету... Совсем с ума сошла после смерти своего Августа. То есть Раймо, конечно, снимал у нее дом за деньги. У Ольги был еще лес, так что нужда ей не грозила. Но она страшно боялась нищеты. Уж так ругалась, когда мы шли в поселок по ее дороге... Это было

не в то лето, когда пропал Раймо, а годом раньше. Мы только смеялись. Но Ольга перегородила дорогу шлагбаумом и навесила замок. Чтобы люди не собирали ягоды на ее землях. Самая настоящая *visukinttu*. Ты ведь знаешь финский?

– Нет. – Ребекка покачала головой, сохраняя информацию в папке «Заметки» в телефоне. – Понимаю некоторые слова, но...

– «Скупердяйка» – вот что это значит, – сердито перевела Мерви. – Жаль, что молодежь не знает финский. Не хочешь кровавых оладий? Я замесила тесто... Или ты из этих... из веганов?

– Я ем все, – улыбнулась Ребекка, – даже то, что лежит раздавленное на дороге. А за кровавые оладьи отдам правую руку.

* * *

Бёрье и Свен-Эрик разглядывали пулевое отверстие в стене над диваном. Рагнхильд осталась стоять в дверях.

Свен-Эрик снял с пояса нож.

– Ничего, если я выну оттуда пулю? – спросил он Рагнхильд. – Постараюсь не ковырять без необходимости.

– Ковыряйте, чего уж там. – Рагнхильд махнула рукой. – Могу принести кувалду, если хотите.

Свен-Эрик вставил кончик ножа в отверстие.

– То есть его застрелили здесь, – прохрипел Бёрье и прокашлялся.

Рагнхильд Пеккари повернулась к нему, как будто хотела попросить прощения. У нее не было никакого объяснения тому, что Хенри застрелил отца Бёрье. Но она молчала.

Встретив ее взгляд, Бёрье чуть качнул головой. Похоже, он угадал ее мысли и хотел сказать, что извиняться Рагнхильд не за что, ведь стреляла не она. Но в следующую секунду Рагнхильд истолковала это движение как выражение презрения к ней и ее семье.

– Хорошо, что отец с матерью не дожили, – прошептала она.

Что-то вроде оправдания – что *äiti* и *isä* были не такими, как Хенри.

Свен-Эрик вынул пулю из стены и положил в бумажный конверт, который вытащил из внутреннего кармана куртки.

– Хотелось бы посмотреть, соответствует ли пуля оружию, которое было у Хенри. – Он повернулся к Рагнхильд. – Где он мог хранить оружие с того времени, не знаете? Мы могли бы проверить.

– Ни отец, ни Хенри не любили оружейных шкафов, – ответила Рагнхильд. – Если что и осталось, посмотрите на чердаке. Берите всё, что нужно.

Свен-Эрик и Бёрье поднялись на второй этаж. Небольшая каморка за двумя закрытыми дверями, а в ней еще две маленькие кладовочные дверцы вели на чердак, каждая на свою половину.

Свен-Эрик открыл одну из них и с порога увидел на полу красный клетчатый плед. Контуры того, что он скрывал, не оставляли места сомнениям.

Дробовик и штуцер. Свен-Эрик проверил то и другое – патронов нет. Завернул оружие в плед.

– Странно все это, – произнес Бёрье за его спиной.

Он открыл дверь на другую половину чердака и попал в комнату без мебели, с печкой, на которой облупилась краска. Обои вздулись, на потолке большое влажное пятно. На полу три матраса – один широкий и два поуже. У широкого два угла острые, два закругленные, что и в самом деле смотрелось немного странно. Здесь же лежали подушки и одеяла – без простыней и наволочек.

Взгляд Бёрье упал на подоконник, где лежали тюбик зубной пасты и массажная щетка для волос, как будто кем-то забытая.

– Кто-то оставался здесь на ночь, – заметил Бёрье Стрём. – Кто, интересно? Событуль-ники?

– С массажной щеткой и зубной пастой? – недоверчиво спросил Свен-Эрик.

Он открыл еще одну дверь, в душевую, и раздернул грязную штору с ласточками на фоне голубых облаков. Чистота – первое, что бросилось в глаза. На полу стояла бутылочка шампуня – «Блеск и сияние окрашенных волос». «Женский шампунь», – отметил про себя Стольнаке.

Он взял проволочную вешалку на чердаке и вернулся в душевую.

– Что вы делаете? – удивился Бёрье Стрём.

– Всего лишь хочу кое-что проверить, – ответил Свен-Эрик.

Он поддел проволочным концом сито, прикрывающее слив на полу душевой. С обратной стороны его висели длинные светлые волосы. «Вот, значит, как, – сказал себе Свен-Эрик. – Визит дамы. Это ведь не бесплатное удовольствие».

И все-таки кое-что не стыковалось. Три матраса – три женщины? Но Хенри Пеккари явно был не в том возрасте.

– Черт с ним, – вслух выругался Свен-Эрик, поднимаясь. – Нам нужно выяснить, что произошло с вашим отцом в шестьдесят втором году. Для этого совсем не обязательно углубляться в интимную жизнь Хенри Пеккари. Хорошо бы для начала разузнать, были ли они вообще знакомы. Кто-нибудь жив из старых друзей вашего отца?

– Отец боксировал в клубе «Северный полюс», – ответил Бёрье. – Как и я. Оба тренера живы, Юсси Ментюнен и Сикке Фредрикссон. Вы, может, о них слышали?

– Да, конечно. – Свен-Эрик кивнул. – Клуб там же, где был всегда. Думаю, они там бывают. Вы туда не заглядывали? В нем мало что изменилось.

– Нет. – Бёрье Стрём покачал головой. – Но первый визит туда помню, как будто это было вчера...

Август 1962 года

Два месяца прошло с того дня, как пропал отец, и только началась школа, когда Бёрье Стрём впервые вошел в боксерский клуб «Северный полюс». Это был отцовский клуб. Надежда на то, что отец может быть там, на какое-то время бабочкой запорхала в желудке. Что, если он вернулся, а мать запретила ему видаться с сыном? И тогда папа отправился в клуб, боксировать. Сейчас Бёрье переступит порог зала, и отец, оторвавшись от спарринга, улыбнется ему своей белозубой улыбкой...

Клуб располагался в подвальном помещении под кондитерской, рядом с водонапорной башней, в двухэтажном доме с фасадом из зеленого гофрированного железа и коричневыми оконными рамами. В большей частью асфальтированном, огороженном штaketником дворе стояли автомобили и мотоциклы под брезентовыми чехлами. На брезенте лежали желтые листья, как золотые монеты, разбросанные чьей-то щедрой рукой, в свете фонарей.

Бёрье потоптался немного, но все-таки подошел к двери. Всего несколько ступенек вниз – и он перед табличкой: «Боксерский клуб «Северный полюс». Внизу – белый медведь с ослепленными зубами в красных боксерских перчатках. Дверь чуть приоткрыта. Изнутри – свист скакалки, глухие ритмичные удары по груше, пыхтение. Бёрье осторожно спустился по ступенькам и заглянул в зал.

Там было настоящее мужское царство. Кипящий котел из мускулов и бьющих в нос запахов – пота, несвежей одежды, массажного крема. На ринге в центре боксировали двое взрослых мужчин. Чуть в стороне еще один обрабатывал боксерскую грушу. Мужчины в коротких штанах с оголенными торсами били по боксерским мячам или прыгали через скакалки. Многие

носили татуировки. Бёрье покосился на свои точки. Здесь на такое, пожалуй, никто не обратит внимания.

Он вошел – несмотря на колотящееся сердце и ноги, в любой момент готовые бежать прочь, не спрашивая его согласия. Постоял у входа. Разглядывал афиши с соревнований на стене, фотографии боксеров в боевых позах. Табличку «На пол не плевать» прямо у входа.

Возле ринга стоял тренер с коротко стриженными светлыми волосами. В длинных брюках, белой рубашке и с секундомером в руке.

– Гард, Ласси, – кричал он парню на ринге. – И не прикрывайся перчаткой. Двигай ногами! Что стоишь, будто в болоте увяз? Еще двадцать секунд... Давай... Стоп.

По его команде не только остановился бой на ринге, но и все зале прервали тренировку. Послышались негромкие разговоры. Некоторые боксеры, наклонившись вперед, пытались отдышаться. И тут тренер увидел Бёрье, который был вынужден вцепиться в дверную ручку, потому что ноги стали как желе.

– Ты заблудился, мальчик? Ищешь кого-нибудь?

Он смотрел на Бёрье. У тренера плоский широкий нос, как у отца. И крепкий, как дерево, затылок. Кожа словно дубленая, натянутая на кости лица. Она не раз разрывалась, заживала и разрывалась снова. Голос соответствовал коже – грубый, но густой, мелодичный. Заметный финский акцент, как у отца. Глаза живые и любопытные. Их острый взгляд вперился в Бёрье, но не упускал из внимания того, что происходит в зале.

– Мой отец боксировал в этом клубе, – начал Бёрье.

– Вот как... И как зовут твоего отца?

– Раймо.

Разговоры стихли. Теперь все взгляды устремились на него. Бёрье испугался. Попробовал прислониться к двери, но, поскольку та была не заперта, чуть не упал.

– Как ты сказал? – переспросил коротко стриженный. – Раймо? Раймо Коскела?

Он приблизился на несколько шагов. Бёрье кивнул. Теперь он боялся получить взбучку. Ведь папа и этот дядя вполне могли оказаться врагами.

Подошел другой, тоже, похоже, тренер, – в длинных брюках, рубашке и с секундомером в руке. Ростом чуть повыше первого. Темноволосый, и ни малейшего намека на боксерский нос. Глаза добрые. Оба смотрели на Бёрье, который уже успокоился.

– Парень Раймо, – сказал темноволосый, одновременно обрадованно и грустно. – Что ж, добро пожаловать. Я Сигвард, можно просто Сикке.

– Он Сису-Сикке, так его здесь называют. Ты знаешь, что значит «сису»?

Конечно, Бёрье знал. «Сису» – финское слово, означает способность к действию. Но тренер так и не дождался ответа от Бёрье. Теперь уже и коротко стриженный внимательно оглядел мальчика с ног до головы и расплылся в улыбке.

– Ну а я Ниркен-Юссе, – представился он. – Парень Раймо... Ты тоже умеешь боксировать?

* * *

Ребекка вошла в кабинет без четверти двенадцать. Она позавтракала у Мерви Юханссон кровавыми оладьями. Около половины десятого Свен-Эрик с Бёрье Стрёмом пришли по льду с острова. И никто не провалился и не утонул, что можно было считать удачей.

Зато теперь Ребекку ждали кипы нерассмотренных дел. «Ну вот наконец и ты», – будто говорили они. «Одна папка за раз», – уговаривала себя Ребекка, бросая куртку на стул для посетителей.

В дверях возникла секретарша фон Поста Эва Бергмарк. Улыбка чуть шире, чем обычно, походка чуть стремительнее – не к добру.

– Добрый день, Ребекка, – сказала она. – Калле отбыл в Йелливаре, встреча с шефом по особо тяжким преступлениям. Но у него слушания в тинге, и он хочет, чтобы ты взяла это на себя. Никакой подготовки не требуется, просто твое присутствие.

– Ты шутишь? – возмутилась Ребекка. – Он взвалил на меня весь баланс полицейских расследований, а теперь еще слушания в тинге?

Но Эва Бергмарк не шутила. Она склонила голову набок и умоляюще улыбнулась:

– И я успела соскучиться по твоим текущим рапортам... и опросам сотрудников. Не забывай, ты единственная, в отношении кого никогда не возникает вопросов, когда встает вопрос об отпуске летом.

И, клацая каблуками, Эва удалилась по коридору.

* * *

Ребекка просмотрела заявление по делу и доказательную документацию. До слушаний оставалось полчаса. Надевая костюм, который всегда висел в кабинете, выборочно пролистала рапорты предварительного расследования, достала из шкафа туфли на каблуках. Капроновые колготки в кармане куртки тоже пришлось кстати. Похоже, на них спустилась петля, но тут уж ничего не поделаешь. Ребекка застегнула пиджак, надеясь, что запах пота после утреннего приключения не просочится наружу. Волосы собрала в хвост.

На пути к двери позвонил Похьянен.

– Рапорт, – коротко потребовал он.

– У меня сегодня напряженный день на работе. Через двадцать минут я должна быть в зале суда. Можешь позвонить Свену-Эрику, он...

– Я пытался, – перебил Похьянен. – У него отключен телефон. Двадцать минут – океан времени. Говори.

По голосу было слышно, что Похьянен ждал ее звонка, и обстановка накалилась. Он не привык к тому, чтобы его игнорировали.

Ребекка изложила ход событий сегодняшнего утра, садясь в машину и выруливая к зданию тинга. Похьянен довольно замычал, когда она дошла до пули в стене.

– То есть можно предположить, что это Хенри Пеккари застрелил его? По крайней мере, он как-то в этом замешан, – прохрипел Похьянен. – Что вообще их связывало, неизвестно?

– Мерви Юханссон сказала, что ей это неизвестно, но Свен-Эрик собирается побеседовать со старым тренером Бёрье Стрёма. Потому что и отец, и сын занимались в одном клубе.

– Отлично, просто отлично, – промурлыкал Похьянен. – Посмотрим, что нам даст эта пуля.

– Тут еще такое дело...

Ребекка припарковала машину и взглянула на часы на инструментальной панели. Семь минут до начала слушаний. Сейчас не время поднимать эту тему...

– Ну!

...Но Похьянен, пожалуй, умрет от нетерпения.

– Хорошо, только если вкратце. Мерви Юханссон вспомнила, что недели три тому назад кто-то приезжал к Пеккари на снегоходе...

И тут она уже не могла не упомянуть матрасы на втором этаже в его доме и длинные светлые волосы в сливном отверстии в душе.

– Черт, Мартинссон... что вы там ищите? – выругался Похьянен; бодрость покинула его голос.

– Согласись, это странное совпадение, когда...

– Короче, – оборвал Ребекку Похьянен. – Я делал вскрытие Хенри Пеккари. Единственная странность там в том, что эта смерть не наступила двадцать лет тому назад.

– Я не хотела просить тебя вскрывать его еще раз, но...

– Ну вот и отлично! – зарычал Похьянен. – Потому что я и не думал ничего переделывать.

Тут с ним случился приступ кашля. Ребекка выжидала, косясь на часы. Три минуты до начала слушаний. Через стеклянные двери она видела, как все вошли в зал суда. Двери закрылись.

– Ты ставишь под сомнение мою профессиональную компетенцию, – мрачно подвел итог Похьянен, когда кашель отпустил.

– Нет. Всё, о чем я прошу, – еще раз заглянуть в протокол вскрытия. У меня недобрые предчувствия.

– Опять ты со своими предчувствиями... Лучше б держала их при себе.

– Пора заканчивать, – оборвала Похьянена Ребекка. – Мои слушания...

Она вышла из машины и поспешила к подъезду, мысленно добавив: «И скажи спасибо за то, что я поднялась посреди ночи и посвятила почти весь день твоему частному расследованию. Чтобы оставшиеся несколько часов поработать за фон Поста».

Ребекка заняла свое место в зале суда и попыталась сосредоточиться на слушаниях. Время от времени заглядывала в бумаги – чаще, чем делала обычно. Со стороны это оставляло впечатление неподготовленности и неуверенности в собственных силах, и Ребекка ненавидела себя за это.

Когда все наконец закончилось и она потянулась за курткой, увидела рядом знакомого адвоката. Этот тип вот уже несколько раз пытался пригласить ее на ужин. Но сегодня Ребекка не нашла в себе силы выкручиваться и придумывать отговорки. Они поздоровались, и он сказал, что рад ее видеть.

– Я думал, этим занимается фон Пост...

– У него встреча с шефом по тяжким преступлениям, – ответила Ребекка. – Ну а у меня не было времени подготовиться как следует.

Она сжала губы. Щеки вспыхнули от злости на саму себя. С какой стати ей извиняться перед этим адвокатишкой из захолустья... дно юридического мира.

– Э-э-э-э... – замялся коллега. – А вы ничего не перепутали? У шефа по тяжким преступлениям выходные сегодня и завтра. Ее муж регулярно уходит в запой.

– Вот как... – смутилась Ребекка. – Стало быть, я что-то не так поняла. В любом случае, у фон Поста сегодня какие-то свои дела.

Она улыбнулась адвокату, как будто только сейчас разглядела, какой он симпатичный, но это был отвлекающий маневр. Ребекка попрощалась с озадаченным коллегой быстрее, чем тот успел еще раз попытать счастья с ужином.

Злоба кипела, как ведьмин котел, когда Ребекка забрасывала сумку на заднее сиденье. Проклятье! Фон Пост спихнул на нее слушания просто так, потому что ему так захотелось. За этим Бьёрнфут и назначил его заместителем, чтобы фон Пост делал, что хочет. Интересно, что ему взбрело в голову сегодня? Лыжная прогулка по лесу? Поездка в Риксгрэнсен с друзьями? А она должна за него пахать!

Ребекка повернула на Курраваару, домой. По пути забыла заехать в магазин. Все равно что есть на ужин, только бы не возвращаться в город. Попкорн с растопленным маслом вполне подойдет.

Всю дорогу до упора она жала на педаль газа, злая на фон Поста, на Похьянена – на всех, кто считает, что она должна быть такой, какой они ее себе вообразили.

– Черт с вами со всеми! – выругалась Ребекка вслух.

* * *

Свен-Эрик Стольнаке вернулся домой, где пахло рыбным рагу и свежее испеченным хлебом. Айри встретила его в прихожей.

– Ну как прошел день? – спросила она.

По его глазам было видно, что все прошло хорошо. Лучше не бывает. Взгляд Свена-Эрика светился жизнью. Ему явно было что рассказать.

Айри заметила это уже через окно, когда Свен-Эрик подходил к дому.

– Ты! – воскликнул он с притворным возмущением. – Ну почему ты всегда оказываешься права?

– Я знала, – ответила Айри и улыбнулась так, что кожа на лице натянулась – особенность, которая всегда казалась Свену-Эрику пугающей.

* * *

– Ты уже? – удивился Сиввинг. – Время – шести нет. Я думал, ты останешься работать допоздна. Воспользуешься тем, что я взял на себя собак.

Сиввинг разогревал готовый суп в котельной под собственным домом. Там у него стояли кровать и небольшой обеденный стол. Он явно предпочитал котельную верхней части дома.

– Сил не осталось... – Ребекка вздохнула. – На мою долю хватит?

– Конечно, хватит, – ответил Сиввинг. – Я купил свежие хрустящие хлебцы. А это... – он приблизил к глазам упаковку из-под супа: «...семена чили и морская соль». Ну а с тебя рассказ о том, как прошел день. Ты была на техосмотре? У тебя скоро отберут права.

Ребекка заглянула под стол. Там лежала Белла со своей vareжкой.

– А где Снуррис? – спросила она.

– У Кристера. Ты разве не получила мое сообщение?

– Что?.. Нет.

– То есть? Ты что, не смотришь в свой телефон?

– Только и делаю, что смотрю. И постоянно проверяю сообщения. Можно взглянуть?

– Мой телефон разрядился. Но я отправил сообщение еще в двенадцать часов. Проблемы со Снуррисом. Он не мог спокойно смотреть на Беллу с этой vareжкой, хотел с ней играть. Пришлось обратиться к Кристеру. Я сказал, что вечером ты забереешь Снурриса обратно.

– Забрать? – переспросила Ребекка. – Из дома Кристера?

И вдруг почувствовала такую усталость, что чудом не соскользнула на пол со стула.

– Позвони ему, – посоветовал Сиввинг. – Кристер и сам может привезти сюда Снурриса. Скажи, что на его долю тоже хватит супа.

– Ну уж нет, – твердо возразила Ребекка. – Ты вообще в курсе, что у Кристера новая девушка? Теперь ему не позвонишь просто так, насчет собаки или чего-нибудь еще.

– Разве ты не будешь снова просить у него снегоход пятого апреля? Ты жила в Стокгольме и, если бы Кристер не занимался в это время твоим домом, не смогла бы сейчас въехать во двор. Снег валил, таял, смерзлся и снова валил. Посмотри на Анну-Лизу Айданпаа. Она не убирала снег – и теперь паркуется на дороге. Там теперь не проехать.

– Ты обещал, что возьмешь на себя Снурриса. Если что-то пошло не так, надо было в первую очередь звонить мне. Я решила бы эту проблему по-своему, понятно?

– То есть это я должен звонить Кристеру и просить его привезти собаку? Я могу сказать, что супа на его долю не хватит.

– Нет, бога ради. Я сама к нему съезжу. Разве твой телефон не разрядился?

* * *

Ребекка припарковалась возле дома Кристера. Во дворе только одна машина, и не его. Стало быть, Марит Тёрме водит «Тойоту Короллу». Ребекка подумала, что бы ей еще такого вспомнить про Марит. Желательно что-нибудь нелицеприятное. Но в голову так ничего и не пришло.

Итак, она должна выйти из машины, подойти к дому, позвонить в дверь, поболтать с Марит о том о сем и спросить насчет собаки? Да, именно в такой последовательности, и плевать на Сиввинга.

Ребекка открыла бардачок, вытащила сигареты. Курила в закрытой машине. Тут ей пришло в голову, что Марит может уловить не только кислый запах пота, но и пепельницы. Ребекка опустила окно, выбросила окурок и занялась поисками жевательной резинки. Перерыла сумку и бардачок и наконец обнаружила два кусочка, прилипших ко дну держателя чашки. Запихнула жвачку в рот и жевала ее, как измельчитель веток. Наконец, мысленно сказала себе: «*Just do it*»²⁴ – и вышла из машины.

Тут из-за угла выехала машина Кристера и остановилась позади нее. Единственным, о чем Ребекка успела подумать, было, что у нее грязные волосы. Почему она не приняла душ? Потому что встала в четыре утра. Тем не менее... Ребекка проглотила остатки жевательной резинки.

Но в следующий момент она забыла о волосах, потому что из машины выскочили сразу три собаки и приветствовали Ребекку с такой радостью, на какую только были способны их лоснящиеся туши. Хвосты метались из стороны в сторону. Языки развевались, как флаги на параде. Они лаяли и так старались лизнуть Ребекке лицо, что чуть не сбили ее с ног.

Снуррис подобрал где-то палку и принес ее в зубах, как видно, рассчитывая таким образом привлечь к себе больше внимания. Рой, самый старший, зарычал на молодежь и прижался задом к ноге Ребекки, чтобы та почесала ему копчик. Ребекка выполнила и эту просьбу. Тинтин, как всегда, пыталась петь. У Ребекки не хватало рук приласкать их всех сразу.

Она наклонилась, позволив собакам лизать лицо. Но те не успели как следует ее обнюхивать, потому что подоспел Кристер и дал сигнал оставить это занятие. Теперь они крутились вокруг него. Лаяли, визжали – «У нас гостья, или ты не видишь? Самая лучшая гостья на свете». А потом вернулись к Ребекке.

Не засмеяться было невозможно, и Кристер с Ребеккой дружно расхохотались. Собаки разом смахнули все недоразумения, что еще оставались между ними. Ребекка поднялась на ноги.

Собаки бегали по двору, проверяя, что изменилось с прошлого раза.

Кристер был красив. Ребекка и вправду не замечала раньше, что у него такое здоровое, загорелое лицо. И тело сильное, но такие мускулы не нарастишь в тренажерном зале. Он коротко поздоровался.

Что-то оживилось в Ребекке, как только она услышала его голос. Насторожилось – словно заблудившийся в лесу маленький зверек, которого вдруг позвал хозяин. Это был родной, домашний голос. Ребекка сглотнула. Ответила на приветствие. Спросила, как он. Кристер ответил, что в порядке. Она снова вспомнила о своих волосах.

Из дома выбежал Маркус в одних носках.

– Ребекка! – закричал он.

Обнял, ткнулся лицом в ее куртку, не переставая о чем-то говорить.

²⁴ Просто сделай это (англ.).

Ребекка положила обе руки ему на затылок. Волосы Маркуса все еще были мягкими, как у младенца. Одиннадцать лет – как такое возможно?

– Я не слышу, что ты там рассказываешь моей куртке, – рассмеялась она. – Но, наверное, что-то очень интересное.

– Это я потом напишу тебе в СМС, – пообещал Маркус, – потому что сейчас хочу только обниматься.

– Ты не обут, – с ужасом заметил Кристер. – Немедленно домой. Ужин готов?

Маркус снова повернулся к Ребекке:

– Марит сделала индийское чечевичное рагу. Ты поешь с нами, Ребекка?

– Нет, я поужинаю с Сиввингом, а то он обидится. Я обещала.

– Мы заберем и его. А Снуррис поиграет с Роем и Тинтин. Ладно?

Маркус оставил Ребекку и переключился на собак.

– Немедленно иди в дом! – рассердился Кристер. – Или я положу тебе в тарелку мокрые носки вместо ужина.

– О'кей, о'кей, босс.

И Маркус побежал в дом.

Пока Ребекка любовалась Маркусом, который, размахивая руками, бежал к двери, Кристер воспользовался возможностью присмотреться к ней самой. Ребекка как будто похудела. Под глазами темнели круги. Все это не имело для Кристера никакого значения. Ребекка была для него чем-то вроде горы Биран, которая, как змея, вилась между Корсавагге и Керкевагге. Кристер видел ее при любой погоде – сквозь туман и метель, и всю в цветах под июньским солнцем. В зимне-весеннее межсезонье она лежала припорошенная снегом, между тем как хлестал град, словно кто-то сверху метал шары для пинг-понга. Кристер никогда не уставал от Биран. Это была его гора, при любой погоде. То же с Ребеккой – как бы та ни выглядела. Он вдруг почувствовал такое непреодолимое желание обнять ее, что сунул руки в карманы. Краем глаза увидел Марит в окне кухни. «Теперь я с ней, – сказал себе Кристер. – И у нас все хорошо».

Желание обнять Ребекку вдруг сменилось вспышкой гнева, труднообъяснимым импульсом толкнуть ее в бок.

– Как дела у Маркуса? – спросила Ребекка. – В школе, с друзьями – как вообще?

Кристер пробурчал что-то вроде «всё в порядке», как всегда отвечал на вопросы Ребекки о своей жизни. Он почувствовал себя глупцом, который только и знает, что твердит, что у него всё в порядке. «Как вы относитесь к проблеме климатического кризиса?» – «Всё в порядке».

– Спасибо, – сказала Ребекка. – И прости. Спихнуть на тебя Снурриса – не моя идея. Это Сиввинг... – Она легко вздохнула и развела руками.

– Ну... всё в порядке, – снова повторил Кристер. – Мне пора в дом.

Она попыталась улыбнуться. Вышло неубедительно. Губы непроизвольно дернулись. Ее смущение неожиданно обрадовало Кристера, и его лицо оживилось. Ребекка открыла багажник и собачью клетку и позвала Снурриса, который прибежал, виляя хвостом, и по команде хозяйки занял свое место.

Кристера ждали дом и Марит. Но вместо этого он подошел к Снуррису и почесал его за ухом.

– У него хороший нюх, – сказал Кристер. – Я его тренировал, прокладывал след. Из этой собаки будет толк.

«А из тебя – нет», – мысленно добавил он, обращаясь к себе.

Почувствовал, как сами собой стиснулись зубы.

Тинтин тоже попыталась запрыгнуть в машину Ребекки, но та мягко отстранила ее и захлопнула за Снуррисом дверцу. Тинтин лизала Ребекке руки. Подпрыгнула и положила

передние лапы на крышку багажника. Рой оказался сообразительнее и держался рядом с хозяином.

– Ко мне! – закричал Кристер Тинтин, но та не слышала. Кристеру пришлось тащить ее к дому за ошейник.

Ребекка уезжала от Кристера с тяжелым сердцем. Было светло, несмотря на поздний вечер, но ей хотелось, чтобы вокруг машины сомкнулась темнота. Ребекка чувствовала на себе взгляды встречных автомобилистов.

Сжать зубы – единственное, что оставалось.

* * *

Кристер взялся на дверную ручку. Внутри зашевелилось чувство сродни материнскому. Вдруг захотелось увести Ребекку в лес. Заниматься едой, пока она смотрит на огонь или спит на оленьей шкуре.

Как забегали собаки при виде нее! Но Ребекка выглядела такой усталой, бледной, и все этот фон Пост... Воспользовался возможностью поехать на ней, пока Бьёрнфут в длительном отпуске.

Марит Кристер тоже любил, и они часто путешествовали. Но Марит – Кристер стыдился этих мыслей – звезда. Когда-то она завоевала золото по биатлону среди юниоров и была горным спасателем, как и он сам. Тридцать тысяч подписчиков в «Инстаграме»! Когда они в последний раз выезжали в горы, Марит попросила сфотографировать, как она носит воду из источника. Кристер достал телефон. Марит сняла куртку и несла ведра в одной рубашке. Ее тонкие, мускулистые руки на фоне гор – сколько человек будет ими любоваться? Кристер гордился Марит, но чувствовал, будто в горах они не одни.

Он, она и тридцать тысяч подписчиков.

«Ребекка не лучше, – уговаривал он себя. – Вечно в работе и слишком погружена в себя».

Когда Марит выложила их с Кристером фотографии в «Инстаграме», реакция была бурной. Кое-кто пришел в ужас от его безносого лица с розовой, потрескавшейся кожей. Комментаторы не церемонились. Один «тролль» написал даже, что Марит спит с инопланетянином.

Кристера раздражало тогда, что она сочла нужным его успокаивать. «Не обращай внимания». Он и не думал обращать. «Всем, чье мнение мне дорого, ты понравился». Кристер не знал этих людей, и его совершенно не заботило, любят его или ненавидят. «Большинство считает, что ты – чудо».

Но было нечто, что злило Кристера еще больше – «Красота внутри». Тогда Марит написала слишком много подобных комментариев – что он горный спасатель и так далее. Кинолог и воспитывает мальчика с психической травмой. Как будто выставила Кристера на продажу...

Он открыл дверь и оказался в ее объятиях. Обвивая руки вокруг ее шеи, подумал, что ему страшно повезло. Марит выглядела просто фантастически. Кристер пожалел, что согласился взять Снурриса. Хотя это Сиввинг, а не Ребекка, просил его помощи.

Собаки приветствовали Марит, но не особенно задержались возле нее. Тут же побежали проверять миски, не дав даже приласкать себя как следует. Сколько раз Марит обижалась на них за привязанность к одному-единственному хозяину...

Кристер поцеловал Марит, компенсируя собачью холодность.

– Дорогой, пока ты не снял ботинки, подбери, пожалуйста, окурков, – попросила она. – Я видела, как Ребекка выбросила его из окна машины. Один окурков уничтожает все микроорганизмы в пяти литрах грунтовых вод.

Кристер отыскал окурков и отправил его в мусорное ведро. Вспомнил, что от Ребекки сильно пахло мятной жвачкой. Неужели Марит вообразила себе, что они целовались?

* * *

Наступил Час Волка, отделяющий ночь от рассветных сумерек, – время, на которое приходился больше всего смертей и рождений. Немцы называют его еще *Hundewache* – «Собачья вахта», когда на небе восходит Собачья звезда – Сириус. А в Библии это Час Петуха, когда апостол Петр трижды отрекся от Господа, прежде чем успел пропеть петух.

Бёрье Стрём проснулся в гостиничном номере от подземного грохота. До половины четвертого лежал без сна, а потом вскочил и выбежал в светлую ночь. Солнце уже поднималось. Бёрье косился на свою длинноногую тень. С дорог уже сошел снег, но гравий, которым присыпали зимой тротуары, еще хрустел под ногами, затрудняя пробежку даже по асфальту. Первые километры дались особенно тяжело, все тело болело. С возрастом разогнать в нем кровь требовало все больше времени.

Оставив город за спиной, Бёрье взял курс на Луоссаваяру, старую шахтерскую гору. Туда перенесут часть городских домов из оползневой зоны. Шахта разрастается, медленно пожирает город. Скоро Кируна провалится под землю. Но руда нужна, и молодежи нужна работа. Это Бёрье понимает.

Подъем все круче, и он думает об отце, который столько лет пролежал в морозильнике на острове. Бёрье должен выяснить, что случилось. Если, конечно, такое возможно. Что, если все, кто знает правду, мертвы? Как этот город – главный свидетель прошлого, который скоро превратится в щебень...

Бёрье бежит, переставляет ноги, пока они не становятся мягкими, как спагетти. Он помнит первую заповедь Ниркина-Юссе – бегай, лучше по болотам или глубокому снегу.

Август 1962 года

– Значит, ты парень Раймо... – повторяет темноволосый тренер. – И тоже умеешь боксировать?

– Чуть-чуть.

Бёрье едва осмеливается бросить взгляд на мужское царство.

– Эй, парень! – кричит ему один с ринга. – Иди сюда и покажи, на что способен.

Он и оба тренера еще некоторое время разглядывают Бёрье, между тем как остальные возвращаются к своим занятиям – прыгают через скакалки и бьют по кожаным грушам. Бёрье не смеет дышать. У него странное чувство, будто здесь и сейчас решается его судьба. Что, если мужчины пожмут плечами и скажут что-то вроде «о'кей, парень, ступай-ка ты лучше домой»? Бёрье боится этого больше смерти.

Тот, который пониже ростом и с боксерским носом, откашливается:

– Что, отец так и не объявился?

Бёрье качает головой.

– Он учил меня бить по мешку.

– Хочешь попробовать? – спрашивает Сису-Сикке. – Я дам тебе отцовские перчатки. Только немного подтяну завязки, чтобы они тебе подошли.

И вот Бёрье бьет по мешку. Поначалу изо всей силы, поскольку думает, что они на него смотрят. Но это кончается тем, что мешок чуть не сбивает его с ног. Руки дрожат от напряжения, но Бёрье все равно. В следующем раунде с мешком он старается бить легче. Ведь мешок ему не враг. Тело помнит отцовские уроки: джеб – хук – апперкот – джеб – джеб – прямой правый.

За весь вечер никто не сказал ему ни слова. В зале Бёрье самый младший. Остальные от пятнадцати лет и старше, но есть и такие, как отец. Они взмокли от пота, как будто голыми стояли под дождем. Ими занимаются тренеры. В какой-то момент Бёрье тоже начинает чув-

ствовать на себе чей-то взгляд. Оборачивается – но Сису-Сикке и Ниркин-Юссе оба смотрят на секундомеры.

Вдруг Сису-Сикке оказывается рядом и кладет ему руку на плечо.

– На сегодня достаточно, – говорит он.

И помогает Бёрье снять перчатки, осторожно высвобождая запястья из завязок.

В теле приятная усталость. Им занимаются, и при этом не держат за ребенка.

– Хочешь вернуться? – слышит Бёрье вопрос Сису-Сикке.

Кивает.

– Тогда в следующий раз прихвати тренировочный костюм. Можешь хранить его в отцовском шкафу. Мы работаем во второй половине дня. Ну а теперь ступай домой. Мать заждалась к ужину.

Бёрье выходит на улицу и удивляется, что она все еще существует. За какой-то час он успел забыть о том, что у него есть дом, мать, школа. В носу задержался запах боксерского клуба. В ушах – звуки.

И ему разрешили прийти еще раз.

* * *

Взрослый Бёрье Стрём стоит почти на вершине горы Луоссаваара и тяжело дышит. Бег на месте – чтобы разошлась молочная кислота. Смотрит на часы – половина пятого. Город у его ног – на возвышенности Хаукиваара, между шахтными горами Луоссаваара и Кирунаваара – действительно красив. Бёрье сморкается и достает телефон.

В Эльвсбю живет женщина по имени Лотти. Накануне вечером Бёрье отправил ей эсэм-эску. Лотти не только привлекательна, но и умеет готовить. Бёрье посылает ей несколько сердечек и подмигивающий смайлик и бежит с горы. Но мысли его с Рагнхильд Пеккари. Бёрье вспоминает шершавую кожу на ее руках и пропахшую костром куртку. Он должен придумать, как встретиться с ней еще раз.

* * *

В Час Волка Рагнхильд Пеккари видит сон. Она и Бёрье Стрём – оба голые и потные. Обнимаются так, будто хотят друг друга задушить. Рагнхильд сверху. В момент оргазма она просыпается.

Слышали ли соседи, как она кричала?

Если это только во сне, Бог единственный тому свидетель. Но Рагнхильд надеется, что Бога нет.

Потная с головы до пят, она смотрит в темноту. Стыд сжигает ее огнем изнутри. Ночное солнце проникает в спальню сквозь щели между жалюзи и стеной. Медленно проступают контуры письменного стола, стульев, вешалки, корзины для белья. словно молчаливые животные собрались у кровати Рагнхильд. В их позах немой вопрос – кто она такая?

* * *

Ребекка просыпается на кухонной скамье в три утра. Губы липкие, как несвежая пленка, тело взмокло. Она ставит бокал и винную бутылку в мойку и включает компьютер.

Щурится, плещет в лицо водой, не находя в себе сил достать ватные диски. Поэтому в зеркале Ребекка выглядит как панда. Снимает макияж влажным махровым полотенцем. Чистит зубы. Говорит себе, что надо бы относиться ко сну серьезнее. Вовремя ложиться. Не переключо-

чаться в постели с сериала на сериал. Оставлять телефон за пределами спальни, как это советуют специалисты.

Она боится депрессии, которая огромной тенью бродит возле ее дома. Продолжать в том же духе – значит оставить дверь для нее открытой. И тогда тень, пригнувшись, войдет в спальню и заберет Ребекку с собой.

У Снурриса тут же, в спальне, своя постель. Когда Ребекка входит, щенок даже не поднимает головы. Ее неприятно поражает мысль, что Снуррис не прыгает к ней на кровать. Раньше он всегда спал у нее в ногах.

«Это все из-за черноты у меня внутри», – думает она, но не может не улыбнуться, глядя на него спящего. Снуррис свернулся калачиком в своей кровати, уткнувшись носом в собственный хвост. Он избегает ее. Даже для него Ребекка недостаточно хороша. Она мучает его одним своим присутствием. Мраком в душе, который может поглотить.

Ребекке становится жаль Снурриса, которому приходится жить с такой хозяйкой. И себя саму, потому что никогда уже не станет другой. Хочется плакать. Уголки губ опускаются, но слез, которые могли бы облегчить душу, нет. Она разучилась даже плакать.

Ребекку бросает в дрожь от осознания собственной холодности, равнодушия. Она больна, и от этого страдают все. Ребекка думает о том, что Снурриса придется отдать. Он не заслужил такой участи. Сиввинг его не возьмет. Может, Кристер...

Она думает о Кристере, а потом – о его девушке. Черт бы тебя подрал, Марит Тёрме. Спортсменка, спасательница – боже, какая тоска... Теперь Ребекка ее ненавидит. О чем Кристер может говорить с этой куклой?

Внутренний голос подсказывает Ребекке, что Марит определенно не из тех, кто плачет во время секса. Или, поглощенная мраком собственной души, вдруг замыкается в себе на целую неделю. «Но Кристер поступил правильно, выбрав ее, – думает Ребекка. – Потому что от меня почти ничего не осталось, и виновата в этом только я, и никто другой».

* * *

Судмедэксперт Ларс Похьянен курит на пухлом диване в подвале больничного корпуса. На коленях ноутбук с протоколом вскрытия Хенри Пеккари. Похьянен получил от жены пять гневных эсэмэсок и не ответил ни на одну. «Дай хотя бы знать, жив ли ты?» – была последняя. Черт бы ее подрал, она прекрасно знает, где он.

Нет, домой он сегодня не поедет. Выспится на работе. От того, что Похьянен умирает, он не перестает быть взрослым мужчиной, который не нуждается ни в няньках, ни в опекунах. А если и умрет, какая-нибудь «жевательная резинка» обязательно ее известит.

Похьянен больше не злится на Ребекку Мартинссон. Черт бы подрал ее предчувствия. Сразу после разговора с ней, в порыве гнева, Похьянен еще раз заглянул в протокол вскрытия. И что оказалось? Она права. Хенри Пеккари умер не от естественных для старого алкоголика причин. Его убили.

«Что ж, ошибки совершают все», – думает Похьянен, поднимая очки на лоб и выше, до самого темени. В конце концов очки соскальзывают с головы и приземляются где-то за диваном. И Похьянен не предпринимает ничего, чтобы достать их оттуда. Молча трет переносицу. Он теряет хватку. Сколько старичков оказались на его столе только потому, что вовремя не поняли, что пора прекратить водить машину? А сколько их жертв?

Ему пора вернуться домой, к жене. Лечь на дорогой диван и слушать музыку до конца своих дней. Джон Колтрейн, Канье Уэст, AC/DC. Confessions on a Dance Floor Мадонны. Пятую симфонию Бетховена и Седьмую – в исполнении Венского филармонического оркестра под управлением Карлоса Кляйбера, особенно аллегretto. Кири Те Канава, которая сделает бриллиант из чего угодно – из «Дуэта цветов», к примеру. Не самое печальное завершение карьеры.

Но сейчас нужно поспать. Через час рассветет, и он позвонит Мартинссон. Черт бы подрал ее со своими предчувствиями...

Пятница, 29 апреля

Ларс Похьянен позвонил Ребекке Мартинссон рано утром. Она поднялась с постели, с телефоном, зажатым между плечом и ухом, и с одеялом на плечах. Пока Похьянен прокашливался, спустилась по лестнице, выпустила Снурриса во двор.

– Я еще раз просмотрел протокол вскрытия Хенри Пеккари, – сказал Похьянен. – Все указывает на то, что он страдал аритмией сердца и умер от последствий длительного злоупотребления алкоголем.

– Ну хорошо, – ответила Ребекка. – Извини, я просто...

– Я еще не закончил, Мартинссон, – строго оборвал ее Похьянен. – Есть указания на бёркинг²⁵.

– Это еще что?

– Любой ошибся бы на моем месте! – вскричал эксперт, проигнорировав ее вопрос. – В области *livores mortis*²⁶ имеются лопнувшие сосуды...

– Я не понимаю...

Ребекка позвала Снурриса в дом. Насыпала в миску еды, продолжая слушать объяснения Похьянена.

– Разрыв капилляров. Ты знаешь, что такое капилляры, Мартинссон?

– Да, но...

– Молчи, когда я говорю. Иначе позвоню твоему шефу... исполняющему обязанности шефа. И тогда разговор будет другой... Разумеется, я заметил эти пятна сразу. Но ведь они были на верхней части передней стороны тела.

Похьянен опять задышал – долгие, свистящие звуки, словно через соломинку.

– Кто его транспортировал? – вдруг закричал он. – Их квалификация, я имею в виду... Победители чемпионата по поеданию кровяной колбасы в Эверкаликсе? Это ведь они переворачивали Пеккари, о чем не сочли нужным меня проинформировать. Вот я и решил, что изначально он лежал на животе. Поэтому и принял лопнувшие капилляры за трупные пятна.

Ребекка насыпала себе кофе, когда вдруг до нее дошло. Убийство? Похьянен, похоже, имеет в виду это.

– Кроме того, кровотечения в височных мышцах, прижизненные.

– Прижизненные, – механически повторила Ребекка.

Похьянен коротко рассмеялся, но быстро посерьезнел:

– На него должны взглянуть криминалисты.

– А что такое бёркинг? – спросила Ребекка.

– Способ удушения. Назван по имени шотландского убийцы Уильяма Бёрка. Он успешно применял его вместе со своим напарником Уильямом Хэром. Трупы продавали врачам для анатомических исследований.

– Ты шутишь...

Ребекка обращалась одновременно к и Похьянену, и Снуррису. Щенок лежал на спине в ее постели, положив голову на подушку, – поза, достоянная истинного короля Курраваары.

– Увы, у меня нет ни малейшего настроения шутить, – ответил Похьянен. – Жертве каким-то образом сдавливают грудную клетку. К примеру, убийца садится ей на грудь. Из-за нарушений естественной подвижности грудная клетка сжимается все сильнее с каждым выдо-

²⁵ Бёркинг – удушение путем сдавливания грудной клетки. Названо по имени одного из убийц, Уильяма Бёрка. В 1827–1828 гг. в Эдинбурге Бёрк с напарником Уильямом Хэром совершили таким способом несколько убийств. Трупы продавали шотландскому хирургу и анатому Роберту Ноксу (1791–1862).

²⁶ Трупные пятна (*лат.*).

хом, не имея возможности снова расширяться. В конце концов давление становится настолько высоким, что кровь не может вернуться к сердцу и устремляется вместо этого в кровеносные сосуды верхней части груди и шеи. А если при этом к лицу жертвы прижимается подушка, это вызывает дополнительные кровотечения на лице, шее и в области плеч. Пусть криминалисты поищут следы тканевых волокон на его лице... следы подушки.

– Ммм... – промычала Ребекка. – Можешь подождать с рапортом до пяти вечера?

– Конечно. И все это никогда не стало бы расследованием убийства, если б ты...

Он оборвал фразу. На другом конце стало тихо. Ребекка насыпала кофе и включила перколятор.

– Ты сказал, что любой ошибся бы, – напомнила она.

– Но я не любой, – прорычал Похьянен и дал отбой.

* * *

Мерви Юханссон разбудил яркий солнечный свет. Боже мой, который теперь час? Когда в последний раз она так долго спала?

Мерви встала и посмотрелась в зеркало. Тонкие розовые волосы торчат в разные стороны – невозможно не рассмеяться. Красавицей Мерви никогда не была, но это... Она сделала селфи и отправила правнучке.

Выспаться – мечта ее молодости. Сначала мать поднимала ее с постели. А когда началась работа и вдруг появились дети, ни о каком сне, разумеется, не могло быть и речи. Горшки, пеленки... плюс, конечно, они постоянно крутились под ногами. А Мерви в это время только и думала о том, чтобы выспаться. Встать хотя бы раз не раньше полудня, когда в теле совсем не останется ни усталости, ни тяжести. Так продолжалось много лет. А потом детки разлетелись из родительского гнезда кто куда, но молодой, здоровый сон так и не вернулся. Мерви все равно рано вставала и не ложилась до самого позднего вечера.

За утренним кофе с сухариками она вспоминала вчерашний день. Думала о Ребекке Мартинссон, дочери Вирпи. И о Рагнхильд, которая, по крайней мере, могла бы заглянуть как-нибудь. Все-таки родной брат, самое время озадачиться похоронами... Похороны – лучшее развлечение для тех, кому за семьдесят. Где еще отведешь душу с ровесниками? Вспомнишь старые времена, порадуешься за тех, кто встретил Господа, до дна испив чашу земной жизни... И при этом не будешь мучиться угрызениями совести.

Но теперь даже самые старые на похоронах были значительно моложе Мерви. И не с кем было вспомнить военные зимы, и продукты по карточкам, и то, как немцы сжигали деревни на финской стороне, и детей войны. Никто ничего больше об этом не знал и не хотел знать.

– Теперь они, пожалуй, и человека во мне не признают.

Эта фраза была обращена к Арвиду, который был вот уже двадцать семь лет как мертв, но Мерви продолжала говорить с ним.

Лучше жить в собственном доме, рядом с дорогими мертвецами, чем в Энгбакене пытаться вести беседы с теми, чей рассудок помутился от старости. Дети постоянно уговаривали Мерви переехать в дом престарелых. «Сами переезжайте», – отвечала Мерви. Они ведь были пенсионеры, следовательно, располагали временем. Могли бы хоть изредка навещаться в Куркио.

За окном стучала в стекло сорока. Она прилетала каждый день. Привыкла, что Мерви ее угощает. Мерви взяла пару вчерашних кровавых оладий и бросила в снег. Сорока улетела, унося в ключе добычу.

Внутренним взором Мерви видела, как Арвид качает головой. Он никогда не одобрял ее привычку кормить птиц, белок и лисиц. В детстве Арвид пережил голод иначе, чем она, поэтому Мерви его понимала. Но как ей поступать, конечно, решала сама.

– Почему бы не помочь, если мы можем себе это позволить? – отвечала она. – Иначе какой смысл жить?

Мерви высматривала сороку, но та давно улетела. Боялась, что вороны, рывшиеся в снегу за обломками телеги, отнимут добычу.

Она прильнула к стеклу и посмотрела в ту сторону. В самом деле, странно, что последние несколько дней там было столько ворон. За телегой лежало какое-то мертвое животное. Олень, похоже.

Мерви решила разобраться. Если это олень, нужно связаться с саамским поселком. И попросить кого-нибудь убрать тушу, пока она не начала гнить.

Мерви обула резиновые сапоги и набросила кофту поверх ночной сорочки. Спускаясь с крыльца, крепко держалась за перила. Сани стояли у нижней ступеньки, и Мерви, ухватившись за ручки, стала толкать их перед собой. Сначала по голой земле, а потом по снегу. След снегохода, где наст еще держал, вывел ее к обломкам телеги. Ноги все время соскальзывали в снег, но Мерви опиралась на ручки саней и таким образом держалась. Когда обогнула телегу, спугнула ворон. С громким карканьем и хлопая крыльями, они расселись на деревьях.

Там определенно что-то лежало, сразу возле тропинки, наполовину зарытое в снег... Мерви Юханссон пригляделась. И еще крепче вцепилась в поручни саней.

Это было не животное, а два человеческих тела. Неестественно вывернутая рука. Голова, длинные светлые волосы с запутавшимися в них снежными комьями. Чуть дальше торчали две ноги, в джинсах и кроссовках с блестками. Разодранная куртка – клочья набивки разбросаны по снегу. Работа ворон.

– Бедные девочки... – вырвалось у Мерви.

Больше она не держалась за сани.

– Бедняжки...

Сразу за обломками телеги начинался спуск к реке. И сани, как только Мерви их отпустила, медленно заскользили по склону, но не далеко. В полутора метрах от места, где она стояла, наткнулись на кочку и остановились.

Мерви шагнула вперед, чтобы достать их. Но снег за пределами снегоходной колеи был рыхлый, и она сразу провалилась по колено. Разозленная, попробовала вытащить ногу, но в результате увязла обеими.

Теперь нечего было и думать высвободиться без посторонней помощи. Мерви вспомнила саамского юношу, который когда-то учил ее заклинаниям. Сейчас, поскольку ей грозило соскользнуть со склона в снег, подошло бы слово «лэркадахка».

Подумать только, Мерви вспомнила его спустя столько лет... Саамы ночевали у них на хуторе, когда перегоняли свои стада, и Мерви влюбилась в красавца-оленевода. Вот посмеялись бы они, глядя на нее сейчас... На случай, когда нога увязала в снегу или болоте, имелось особое заклинание – «дихпут». А если снег забился в сапоги – «хьелльмат».

Мерви даже не пыталась подняться, это было бесполезно. Попробовала лечь головой вперед и ползти, но и это ни к чему не привело. Сани все еще были близко, но вне досягаемости. А телефон Мерви оставила на кухонном столе.

Она кричала – как могла громко. Но никто не слышал, ведь Мерви была в поселке одна.

– Ах, девочки, – запричитала она, обращаясь к мертвым в снегу. – Что же нам теперь делать?

К Мерви повернулось безглазое лицо.

Против ледяной корки, что врезалась в ногу, тоже есть заклинание – «рухтта».

* * *

Ребекка появилась на работе раньше обычного и первым делом подошла в желтой записке Бьёрнфута на стене: «Не ругаться!» Взяла ручку и дописала: «со мной» – внизу. После чего разорвала бумажку на две неравные части. «Не» выбросила в корзину, оставшееся снова прикрепила на стену.

У Ребекки созрел план. Она отправила эсэмэску Томми Рантакюрё, попросив его задержаться на работе. Тот не стал задавать вопросов. Сказал, что ничего не имеет против, поскольку все равно будет занят сортировкой и сканированием документов в архиве.

* * *

Карл фон Пост ушел с работы после обеда. Он собирался в Риксгрэнсен с семьей на выходные, кататься на лыжах.

«Теперь можешь выслать рапорт о вскрытии Хенри Пеккари», – написала Ребекка Похьянену в эсэмэске. Эксперт переслал рапорт, и Ребекка стояла рядом с Томми, пока тот готовил запрос об убийстве и направлял в прокуратуру в электронном виде. После чего Ребекка пошла в прокуратуру и инициировала предварительное расследование.

Она подстроила так, что дело оказалось в ее отделе. Теперь это ее убийство! В понедельник Чуму хватит удар, так что оно того стоило. Ребекка прищурилась на желтую бумажку. «Ругайся со мной, – мысленно обратилась она к фон Посту, – тебе же дороже выйдет».

Ребекка злорадствовала. Фон Пост свалил на нее всю черную работу. А потом еще и слушания. И соврал вдобавок, что должен быть на встрече с шефом по тяжким преступлениям. Заставил ее бежать в тинг сломя голову и заикаться, как какой-нибудь перепуганный помощник прокурора.

Ребекка прекрасно представляла себе, что он говорит за ее спиной. Что озадачен и озабочен, что Бьёрнфут озадачен не меньше и жалеет, что взял Ребекку на работу. Намекает, что Ребекка слишком много пьет. И упускает из виду некоторые вещи, напрямую связанные с работой. Она так и не прошла курс терапии после самоубийства Майи Ларссон. И вообще, эмоционально неустойчива и неуживчива. Не умеет работать в группе. И в личных отношениях... что у нее там с Кристером?

В результате Ребекка пришла к тому же выводу, что и тысячи раз до того. Что в «Мейер и Дитцингер» могла бы зарабатывать в пять раз больше фон Поста. Что же она делает в этой заштатной прокуратуре и чего ради терпит издевательства этого ничтожества? Бедная-бедная глупышка... Как же так получается, что Бьёрнфут каждый раз позволяет этому случиться? Почему Ребекка снова и снова наступает на эти грабли? Почему? Почему?

«Со мной и в самом деле что-то не так, – решила она. – Здесь фон Пост прав».

Зато теперь у нее самое настоящее убийство! Как это здорово – работать с полицейскими, вести предварительное расследование, все туже затягивать петлю на шее виновного... «И это не какое-нибудь там убийство по пьяни, – добавила Ребекка. – Иначе как бы оказались эти матрасы на втором этаже и длинные светлые волосы в сливе в душевой?»

Вечер пятницы она полностью посвятила Хенри Пеккари. Набросала, с кем и для чего нужно встретиться на острове, не забыв и о найденном в морозильнике трупе Раймо Коскелы. Приняла решение об оцеплении и обыске. Написала электронное письмо криминалистам из Лулео, где сделала распоряжения насчет осмотра как самого Хенри Пеккари, так и его жилища.

Приняла решение о прослушивании телефона Хенри Пеккари, чтобы отследить входящие и исходящие звонки. Придется запросить выписку у мобильного оператора, какие из этих

номеров локализованы в Палоссари и окрестностях на момент убийства. Да! И Похьянен должен предоставить информацию о времени наступления смерти.

Еще Мерви Юханссон... Она говорила о каком-то снегоходе, который видела на острове недели три тому назад, в ночь на субботу, то есть на девятое апреля. Ребекка набрала Мерви, чтобы та подтвердила дату, но ответа не дождалась. Наверное, Мерви уже легла.

Ребекка посмотрела на часы – восемь. Вечер пятницы. В отделении полиции никого, кроме нее. Она позвонила Сиввингу, который, как всегда, был рад ее слышать.

Еды хватит, и на нее тоже.

Он даже не вспомнил ни о техосмотре, ни о прохудившейся крыше.

Суббота, 30 апреля

– Мне все равно, – сказала Анна-Мария.

Хотя это и в самом деле выглядело крайне неприятно.

Семья завтракала. Петер с такой ожесточенностью вычерпывал йогурт с мюсли, как будто шел на мировой рекорд. Йенни, плясь в телефон, при помощи миксера перерабатывала капусту, спинулину, банан и семена чили в однородную коричневую жижу.

– Ммм... – Больше Петеру на реплику матери ответить было нечего. – Он повернулся к сестре. – Не забудь вымыть за собой посуду.

– Ну почему Похьянен не попросил и меня помочь ему с трупом из морозильника? – продолжала Мелла. – Странно все-таки, что Ребекка и Свен-Эрик работают вместе. Свен-Эрик даже не заглянул ко мне, когда был в городе. И потом...

Мелла вонзила зубы в бутерброд и поморщилась, будто от боли. Далее продолжала жаловаться с набитым ртом:

– ...И потом, я все еще не могу смириться, что она не довела мое расследование до суда. Сейчас такое время, что любую репутацию, даже если она создавалась на протяжении двадцати лет, можно разрушить за три минуты. Достаточно одной записи в «Фейсбуке», и все узнают, что это я, даже если мое имя не будет упомянуто. А потом весь город будет говорить о том, что я не могу даже сделать приличную фотографию для следственного эксперимента и что это из-за меня грабители и подонки разгуливают на свободе.

– Ты не преувеличиваешь? – спросил Роберт, не отрывая глаз от телефона.

– Но почему она сама мне этого не сказала?

– Так спроси ее об этом. Вы ведь, кажется, подруги.

– Я тоже так думала.

Анна-Мария перевела глаза на младшего сына Густава, который мрачно смотрел на свой бутерброд и стакан сока.

– Ешь! У тебя сегодня матч.

– Не могу, – ответил Густав. – У меня депрессия.

Анна-Мария поставил на стол чашку с кофе.

– Ах, какие слова! – воскликнула она. – Говори прямо, что случилось?

Мелла встретила его грустный взгляд, и желудок сжался от страха. Современные дети жестоки, а Густав так беззащитен... Неужели над ним опять издеваются? У него уже были проблемы, и Анна-Мария долго ничего не замечала. Потому что много работала. Может, несчастная любовь? Мелла была готова собственными руками придушить маленькую соблазнительницу, кем бы та ни была.

– Ты ведь помнишь, что на прошлой неделе меня пригласили на сервер «Майнкрафта»? – спросил Густав.

– Ну да, – соврала Мелла.

– Я заходил туда вчера вечером, и должен был построить себе дом. У меня не было времени рубить все эти деревья, поэтому я просто решил их запалить...

Густав вздохнул и продолжил срывающимся на слезы голосом:

– Но огонь перекинулся на соседский дом, из шерсти и дерева, и тот сгорел весь. Я пытался тушить... Теперь меня забанят на сервере. А новый лес я вырастить не успел, потому что ты отправила меня спать.

– Ах, милый... – Анна-Мария прикусила губу, чтобы не рассмеяться.

– Не «запалить», а «спалить», – поправил Густава Петер.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.